

ВСЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ШКОЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ В КРАТКОМ ИЗЛОЖЕНИИ

- Основное содержание произведений
- Биографии писателей
- Анализ текста
- Литературная критика
- Теория литературы

6
класс

«Астрель»

И. О. Родин, Т. М. Пименова

ВСЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ШКОЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ В КРАТКОМ ИЗЛОЖЕНИИ

6

класс

Москва
АСТ • Астрель
2007

УДК 373:821

ББК 83.3я7

Р60

Родин, И. О.

Р60 Все произведения школьной программы в кратком изложении : 6-й кл. / И. О. Родин, Т. М. Пименова. — М: АСТ: Астрель, 2007. — 414, [2] с.

ISBN 5-17-019700-4 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-06900-1 (ООО «Издательство Астрель»)

В книгу вошли все произведения школьной программы по литературе за 6 класс.

Пособие содержит краткое содержание самих произведений (как отечественных, так и зарубежных авторов), отрывки из критических статей, биографические сведения об авторах, анализ текста и справочные материалы по теории литературы.

Книга будет незаменимым помощником при изучении курса литературы, повторении пройденного материала, а также при подготовке и сдаче экзаменов.

УДК 373:821

ББК 83.3я7

Подписано в печать 06. 09. 2006. Формат 84х108¹/₃₂.

Усл. печ. л. 21.84. Доп. тираж 7 000 экз. Заказ № 4292Э.

Настоящее издание охраняется законом об авторском праве. Никакая часть данного издания не может быть издана, перепечатана или воспроизведена любым другим способом без письменного разрешения на то авторов. Любое нарушение означенных прав будет преследоваться по закону.

ISBN 5-17-019700-4 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-06900-1 (ООО «Издательство Астрель»)

© «Родин и компания», 2003

© ООО «Издательство Астрель», 2003

От авторов

Данное учебное пособие уникально и не похоже на те, которые уже существуют. В первую очередь, это касается огромного охвата материала, который вошел в это издание. Помимо краткого содержания произведений (но вместе с тем достаточно подробного, чтобы ответить на любой вопрос), в книге содержатся: интересные биографические сведения об авторах, об истории создания того или иного художественного произведения.

В книгу включены все произведения, составляющие школьную программу 6 класса, а также те, которые изучаются факультативно («по выбору учащихся», «по выбору учителя») и в курсе внеклассного чтения. Есть раздел, посвященный мифологии и фольклору, произведениям зарубежных авторов. У данной книги есть и еще одна цель: сориентировать учеников в мире литературы для детей и юношества, указать лучшие образцы в разных жанрах: от классической литературы до приключений и фантастики.

Успехов Вам на поприще изучения литературы!

И. О. Родин, Т. М. Пименова

МИФЫ НАРОДОВ МИРА

СЛАВЯНСКИЕ МИФЫ

Славянский пантеон

У славян был обширный пантеон богов. В разные эпохи функции главных божеств исполняли различные боги, но в целом пантеон сохранялся на протяжении столетий.

Из высших (главных) божеств славян в первую очередь следует назвать Перуна и Велеса.

Перун — бог грома и молнии, почитавшийся одновременно и как бог-податель живительного для природы дождя. В мифе о Перуне рассказывается о том, как бог в виде всадника на коне или на колеснице поражает своим оружием змеевидного врага (сказочный Змиулан, Змей Горыныч и т. п.), который прячется от него в дереве, потом в камне, в человеке, в животных, в воде. В ряде источников говорится, что Змей предварительно крадет скот (а в некоторых утверждается, что Змей похищает жену или невесту Перуна — ее называли Додола, Марена, Макошь). После победы Перуна над врагом и освобождения скота или женщины, освобождаются воды, несущие живительную влагу полям. В данной мифе нетрудно заметить основные черты многих русских сказок о подвигах богатырей, сражающихся с «темными силами». Змей (символизирующий тьму, тучи) крадет деву неопишуемой красоты (солнце), уносит в свои неприступные горы и ограждает крепкими затворами. Освободителем красной девицы является богатырь, владетель чудодейственного меча-само-

руба (или кладенца), то есть сам Перун, божество грозы и молнии — он проникает в мрачные подземелья, выпивает «живую воду», поражает Змея и освобождает деву-солнце.

В народных поверьях под воздействием христианства имя Перуна позже заменяется на Илью-пророка, который, когда гремит гром, «в колеснице по небу разъезжает». Облик Перуна часто в народных верованиях связывался с дубом (возможно, из-за своей мощи, а также из-за того, что молния очень часто бьет в дерево, и, в частности в большие дубы, которые стоят на открытой местности). Черты Перуна очень хорошо просматриваются и в облике Георгия Победоносца — всадника, поражающего Змея. В былинах также часто заметны отголоски культа Перуна — это предания о борьбе Ильи Муромца, Добрыни и других богатырей со Змеем и прочими фантастическими «темными силами».

То, что богатыри наделяются чертами, свойственными богу-громовержцу, не удивительно, так как Перун являлся главным богом княжеской дружины на Руси и самого князя, по крайней мере, был дружинным богом киевских Игоревичей (то есть потомков князя Игоря). Так, например, в договорах славян с Византией говорится, что греки клялись соблюдать договор своим богом, Христом, а русичи приносили клятву Перуну. Князь Владимир, впоследствии крестивший Русь, вначале пытался повсеместно утвердить культ бога Перуна и с этой целью соорудил в Киеве «новый истукан Перуна с серебряною головою» и золотыми усами и поставил его близ теремного двора, на священном холме, «вместе с иными кумирами».

Добрыня, посланный управлять в Новгород, также поставил на берегу Волхова «богатый кумир Перунов».

В народе Перун также почитался, хотя и меньше, чем среди княжеской дружины. Среди крестьян, купцов и прочего люда в большем почете был другой славянский бог — Велес.

Велес — бог-покровитель скота («скотий бог»), достатка, богатства и торговли, а одновременно и бог-охранитель душ покойников в загробном мире. Культ Велеса своими корнями восходит к еще более древнему культу почитания бога-животного, одновременно считавшегося и прародителем всего рода (такая система воззрений носит название тотемизма). Особо на Руси почитался медведь, который считался священным животным (не случайно то, что одним из основных созвездий была именно Медведица, а также и то, что на произнесение «настоящего» имени почитаемого животного был наложен запрет — «медведь» это замена настоящего имени зверя: то есть тот, кто «ведает медом», любит мед, истинное же его имя просматривается в слове «берлога», то есть «логово бера», в таком прочтении данное имя совпадает с аналогичным в европейских языках). Связь между медведем и Велесом, видимо, следующая. С Велесом (или Волосом) связано созвездие Плеяд-Волосынь, а сияние Волосынь предвещает удачную охоту на медведя. Возможно также и то, что Волос — древнейшее божество, первоначально имевшее облик зверя, которое сохранило в новых условиях свое имя, происходящее от «волосы», «шерсть», «шерстистый». Постепенно из бога-зверя Велес (Волос) превратился в охранителя до-

машнего скота («скотьего бога»), а так как в те времена домашний скот (и его количество) прочно связывались с богатством, достатком, Велес стал и богом-подателем означенных благ.

Очень часто Велеса противопоставляют Перуну, а некоторые исследователи отождествляют его со Змеем, похищающим у Перуна скот. Сравнивают его и с греческим Гермесом, похитившим у Аполлона (одного из самых древних богов греческого пантеона) коров. Противопоставление Перуна Велесу просматривается и в «Повести временных лет»: «...И кляшася оружием своим и Перуном богом своим и Волосом скотием богом». Хотя возможно и то, что просто в составе русских посольств, подписывавших договор, были как дружинники, клявшиеся грозным Перуном, так и купцы, дававшие клятву своему богу богатства Велесу.

С введением христианства образ Велеса трансформируется в образ созвучного с его именем святого Власия Севастийского, который на русской почве считался покровителем скота вплоть до XIX века. Церкви св. Власия (как и церкви св. Ильи) строились повсеместно, таким образом отражая древние, языческие взгляды народа. В древнем Киеве идол Велеса также имелся, только он находился не на холме, как идолы княжеского пантеона, а «на подоле», то есть внизу, на том конце города, где жили купцы и ремесленники.

Еще одним богом славянского небесного пантеона был *Сварог*. Сварог считался богом неба, небесного огня. Сварог дал людям знания о том, как ковать железо («сбросил с неба клещи», что, видимо, указывает на использование метеоритного

железа для первых изделий из этого материала), установил законы моногамной семьи (то есть одна жена — один муж), создал первый плуг и научил людей плужному земледелию, победил змея, построил Змиевы валы (система оборонительных укреплений на юге Руси, тянувшихся на многие километры, предположительно, сооруженные для защиты от набегов кочевников). Часто Сварога сравнивают с греческим Гефестом, который также являлся богом огня и подателем культурных благ. Воплощением земного огня назывался сын Сварога — *Сварожич*. Также сыном Сварога являлся и *Дажьбог*, бог солнца и солнечного света, который, согласно мифу, живет далеко на востоке, где находится страна вечного лета. Каждое утро он выезжает на своей колеснице из золотого дворца и совершает круговой объезд по небу. В его колесницу впряжены белые огнедышащие кони. Появлению на небе Дажьбога предшествует появление его сестры — Утренней Зари, которая выводит на небо его белых коней, другая сестра — Вечерняя Заря заводит коней в конюшню после того, как бог закончит объезд. Славяне полагали, что осенью Дажьбог умирает, а 24 декабря рождается обновленный и молодой. Из греческого пантеона Дажьбога сравнивают с Аполлоном, который также являлся богом света, создающим условия для жизни на земле.

Хорс был богом солнечного диска (некоторые исследователи считают его не исконно славянским божеством, а хазарским, иранским, или богом степных народов). Как бы то ни было, Хорс входил в пантеон князя Владимира в Киеве и был представлен там отдельным идолом. Из гречес-

кого пантеона ему соответствует бог Гелиос. Гелиос в период поздней античности часто смешивался с Аполлоном. Однако русские люди не воспринимали дневной свет как результат солнечного излучения, считая его проявлением божественной сущности. Именно поэтому «дневной свет» существовал как бы сам по себе (и подателем его считался Дажьбог), а собственно солнечный диск — отдельно (с ним отождествлялся Хорс). Бог солнца Хорс представлялся славянам в виде белого коня, совершающего свой бег с востока на запад.

Стрибог славянами почитался как бог-отец, дед ветров. Многие исследователи считают Стрибога одним из древнейших славянских божеств, предшествовавшим Сварогу, богу небесного огня (появившемуся, видимо, лишь в эпоху железа). У многих народов мира есть мифы о небе как мужском начале, оплодотворяющем землю, являющуюся, в свою очередь, олицетворением женского начала. Подобный же миф об отце-небе и матери-сырой земле был и у славян. Зимой Земля цепенеет от стужи, делается неспособной плодоносить, и лишь когда ее согреет весной в своих объятиях Стрибог, она «принимается за свой род». Впрочем, некоторые ученые (в частности, академик Б. А. Рыбаков) считают, что Стрибог, Сварог, Род и Святovit — это имена-эпитеты одного и того же небесного божества. К моменту возникновения государственности у славян Стрибог утратил свое положение верховного бога, хотя и по-прежнему почитался (его идол входил и в пантеон князя Владимира в Киеве, а в «Слове о полку Игореве» упоминаются «Стрибоже внуци», т. е. внуки Стрибога).

Одним из самых почитаемых божеств у восточных славян был *Род*. О почитании Рода и *рожаниц* (числом 2, то есть рожаницы — это парное божество) сохранилось очень мало материала, поэтому в этом мифе много неясного. По мнению многих ученых, Род связан с мужским началом — это производитель, своего рода совокупность мужских членов племени, сообща владеющих рожаницами, матерями нового поколения. Некоторые считают, что Род — это совокупность вообще всех предков данной семьи. Предполагают, что впоследствии Род превратился в демона мужской судьбы и одновременно в «дедушку-домового» (который, подобно Роду, также является хранителем очага). Б. А. Рыбаков, как уже говорилось, считает Рода главнейшим славянским божеством, а Стрибога, Сварога и Святовита (который почитался у западных славян) — лишь эпитетами, обозначающими у восточных славян разные стороны, функции одного бога — Рода. В том, что одно божество может обладать несколькими именами, выражающими его различные функции, нет ничего удивительного — это встречается в очень многих мифах. Как бы то ни было, достоверно можно лишь утверждать, что Род был связан с идеей плодородия и возник «на базе» уже существовавших божеств (рожаниц), восходящих к эпохе матриархата. При переходе к патриархату рожаницы уступили место мужским божествам плодородия, одним из которых и был Род. К тому же культ Рода был распространен в основном в землях поднепровских славян, в северорусских землях следов его почитания не обнаружено. Род был богом плодородия (одним из его символов

был рог изобилия). Следы почитания «тройного» божества (Род и рожаницы) сохраняются и после принятия христианства. Особо ярко они проявляются в поклонении «святой Троице», которая заняла главенствующее положение вместо Перуна, а функции Перуна-громовика перешли (как уже говорилось) к Илье-пророку.

Так же, как и культ Рода, только у восточных славян, был известен культ *Ярилы* — одного из воплощений солнечного бога. Ярило (Ярила) почитался как бог весеннего плодородия (отсюда «яровые хлеба», «ярый» и другие производные). Ярило близок к античным культам умирающего и возрождающегося бога (вроде Осириса или Диониса). Ярило также был тесно связан с календарными праздниками. У одних славянских племен день Ярилы отмечался в начале весны, у других — в конце весны или в начале лета. В России были также широко распространены «похороны Ярилы» в дни летнего солнцестояния (когда день начинает уменьшаться). Ярилинь день в России праздновался 4 июня, сопровождался играми, плясками, угощением, возлияниями и кулачным боем. Имели место любовные игрища и пляски. В облике Ярилы часто просматриваются древние, архаичные черты, в ряде случаев он предстает в образе, напоминающем греческого сатира или Пана, — лысого, бородатого старика.

Женскими божествами плодородия у славян считаются *Лада и Леля* (Лель). Сохранились сведения, что это были божества веселья и всякого благополучия, жертвы им приносили те, кто готовился к браку и хотел обрести любовь. Другими словами, Лада — это богиня брака, любви и

семейной жизни, покровительница девушек и женщин. В обрядовых песнях (особенно на «зеленые святки» — праздник молодой зелени, свежей растительности) ей уделяется довольно много места. Связана она и с девическими гаданиями «о суженом» и будущей семейной жизни. Леля (Лель) занимала более скромное положение и воспринималась как дочь Лады. В некоторых случаях Лель выступает как мужское божество любви (изображалось в виде златовласого крылатого младенца, как и Эрот-Амур в греко-римской мифологии). Некоторые исследователи считают, что Лада и Леля — поздние модификации древних рожаниц.

Мокошь — единственное женское божество древнерусского пантеона, чей идол стоял в Киеве на вершине холма рядом с кумирами Перуна, Хорса, Дажьбога, Стрибога и др. Мокошь была общеславянским божеством. Функции этого божества недостаточно прояснены. Само название богини (от слова «мокрый», «мокнуть») указывает на ее связь с водой, с дождем (напр., предки чехов молились Мокоши во время засухи). Внешне Мокошь изображалась в виде женской фигуры с большой головой и длинными руками. Относилась она к разряду «страшных» богов и отношение к ней практиковалось почтительно-боязливое. Часть данных указывает на связь Мокоши с женским рукоделием: ткачеством и прядением. Под покровительством Мокоши, согласно поверью, находился день недели пятница. В пятницу нельзя было начинать никакого дела, так как оно «будет пятиться», а кроме того, это считалось непочтительным по отношению к умершим предкам.

Сводя воедино эти сведения, можно сделать вывод, что Мокошь, скорее всего, была богиней «счастливого жребия», удачи, судьбы. В греко-римской мифологии ей соответствуют Мойры (Парки) прядущие и обрезающие в момент смерти человека нить жизни. После принятия христианства древний культ Мокоши продолжал существовать, но уже под видом поклонения Параскеве Пятнице (христианской великомученице), которая считалась покровительницей полей и домашних животных, охраняющей семейное благополучие, исцеляющей от душевных и физических недугов, и под чьим покровительством находился день недели пятница. Все обрядовые действия, связанные с водой, влагой, также в большинстве своем перешли на Параскеву (об этом, например, свидетельствуют легенды, согласно которым, иконы Параскевы Пятницы чудодейственным образом появлялись в ручьях, источниках и водоемах). Как приносящая благополучие, Параскева позднее считалась и покровительницей торговли, и на Руси возводилось множество посвященных ей храмов и церквей.

Своего рода дополнением к образу Мокоши является божество *Симаргл*, который был богом растительности и представлялся в виде фантастического существа, похожего на крылатую собаку. Большинство ученых считает Симаргла божеством, заимствованным от иранских племен, хотя в «Повести временных лет» говорится о том, что он входил в пантеон князя Владимира.

Божества календарной обрядности

Ряд божеств древних славян связан, как уже отмечалось, с календарной обрядностью. Они не

входили в число «официальных» богов, но, благодаря их тесной связи с народными сезонными праздниками, отголоски их культов сохранились вплоть до XX века. К таким божествам относятся:

Купала — главный персонаж праздника летнего солнцестояния, отмечающегося 24 июня, впоследствии слившийся с христианским праздником Иоанна Предтечи и получивший название Ивана Купалы. Празднику предшествовали «русалии» — торжества, посвященные нимфам полей и вод.

Кострома — это весна, весенние вегетативные силы, символически представляемые в виде соломенного чучела, которое торжественно хоронится, или сжигается (слово «костер» того же корня, что и «Кострома») в Петров день, 29 июня по старому стилю, когда необходимость в весеннем росте прекращается, когда колосья перестают расти и начинают наливаться.

Карачун — так в Древней Руси называли день зимнего солнцестояния, «солнцеворота», с этим именем никакого конкретного мифического существа не ассоциируется, это просто календарная дата, самая длинная ночь и самый короткий день в году, время торжества **Чернобога** (бога ночи, обычно противопоставляемого **Белобогу** — богу дня) и Мары (Морены), олицетворения темных, враждебных человеку сил).

Мара — дух смерти, болезней, кукла которой, подобно чучелам Костромы, Ярилы и Купалы, торжественно уничтожалась различными способами — топилась, разрывалась на куски, сжигалась. Подобный обряд, в противоположность аналогичным обрядам по отношению к богам плодородия,

являлся отголоском жертвоприношений (в том числе и человеческих) ужасному божеству смерти Маре во времена эпидемий, войн и прочих бедствий.

Коляда — мифологический персонаж, олицетворяющий святочную обрядность, чаще всего Коляду представляли в виде юной девушки, о Коляде пели в святочных песнях (колядках), которые сопровождались сбором по дворам подарков («колядование»). В святки, особенно во время колядования, рядили в животных, чаще всего в козу или медведя, хождение с козой было наиболее распространенным игровым обрядом зимних святок; возможно, во время святок высмеивалась и таким образом изгонялась нечисть, возрождалось солнце, которое «умерло» в день Карачуна.

Дополнительные сведения из славянской мифологии, представления о «рае», языческие праздники

Для славян, как и для многих других народов мира, с самых ранних времен была свойственна вера в реинкарнацию, то есть посмертное перерождение. По поверьям славян, души соплеменников после смерти попадали в рай, который, согласно их представлениям, находился на небе. Для того, чтобы души быстрее достигали неба, умерших сжигали. Арабский путешественник Ибн-Фадлан приводит такие слова одного из русичей, объяснявшего, для чего следует сжигать покойников: «Мы сжигаем его во мгновение ока, так, что он немедленно и тот час входит в рай». Рай представлялся славянам красивым вечнозеленым садом, пребывание в котором нескончаемо и сладостно. Места райского блаженства славяне называли

не только словом «рай», но еще ирей (ирий) или вырей (вырий). Современные языковеды выводят эти слова из древнеиранского «airya» — «арийская страна», что указывает на прародину славян. Действительно, часто славяне помещали свой «Ирий» не на небе, а на земле, только где-то далеко за морем. Это та страна, куда улетают на зиму птицы (характерны в этом отношении русские поверья о кукушке (иногда галке), которая хранит ключи от вырия-рая, когда же она прилетает, пробужденный Перун отпирает ворота и низводит на землю дождь). Многие ученые указывали на то, что направление мира душ у славян соответствует тому направлению, откуда в прошлом шло переселение праславянских племен. Земля эта, согласно легендам, находилась за морем и, соответственно, чтобы попасть в нее, надо было плыть на корабле или лодке. Возможно, поэтому славяне называли своих умерших «навьями», то есть «погребаемыми в лодке» (если, конечно, производить «навьи» от греческого «naus» или латинского «navis») и сжигали своих покойников в лодьях (погребальная лодья встречается в похоронных обрядах огромного количества разных народов — от древних египтян до североамериканских индейцев, вспомним хотя бы античного Харона, лодочника, перевозившего души мертвых в Аид).

Чтобы попасть в славянский рай, не нужно было никакого запаса добрых дел и искупления грехов, как в христианстве. Туда попадали все, независимо от образа жизни и социального положения. Славянский рай — это загробный мир в целом. У славян не было оппозиции ад/рай и идеи

посмертного воздаяния, так что единственной причиной, какая могла помешать попасть душе умершего в рай, — было неисполнение родственниками или соплеменниками надлежащих погребальных обрядов.

Что касается календарных обрядов, то, помимо уже упоминавшихся, у славян еще были: *комоедицы* — праздновались 23 марта, когда, по поверью, от зимнего сна встает медведь, символизирующий пробуждающуюся природу, праздник сопровождался специальным обрядом, когда все отправлялись «будить медведя», и поеданием обрядовых караваев — «комов»; в празднике явно просматриваются отголоски древних тотемистических обрядов, которые сопровождались коллективным убийством тотемистического животного и торжественным поеданием его туши; *Родоница* — праздновалась 30 апреля, с концом последних весенних холодов; считается днем поминовения предков, посещения могил и приношения поминальных даров: блинов, крашеных яиц-писанок и т. п.; обычай расписывать яйца и затем катать их с горы, видимо, связан с почитанием предков и идеей их возрождения (реинкарнации) — ведь яйцо является символом возрождения, воскресения; вечером было принято жечь костры, причем женщины совершали обрядовые пляски вокруг них, очищая место от нечисти; прославлялись боги, приносящие обновление и новую жизнь на землю, затем участники обряда прыгали через огонь, таким образом очищаясь от наваждений (сил Нави) после долгой зимы; практически в неизменном виде эти обычаи дожили до наших дней под видом христианской Пасхи — это и

посещение могил предков, и крашение яиц, и традиционное православное пасхальное приветствие, связанное с идеей воскресения, и крестный ход вечером «с огнями» вокруг церкви и проч.; **Новый год** — единственный славянский праздник, отмечаемый в наши дни; первоначально восходил к обряду почитания бога холода Морока; желая себя огородить от стужи, люди приносили подношения: ставили на окно блины, кисель, печенье и проч.; постепенно Морок, превратился в доброго старичка, который сам раздает подарки — отчасти это произошло от «снижения» самого образа (напр., это хорошо видно по русским народным сказкам, где «Морозко» наказывает лишь нерадивых и жадных, но награждает добрых и старательных, в чем вполне сближается с лешим, домовым и прочей «нежитью») и позднейшего «западного» влияния через образ Санта Клауса; обряд украшения елки также имеет свой языческий смысл: раньше считалось, что в вечнозеленых деревьях обитают души предков, поэтому, украшая елку, люди как бы совершают жертвоприношение.

ГРЕЧЕСКИЕ МИФЫ

Гомер

Сведения об авторе:

Легендарный эпический поэт Древней Греции. О личности Гомера практически отсутствуют достоверные сведения, об этом свидетельствует то, что в античных источниках исторически реальный образ слепого странствующего певца переплетается с явно фантастическими измышлениями. Даже само имя Гомера нередко истолковывалось

не как имя, а название «заложника» или «слепца». Гомеру приписывалось авторство значительной части репертуара исполнителей эпических произведений (рапсодов). Позже в качестве якобы подлинных произведений Гомера были выделены две эпические поэмы «Илиада» и «Одиссея», а также более мелкие произведения («гомеровские гимны», комическая поэма «Маргит» и др.). За честь называться родиной Гомера спорили «семь городов» (Смирна, Хиос, Колофон, Саламин, Родос, Аргос, Афины), по-разному определялось и время жизни Гомера — между XII и VII вв. до н. э.

Впрочем, и на «Илиаду» и на «Одиссею» в разные эпохи существовали различные взгляды. Например, немецкий ученый Ф. А. Вольф пришел к выводу, что «Илиада» и «Одиссея» — это не цельное произведение, а собрания отдельных песен. Другой немецкий исследователь Ф. Шлегель прямо называл гомеровский эпос не авторским произведением, а плодом коллективного творчества многих народных поэтов.

История странствий Одиссея *(излагается по поэме Гомера «Одиссея»)*

Много тяжких бед, много грозных опасностей претерпевает герой Одиссей, возвращаясь из-под Трои на Итаку. В пути он теряет всех спутников. После долгих скитаний Одиссей оказывается на острове Огигии у нимфы Калипсо, где томится семь лет. Одиссей тоскует по родной Итаке и по своей семье, молит отпустить его на родину. Наконец на собрании богов-олимпийцев Зевс, по просьбе своей дочери Афины-Паллады, решает вернуть Одиссея на родину.

В отсутствие Одиссея его дом полон буйных женихов, сватающихся за Пенелопу, жену Одиссея. Афина-Паллада, назвавшись Ментором, проникает в дом Одиссея. Его сын Телемах приветливо встречает мнимого Ментора. Он рассказывает, как принуждают женихи Пенелопу выбрать себе одного из них в мужа, как бесчинствуют, как расхищают имущество. Выслушав Телемаха, Афина советует ему искать защиты у народа Итаки — созвать людей на собрание и пожаловаться на женихов. Кроме того, Афина посылает Телемаха в Пилос к старцу Нестору и в Спарту к царю Менелаю, чтобы узнать о судьбе Одиссея. Дав такой совет Телемаху, Афина превращается в птицу.

Телемах заявляет женихам, что обратится за помощью к народному собранию, чтобы оно запретило им разорять его дом. Но угрозы его мало действуют на женихов, они по-прежнему продолжают шуметь, петь и плясать.

На следующий день, рано утром, Телемах созывает народное собрание, обращается с просьбой защитить его от бесчинства женихов, грабящих его дом. Он заклинает народ именем Зевса и богини правосудия Фемиды помочь ему.

Один из женихов, Антиной, упрекает Пенелопу за хитрость, к которой она прибегает, чтобы избежать брака. Сказав, что выберет себе мужа, когда окончит ткать богатый покров, Пенелопа ночью распускает то, что успевает соткать за день. Женихи продолжают издеваться над Телемахом, грозят убить Одиссея, едва он появится на Итаке.

Афина, явившись Телемаху, советует ему ехать к царю Нестору на остров Пилос и в Спарту к царю Менелаю, которые могут поведать юноше о

судьбе отца. Одной лишь старой няне Эвриклее Телемах рассказывает о своем решении ехать в Пилос и просит ее во время его отсутствия заботиться о матери.

Корабль Телемаха прибывает к острову Пилос. Телемах застает весь народ Нестора за жертвоприношением богу морей Посейдону. Сын Нестора Писистрат приглашает принять участие в пире Телемаха и его спутников, среди которых в образе Ментора — сама Афина-Паллада. Писистрат протягивает Афине первый кубок с вином, просит ее совершить возлияние в честь бога Посейдона. Это богине очень нравится. Нестор радуется, узнав, что перед ним сын Одиссея, которого он больше всех героев чтит за ум. Нестор хочет чтобы сын Одиссея провел ночь в его дворце. Советует Телемаху переночевать у Нестора и Ментор. Мнимый Ментор обращается вдруг в морского орла и скрывается из глаз изумленных пилосцев. Нестор и все присутствующие понимают, что сама богиня Афина помогает Телемаху. Писистрат вызывается сопровождать Телемаха в Спарту.

Когда Телемах с Писистратом прибывают в Спарту, царь Менелай велит немедленно звать пришельцев на пир. Певец на пиру поет о подвигах Одиссея у Трои. Телемах, услышав об отце, плачет. В это время входит жена Менелая, прекраснокудрая Елена. Взглянув на чужеземца, Елена поражается его сходству с Одиссеем. Чтобы развеселить пирующих и прогнать невеселые думы, Елена подливает в кубок сок чудесного растения. Этот сок, дающий забвение печалей, подарила ей в Египте царица Полидамна.

Менелай рассказывает сыну Одиссея о том, как морской бог Протей открыл ему судьбу героев,

возвращавшихся из-под Трои. Одиссей, как сказал тогда Протей, томится в неволе на острове нимфы Калипсо.

Пока Телемах находится у Менелая, женихи случайно узнают, что Телемах покинул Итаку. Они пугаются, так как думают, что Телемах поехал за помощью в Пилос и Спарту. Антиной советует женихам снарядить корабль и, отплыв в море, ждать Телемаха, чтобы неожиданно напасть на него и убить. Однако более благоразумные женихи решают не гневить богов.

На совете бессмертные боги решают, что Афина должна помочь Телемаху вернуться на родину невредимым и не дать женихам напасть на него. Гермес же должен лететь на остров Огигию и повелеть нимфе Калипсо отпустить Одиссея. Калипсо, узнав, что должна расстаться с Одиссеем, сильно опечаливается. Она хочет навсегда удержать его у себя на острове и даровать ему бессмертие. Но противиться воле Зевса нимфа не может.

Восемнадцать дней плывет Одиссей по морю. Плот Одиссея замечает бог Посейдон. Он хватается свой трезубец и ударяет им по морю. Поднимается страшная буря. Громадная волна обрушивается на плот Одиссея и смывает его в пучину. Насилу выплывает он на поверхность. Ему мешает одежда, данная на прощанье нимфой Калипсо. Перед Одиссеем появляется морская богиня Левкотея. Она велит ему снять одежду, броситься с плота в море и вплавь достигнуть берега. Левкотея дает Одиссею чудесное покрывало, которое должно спасти его. Двое суток носится Одиссей по бурному морю и наконец доплывает до острова феакийцев.

Пока Одиссей спит, зарывшись в груды сухих листьев, богиня Афина-Паллада идет в город феакийцев. Приняв образ дочери морехода Диманта, Афина является спящей царевне Навсикае. Богиня торопит Навсикаю скорее ехать с рабынями на берег моря, чтобы стирать одежду.

Весело отправляется Навсикая с рабынями на берег моря. Выстирав одежду и поев, девушки принимаются резвиться на берегу реки, забавляясь игрой в мяч. Навсикая бросает мячом в подруг, а Афина, невидимая для них, направляет могучей рукой мяч в море. От громкого крика девушек просыпается Одиссей.

Прикрывшись листвой, Одиссей молит Навсикаю дать хоть какой-нибудь лоскут материи, чтобы прикрыть наготу. По речи незнакомца Навсикая понимает, что он не простой человек и что боги наградили его мудростью. Но как знатным, так и незнатным посылает Зевс и счастье, и несчастье. Царевна советует ему с терпением переносить то, что послал ему Зевс. Она дает ему одежду и указывает путь в город.

Одиссей приходит ко дворцу царя Алкиноя, отца Навсикаи. Одиссей поражен богатством дворца Алкиноя. Весь из блестящей меди построен дворец. Наверху стены украшены железом. Литая из чистого золота дверь ведет во дворец, притолоки сделаны из серебра, а порог медный. У дверей стоят выкованные самим богом Гефестом две живые бессмертные собаки, одна золотая, другая серебряная.

Алкиной с большим вниманием выслушивает Одиссея. Он поражен его мудростью. Царь Алкиной обращается к своему народу, объясняет, что

надо помочь ему вернуться на родину. Феакийцы ни разу не отказывали в помощи чужеземцам. Всех, кто отправится в плавание, царь приглашает к себе на пир. Появляется слепой певец Демодок. Демодок поет о том, как поспорили два великих героя Одиссей и Ахилл во время торжественного пира, о подвигах героев под Троей. Одиссей, вспоминая своих погибших товарищей, плачет.

Сын Алкиноя, красавец Лаодам, любезно приглашает Одиссея принять участие в состязаниях в силе и ловкости. Одиссей отказывается — его удручает печаль по родине. Услыхав отказ Одиссея, Эвриал, гость Алкиноя, высмеивает его. Тогда Одиссей хватает громадный камень и далеко бросает его могучей рукой. Ни один юноша не мог бы бросить так и диска, хотя диски намного легче камня. Алкиной мирит Одиссея и Эвриала. Последний приносит извинения Одиссею и дарит ему свой меч.

Алкиной спрашивает, почему чужеземец льет слезы всякий раз, как слышит песнь о подвигах героев под Троей. Одиссей, сын Лаэрта, царь острова Итаки, представляется Алкиною. Собравшиеся просят Одиссея поведать о своих многолетних странствиях. Одиссей начинает свой рассказ.

Отплыв из-под Трои с попутным ветром, Одиссей и его спутники поплыли по безбрежному морю и, наконец, достигли земли киконов. Они овладели их городом Исмаром, истребили всех жителей, захватили в плен женщин, а город разрушили. Долго Одиссей убеждал своих спутников отплыть скорее на родину, но не слушались они его. Тем временем спасшиеся жители города Исмара собрали окрестных киконов на помощь и напали

на Одиссея и его товарищей. Пришлось им спасаться бегством.

Только вышли они в открытое море, как послал на них Зевс-громовержец бога северного ветра Борея. Великую бурю поднял тот на море. Наконец добрались Одиссей и его спутники до острова лотофагов. Развели они на берегу костер и стали готовить себе обед. Одиссей послал трех своих спутников узнать, каким народом населен остров. Приветливо встретили их лотофаги и подали им сладкого лотоса. Лишь только поели его спутники Одиссея, как забыли свою родину и не пожелали возвращаться на Итаку. Но Одиссей силой привел их на корабль и там привязал, чтобы они не сбежали. Тотчас повелел он сесть за весла и как можно скорее покинуть остров лотофагов.

После долгого плавания прибыли Одиссей и его спутники к земле свирепых циклопов. На этом острове водились в изобилии дикие козы. В пещерах жили великаны-циклопы. Одиссей хотел узнать, что это за народ. У самого моря увидели они пещеру, заросшую лавровыми деревьями и огороженную оградой из громадных камней. Взял Одиссей с собой двенадцать надежных товарищей и проник в пещеру циклопа Полифема.

Этот циклоп был страшно свиреп, он жил отдельно от других и одиноко пас свои стада. Он обладал чудовищной силой и имел только один глаз во лбу. Когда Одиссей и его спутники вошли к нему в пещеру, его не было дома, он пас стада. В пещере циклопа в корзинах лежало множество сыров, в ведрах и чашах стояла простокваша. В пещере были устроены ограды для ягнят и козлят. Наконец, пришел и сам циклоп. Бросил он гро-

мадную вязанку дров на землю у входа в пещеру. Увидав циклопа, в страхе забились люди в самый темный угол пещеры. Циклоп же загнал в пещеру свое стадо, завалил скалой вход в нее и стал доить коз и овец. Подоив их, он развел огонь, чтобы приготовить себе пищу.

Несмотря на то, что люди вежливо и почтительно с ним разговаривали, Полифем отвечал крайне грубо, ругал бессмертных богов, требовал сказать, где остались корабли. Хитроумный Одиссей, сообразив, что циклоп хочет завладеть судами, сказал ему, что корабли разбило бурей о прибрежные утесы. Циклоп схватил двух спутников Одиссея, ударил их об землю и убил. Затем он сварил их и съел. В неописуемый ужас пришли люди и стали молить Зевса о спасении.

Циклоп же, окончив свой ужасный ужин, спокойно растянулся на земле и заснул. Одиссей хотел убить его, обнажил меч, но, взглянув на громадную скалу, которой был завален вход, понял, что сами отвалить камень они не смогут. Наступило утро. Снова циклоп убил двух человек. Съев их, выгнал стадо из пещеры, а вход завалил скалой. Долго придумывал Одиссей средство одолеть циклопа. В пещере он нашел громадное бревно, отрубил мечом конец бревна, заострил его, обжег на углях и спрятал.

Вечером Одиссей подошел к циклопу и предложил чашу вина. Выпил вино циклоп, потребовал еще, спросил, как зовут Одиссея. Хитроумный Одиссей ответил: «Меня зовут Никто». Циклоп выпил третью чашу, захмелел, повалился на землю и заснул.

По команде Одиссея, его товарищи схватили заостренный конец бревна, разожгли его на кост-

ре и выжгли им глаз циклопу. Циклоп закричал. Другие циклопы пришли узнать, почему он так шумит. Полифем пожаловался, что Никто его ослепил. Другие циклопы решили, что Полифем издевается над ними, и посоветовали ему вести себя тише.

Наутро с громкими стонами отодвинул от входа скалу Полифем и стал выпускать в поле стадо, ощупывая руками спину каждой овцы и каждой козы. Тогда, чтобы спасти своих спутников, Одиссей связал по три барана и под среднего привязал по одному из своих товарищей. Сам же он, вцепившись руками в густую шерсть громадного барана, любимца Полифема, повис под ним. Прошли бараны с привязанными под ними людьми мимо Полифема.

Когда люди поднялись на борт кораблей, Одиссей громко крикнул Полифему, что его ослепил Одиссей, царь Итаки. В злобе циклоп стал швырять огромные камни на звук голоса Одиссея, но они не достигли цели.

Завыл тогда от злости дикий циклоп и стал молить своего отца Посейдона, чтобы покарал он Одиссея за то, что тот лишил его зрения.

Одиссей с товарищами прибыли на остров Эола. Весь остров Эола, плавающий по морю, был окружен нерушимой медной стеной, берега его поднимались отвесными утесами из морских волн. На этом острове жил Эол с женой, шестью сыновьями и шестью дочерьми. Целый месяц Эол чествовал Одиссея пирами и слушал его рассказы о подвигах героев под Троей. На прощанье он дал ему большой мех, завязанный серебряной бечевкой.

В этом мехе были подвластные Эолу ветры. Лишь один Зефир был оставлен на свободе. Он

должен был гнать корабли Одиссея к родной Итаке. Эол запретил развязывать мех до тех пор, пока не придут корабли на родину. Когда на десятый день плавания показалась уже Итака, боги погрузили Одиссея в глубокий сон. Спутники же его стали говорить между собой, что, наверное, много золота и серебра дал ему Эол, положив их в мех, раз Одиссей не позволяет развязывать его. Побуждаемые любопытством, развязали спутники Одиссея мех. Вырвались из него ветры и подняли страшную бурю на море. Бурей пригнало их опять к острову Эола. Но разгневался на Одиссея Эол и отказался помогать ему во второй раз.

Одиссей и его спутники приплыли на остров лестригонов. Несколько человек отправились разведать, что за народ здесь живет. Около колодца, недалеко от большого города, встретили спутники Одиссея громадного роста деву; она отвела их в город во дворец своего отца Антифата, повелителя лестригонов. Во дворце они увидели жену Антифата, ростом с высокую гору. Она велела позвать своего мужа, бывшего на собрании старейшин. Он прибежал, схватил одного человека, растерзал его и приготовил себе из его мяса обед. Люди обратились в бегство и прибежали к кораблям. Антифат созвал лестригонов. Отрывая целые утесы, стали они разбивать корабли. Лестригоны убили всех спутников Одиссея с одиннадцати кораблей и, нанизав их на колья, унесли в свой город. С трудом спасся Одиссей на своем корабле.

Одиссей и его немногочисленные товарищи достигли острова, где жила волшебница Кирка, дочь бога Гелиоса. Одиссей разделил своих спутников на два отряда. Одним начальствовал он

сам, другим же поручил начальствовать Эврилоху. Эврилох с двенадцатью товарищами отправился в глубь острова. Они позвали из дворца Кирку. Волшебница подала им вина, подмешав в него сок волшебной травы. Выпили вино гости, а Кирка, коснувшись каждого жезлом, обратила их в свиней, оставив им разум.

Прибежал к кораблю Эврилох и с ужасом рассказал о постигшем его товарищей несчастье. Одиссей пошел ко дворцу Кирки, думая лишь об одном, — как спасти своих спутников. На пути явился ему под видом прекрасного юноши бог Гермес. Он научил Одиссея, как освободить из-под власти волшебницы товарищей, и дал ему чудодейственный корень, который должен был сделать чары Кирки безвредными для Одиссея. Обнажив меч, Одиссей бросился на волшебницу и стал грозить ей смертью.

Кирка вывела из хлева свиней, помазала их волшебной мазью, возвратила им их прежний образ и сделала их даже красивее и сильнее, чем они были раньше. Целый год прожили гости во дворце Кирки. По прошествии года Одиссей стал просить Кирку отпустить их на родину. Согласилась великая волшебница. Она сказала Одиссею, что, прежде чем вернуться на родину, он должен посетить царство мрачного Аида и там спросить о своей судьбе тень фиванского прорицателя Тиресия.

Одиссей и его спутники достигли вод седого Океана и пристали к берегу печальной страны киммерийцев, где никогда не светит людям бог Гелиос. Вечно покрыта эта страна холодным туманом, вечно окутывает ее густой пеленой ночной сумрак. Там Одиссей принес жертву богам,

ждал душу прорицателя, чтобы она напилась живой крови и ответила на вопросы Одиссея. Он обнажил меч и сел рядом с ямой, чтобы не допускать к ней души других умерших. К яме прилетела и душа матери Одиссея Антиклеи. Она была жива, когда сын покидал Итаку. Как ни больно ему было, но и ее не подпустил Одиссей к яме. Напившись крови, бесплотная душа Тиресия поведала Одиссею, что бог Посейдон гневается на него за то, что Одиссей ослепил его сына, циклопа Полифема. Если спутники Одиссея не тронут быков Гелиоса на острове Тринакрии, Одиссей даже и против воли Посейдона доберется до родины. Но если они убьют быков, то их всех постигнет гибель, один Одиссей спасется и после великих бедствий вернется домой. Там отомстит он женихам, но после, взяв весло, должен будет странствовать до тех пор, пока не встретит народа, не знающего мореплавания, не выдавшего никогда кораблей; узнает Одиссей этот народ по тому, что встреченный им спросит, зачем он несет на плече лопату. В этой стране Одиссей должен принести жертву Посейдону и только после этого вернуться домой.

Волшебница Кирка рассказала Одиссею, какие опасности предстоят ему на пути, и научила, как их избежать.

Одиссей и его товарищи подплыли к острову сирен. Своим пением сирены увлекают плывущих мимо моряков и предают их лютой смерти. Весь остров усеян костями растерзанных ими людей. Одиссей залепил своим спутникам уши мягким воском, чтобы они не слышали пения сирен и не погибли. Самого же Одиссея они привязали к мачте: волшебница Кирка позволила ему услышать пение сирен.

Когда скрылся из глаз остров сирен, Одиссей услышал вдали ужасный шум и увидал дым. Он знал, что это Харибда. Он помнил, что Скилла отнимет у него лишь шесть спутников, а в Харибде погибнут они все.

Быстро плыл корабль по узкому проливу. Одиссей видел, как поглощала морскую воду Харибда: волны клокотали около ее пасти. В это время вытянула все свои шесть шей ужасная Скилла и своими шестью громадными пастьями с тремя рядами зубов схватила шесть его спутников.

Погоревав о погибших товарищах, Одиссей продолжал плавание. Вскоре вдали показался остров бога Гелиоса — Тринакрия. Эврилох убедил Одиссея пристать к острову. Тот понял, что не миновать беды. Одиссей заставил своих спутников дать ему великую клятву, что не они будут убивать быков бога Гелиоса.

Целый месяц дули ветры, и не могли мореплаватели пуститься в путь. Наконец, у них вышли все припасы. Приходилось питаться тем, что они добывали охотой и рыбной ловлей. Все сильнее и сильнее людей начинал мучить голод. Однажды ушел Одиссей в глубь острова, чтобы наедине попросить богов послать попутный ветер. Там он заснул.

Пока Одиссей спал, Эврилох уговорил остальных убить несколько быков из стада бога Гелиоса. Часть мяса они принесли в жертву богам.

Гелиос поспешил на Олимп с жалобой. Чтобы умиловить разгневанного бога солнца, Зевс обещал разбить своей молнией корабль и погубить всех спутников Одиссея.

Лишь только скрылся из виду остров Тринакрия, как громовержец Зевс собрал над головами

моряков грозные тучи. Налетел с воем Зефир, поднялась ужасная буря. Сверкнула молния Зевса и разбила в щепки корабль. Всех людей поглотило море. Спасся только Одиссей.

Ветер помчал Одиссея прямо к Харибде. Она в это время с ревом поглощала морскую воду. Он еле успел ухватиться за ветви смоковницы, росшей на скале около самой Харибды, и повис на них. Одиссей долго ждал, чтобы вновь изрыгнула Харибда вместе с водой мачту и киль. Он бросился вниз прямо на обломки корабля. Так спасся он от гибели в пасти Харибды. Девять дней носился Одиссей по безбрежному морю, и, наконец, прибило его волнами к острову нимфы Калипсо.

Одиссей заканчивает свой рассказ. Слушатели воздают ему хвалу. Алкиной снаряжает корабль. Когда все было готово, во дворце Алкиноя приносится жертва Зевсу и устраивается прощальный пир.

Боги навевают на Одиссея глубокий сон; он спокойно спит во время всего пути. Феакийцы осторожно переносят спящего Одиссея на берег родной Итаки. Проснувшись, Одиссей в восторге целует родную землю. Афина обращает царя Итаки в убогого нищего, чтобы никто не узнавал его.

Одиссей идет в жилище пастуха Эвмея, который верен своему царю, несмотря на долгое отсутствие последнего. Эвмей рассказывает страннику о женихах, разоряющих хуже морских разбойников дом Одиссея и уничтожающих его многочисленные стада. Одиссей его внимательно слушает и размышляет, как отомстить женихам. Он спрашивает Эвмея о своем отце Лаэрте и жене Пенелопе. Эвмей все рассказывает ему, не подозревая, что рассказывает он это не страннику, а самому Одиссею.

Телемах спешно возвращается из Спарты, идет в жилище Эвмея. Афина-Паллада возвращает Одиссею прежний образ и велит открыться сыну. Телемах счастлив, что отец его вернулся.

Телемах жалуется отцу на женихов. Со всех сторон собрались они. Их сто шестнадцать человек. Разве могут двое — Одиссей и Телемах — вступить с такой толпой в открытый бой? Но у Одиссея есть могучие помощники, с которыми не могут бороться смертные, как бы много их ни было, эти помощники — громовержец Зевс и дочь его Афина-Паллада.

Телемах отправляется в город. Когда Телемах приходит на городскую площадь, женихи толпой окружают его, каждый из них спешит пожелать ему чего-нибудь хорошего, в глубине же сердца они замышляют убийство Телемаха.

Одиссей в обличье нищего тоже подходит к воротам своего дворца. На куче навоза у самых ворот лежит старая собака Одиссея, Аргус. Едва только он слышит голос своего хозяина, как чует своего господина, но уже не в силах двинуться. Всеми брошенный, старый, он издыхает. Двадцать лет ждал Аргус своего господина и сразу узнал его, даже под видом нищего.

Одиссей находится в своем дворце на правах нищего, просящего подавание. Одиссей обходит всех гостей. Все подают ему, отказывает лишь один — Антиной. Даже женихи упрекают Антиноя за то, что он оскорбил странника, пришедшего в дом. Ведь бывало не раз, что под видом странников приходили к людям и бессмертные боги.

Появляется нищий, известный по всей Итаке обжора и пьяница, Ир. Увидав странника в две-

рях, Ир гонит его и грозит, что побьет. Начинается ссора. Ее слышит Антиной и, желая доставить развлечение себе и женихам, заставляет Ира драться со странником. Одиссей одним ударом валит Ира на пол.

Женихи рады, что странник избавил их от назойливого Ира. Они весело поздравляют его с победой, а один из них, Амфином, подносит Одиссею кубок с вином. Амфином был самым лучшим из женихов, часто удерживал остальных от буйства и всегда защищал Телемаха. Одиссей знает это и, желая спасти Амфинома, советует ему покинуть толпу женихов, так как скоро вернется Одиссей и всем женихам тогда грозит гибель. Но Амфином не слушается доброго совета.

Богиня Афина-Паллада побуждает Пенелопу выйти к женихам, чтобы еще сильнее разжечь в них желание вступить с ней в брак, и чтобы Одиссей и Телемах еще более оценили ее верность и любовь к ним.

Пенелопа укоряет женихов за то, что они принуждают ее вступить с кем-нибудь из них в ненавистный ей брак и разоряют дом Одиссея своими пирами.

Когда все женихи расходятся, Одиссей говорит Телемаху, что теперь нужно вынести все оружие из пиршественной залы. Убрав оружие, Одиссей идет в покои Пенелопы. Она с нетерпением ждет странника, чтобы расспросить его об Одиссее.

Странник рассказывает, будто некогда принимал Одиссея на Крите, когда тот, застигнутый бурей, пристал к берегам Крита по дороге в Трою. Пенелопа плачет, услышав, что странник видел Одиссея двадцать лет тому назад. Желая прове-

ритель, правду ли он говорит, Пенелопа спрашивает, как был одет Одиссей. Переодетый Одиссей описывает, в чем он был тогда. Странник уверяет Пенелопу, что Одиссей жив.

Эвриклея оmyвает страннику ноги. Когда она наклоняется, ей бросается в глаза рубец на его ноге. Некогда кабан нанес глубокую рану Одиссею, когда он охотился на склонах Парнаса. По этому рубцу Эвриклея узнает Одиссея, но клянется хранить его тайну.

Пенелопа рассказывает страннику, что решила на следующий день испытать женихов: вынести лук Одиссея и предложить им натянуть его и попасть в поставленную цель; того из них, кто исполнит это, решила она выбрать себе в мужа. Странник советует Пенелопе не откладывать этого испытания и прибавляет, что прежде чем кто-нибудь из женихов натянет лук и попадет в цель, вернется Одиссей.

На следующий день на очередном жениховском пиру Телемах сидит молча он и ждет, пока Одиссей подаст ему условный знак.

Вдруг богиня Афина возбудила безумный смех у женихов и помутила их разум. Дико стали они смеяться. Побледнели их лица, глаза их заволокли слезами, тоска легла им на сердце, как тяжелое бремя. словно дикие звери, стали они пожирать сырое мясо. Женихи начали в своем безумии издеваться над Телемахом. Но молча сидел Телемах, не обращая внимания на их насмешки. Слышала Пенелопа из своих покоев неистовые крики женихов за обильным пиром. Но никогда никто не приготавливал людям такого пира, какой приготовили женихам богиня Афина и муж Пенелопы.

Наконец, Пенелопа и идет в кладовую, в которой хранились сокровища Одиссея. Там она достает тугой лук Одиссея. Женихи решают по очереди пробовать натянуть тугой лук. Но напрасны попытки женихов, никто из них не может натянуть тетиву.

Одиссей открывает верным слугам Эвмею и Филотию, кто он, показав рубец на ноге от раны, нанесенной кабаном. Он велит Эвмею в ту минуту, когда он возьмет лук, пойти к Эвриклее и сказать ей, чтобы она заперла служанок.

Одиссей обращается к женихам с просьбой позволить ему попытаться натянуть лук. Женихи, услышав эту просьбу, принимаются смеяться над ним. Пенелопа настаивает, чтобы все-таки страннику дали лук. Ее прерывает Телемах, он просит мать уйти в ее покои, а Эвмею велит подать лук Одиссею.

Без малейшего труда сгибает Одиссей свой лук и натягивает тетиву, затем пробует пальцем, туга ли она. Женихи бледнеют. С неба доносится раскат грома — это Зевс подает знак Одиссею. Одиссей берет стрелу и, не вставая со своего места, пускает в цель.

Следующую стрелу Одиссей пускает в Антиноя. Женихи с криком вскакивают, бросаются к оружию, которое раньше висело по стенам, но оружия нет: его вынес Телемах.

Против женихов сражаются Одиссей, Телемах, Эвмей и Филотий. Пастух Мелантий замечает, куда ходит за оружием Телемах. Предатель тайно прокрадывается в кладовую и достает там двенадцать щитов и копий, так как Телемах, спешивший к отцу, забывает запереть двери в кладовую. Вооружаются и женихи.

Эвмей замечает кравшегося за оружием Мелантия и сообщает об этом Одиссею. Эвмей и Филотий запирают Мелантия в кладовой.

Три раза нападают на Одиссея женихи, бросая копья в него, Телемаха и в двух верных слуг, но Афина отклоняет копья женихов. Одиссей же и его соратники каждый раз поражают четырех противников. Один за другим падают сраженные насмерть женихи. Вдруг Афина потрясает над их головой своей страшной эгидой. В ужасе, как безумные, мечутся во все стороны женихи. Одиссею с сыном теперь не составляет труда довершить дело мести.

Одиссей велит верной Эвриклее призвать тех рабынь, которые провинились своим сочувствием женихам. Эти рабыни выносят трупы и моют залитую кровью пиршественную залу, а затем Одиссей предает их смерти. Мучительной казни предает Одиссей также предателя Мелантия.

Одиссея приветствуют его домочадцы. Эвриклея бежит в покои Пенелопы, будит госпожу ее и сообщает ей радостную весть, что вернулся, наконец, ее муж и отомстил женихам, убив их всех. Пенелопа не знает, броситься ли ей в объятия Одиссея или прежде расспросить его, чтобы окончательно убедиться в том, что странник действительно ее муж. У нее с Одиссеем есть тайна, открыв которую, они всегда узнают друг друга.

Одиссей напоминает жене, что его ложе сделано из громадного пня маслины, которая росла около дворца. Одиссей сам срубил ее и, окружив стеной, сделал из пня постель, затем украсил ее золотом и серебром и слоновой костью. Сдвинуть это ложе с места не может никто. Пенелопа со слезами бросается в объятия Одиссея.

Чтобы жители города не заподозрили, что во дворце произошло неладное, Одиссей велит всем рабам и рабыням начать пение и веселую пляску под звуки кифары, чтобы прохожие думали, что во дворце совершается празднество.

Бог Гермес вызывает души женихов из их трупов своим золотым жезлом, которым он и смыкает сном очи людей, и прогоняет сон. С жалобным криком души летят за Гермесом в царство мертвых.

Тень Агамемнона спрашивает душу Амфимедонта, почему тени женихов пришли в царство мрака такой толпой. Тень Амфимедонта рассказывает о том, как сватались они к Пенелопе, думая, что не вернется Одиссей, но Пенелопа была верна мужу и слышать не хотела о браке. Вернулся, наконец, Одиссей и жестоко отомстил им за буйство в его доме и за расхищение его имущества. Обрадовалась душа Агамемнона, узнав о том, что счастливо преодолел Одиссей все опасности, потому что самому Агамемнону жена в его отсутствие изменила.

Утром следующего дня, вооружившись блестящими доспехами, щитами и копьями, Одиссей, Телемах, Эвмей и Филотий отправляются к Лаэрту. Пенелопе Одиссей советует никуда не выходить из дворца, так как он знает, что весть о гибели женихов быстро разнесется по городу. Окутанные густым облаком, Одиссей и его спутники быстро подходят к дому Лаэрта. Увидав отца, Одиссей плачет. Ему жалко старика, одетого, словно нищий. Лаэрт скорбит о пропавшем Одиссее. Он обеими руками берет горсти земли, посыпает ею свою голову и громко стонет от невыносимого

горя. Одиссей не в силах больше смотреть на горе отца. Он бросается к нему, заключает его в свои объятия и объявляет, что вернулся на Итаку и отомстил женихам, разорявшим его дом. Лаэрт не сразу верит и требует доказательств, что перед ним действительно стоит сын. Одиссей показывает ему рубец от раны на ноге и перечисляет все плодовые деревья, которые Лаэрт подарил ему еще в детстве. Плача от радости, старик обнимает Одиссея.

Между тем по городу распространяется молва, что возвратившимся Одиссеем убиты все женихи. С криком негодования ко дворцу Одиссея бегут родственники женихов и выносят убитых. Толпа собирается на городской площади. Отец Антиноя, старый Эвпейт, уговаривает народ восстать против Одиссея. Лишь певец Фемий и глашатай Медонт убеждают граждан не поднимать рук на Одиссея, так как видели они сами, что боги были на стороне Одиссея, и женихи погибли по воле Зевса. Выступает в защиту Одиссея и прорицатель Галиферс. Он напоминает гражданам, как советовал им не позволять женихам бесчинствовать в доме Одиссея. Но они не послушались. Так что теперь лучше покориться Одиссею, чтобы не навлечь на себя еще большей беды. Часть граждан слушается Галиферса, часть же во главе с Эвпейтом бросается за оружием.

Боги-олимпийцы совещаются, как разрешить ситуацию. Зевс говорит Афине, что Одиссей должен был отомстить женихам. Он отомстил и имел на это право. Одиссей будет царем Итаки, а смерть женихов боги предадут забвению. Как и прежде, будет царить любовь на Итаке, будет там богатство и мир.

Афина приближается к Лаэрту и велит ему бросить, не целясь, копье во врагов, призвав на помощь ее саму и ее отца Зевса. Лаэрт бросает копье. Копье пробивает медный шлем Эвпейта, и тот замертво падает на землю. Афина прекращает битву. Всеми гражданами Итаки овладевает сильный ужас, оружие выпадает у них из рук, они падают ничком, услышав возглас богини. Придя в себя, граждане обращаются в бегство, спасая свою жизнь.

КИТАЙСКИЕ МИФЫ

Инь и ян

Инь и ян — основные понятия древнекитайского мировоззрения, нашедшие отражение как в философии, так и в мифологии.

Согласно общеизвестному мифу, в глубокой древности, когда не существовало еще ни земли, ни неба, в мире царил мрачный, бесформенный хаос. Постепенно в этом мраке возникли два великих духа — Инь и Ян, которые стали упорядочивать мир. Дух Ян начал управлять небом, дух Инь — землею. Предполагается, что первоначально понятие инь символизировало северный склон горы, ее теневую часть. Соответственно, ян означало южный, светлый склон горы. Впоследствии инь трансформировалось в символ женского начала, севера, тьмы, смерти, земли, луны, четных чисел и т. п. Ян же стало символизировать мужское начало, юг, свет, жизнь, небо, солнце, нечетные числа.

Инь и Ян графически изображают обычно в виде двух запятых, вписанных в круг и напоми-

нающих головастика или рыб, причем в каждой из них заметна точка другого цвета — символ зарождения ян внутри инь и инь внутри ян.

Хуньдунь — воплощение первобытного хаоса

В древнекитайской мифологии существует образ Хуньдунь, воплощающий в себе идею полнейшего хаоса, бывшего до того, как вселенная обрела свое существование. Это образ первобытного яйца или мешка, расщепление которого дает возможность его неразделенному ранее содержимому обрести форму в виде организованной вселенной. Хуньдунь, или Хаос не имел обычных семи отверстий, присущих людям (глаза, уши, ноздри, рот). С этим необычным мифологическим персонажем связана полукомическая притча, содержащая, однако, глубокий философский смысл.

Вот ее содержание: «Владыку Южного моря звали Шу — Быстрый, владыку Северного моря звали Ху — Внезапный, а владыку Центра — Хуньдунь — Хаос. Шу и Ху часто ради развлечения навещали Хуньдуня, Хуньдунь встречал их необычайно приветливо и предупредительно. Однажды Шу и Ху задумались о том, как отплатить ему за его доброту. Каждый человек, сказали они, имеет глаза, уши, рот, нос — семь отверстий в голове для того, чтобы видеть, слышать, есть и обонять. Но Хуньдунь не имел ни одного из них, и жизнь его не была по-настоящему прекрасной. Самое лучшее, решили они, просверлить в нем несколько отверстий. Взяли Шу и Ху орудия, подобные нашим топору и сверлу, и отправились

к Хуньдуню. Один день — одно отверстие, семь дней — семь отверстий. Но бедный Хуньдунь, которого лучшие его друзья так издырявили, горестно вскрикнул и приказал долго жить». Хотя Хуньдунь, в котором Шу и Ху, символизирующие быстротечность времени, просверлили семь отверстий, умер, но в результате возникли вселенная и земля.

Паньгу — творец мира

Существует и другое мифологическое предание о сотворении мира. В этом мифе, так же как в мифе о Хуньдуне, мир изначально представлял собой подобие куриного яйца, но впоследствии в нем зародился первопредок человечества — Паньгу. Когда Паньгу вырос, он заснул и проспал в этом огромном яйце восемнадцать тысяч лет. Проснувшись, Паньгу не увидел ничего: вокруг был непроницаемый мрак, и сердце человека онемело от страха. Но вот его руки нащупали какой-то предмет. Это был невесть откуда взявшийся топор. Паньгу размахнулся что было сил и ударил перед собой. Раздался оглушительный грохот, словно бы от того, что надвое раскололась гора. Неподвижный мир, в котором находился Паньгу, пришел в движение. Все легкое и чистое тотчас же поднялось вверх и образовало небо, а тяжелое и грязное опустилось вниз и образовало землю. Так небо и земля, представлявшие вначале сплошной хаос, благодаря удару топором отделились друг от друга. После того как Паньгу отделил небо от земли, он, опасаясь, что они вновь соединятся, уперся ногами в землю и подпер головой небо. Так он и стоял, изменяясь вместе с

ними. Каждый день небо становилось выше на один чжан, а земля становилась толще на один чжан, и Паньгу вырастал на один чжан. Прошло еще восемнадцать тысяч лет — небо поднялось очень высоко, земля стала очень толстой, а тело Паньгу также выросло необычайно. Как высочайший столб, стоял великан Паньгу между небом и землей, не позволяя им вновь превратиться в хаос. Когда Паньгу понял, что мир завершен, он радостно вздохнул. С этим вздохом родились ветер и дождь. Он открыл глаза — и начался день. Но жизнь Паньгу была в росте, и, прекратив расти, он должен был умереть. Его тело стало светом и жизнью. Левый глаз засиял солнцем, правый заблестел луной. Четыре конечности и пять внутренних частей тела стали четырьмя сторонами света и пятью священными горами. Кровь превратилась в реки и ручьи, жилы и вены — в дороги, покрывшие землю. Плоть стала почвой, а волосы на голове и усы — растительностью на ней. Зубы и кости обратились в золото и драгоценные камни, костный мозг в жемчуг и нефрит, предсмертный пот, выступивший на теле Паньгу, стал дождем и росой.

Стоит упомянуть еще об одной легенде, мотивы которой просматриваются в некоторых графических изображениях Паньгу — его иногда рисовали с солнцем в одной руке и луной в другой. Якобы, создавая вселенную, Паньгу неверно расположил солнце и луну, которые одновременно скрылись за морем, и земля погрузилась во мрак. Тогда Паньгу написал на левой ладони иероглиф «солнце», а на правой — «луна». Вытянув вперед левую руку, он позвал к себе солнце,

потом вытянул правую и позвал луну. Так он повторил семь раз, после чего солнце и луна поделили сутки и стали поочередно освещать землю.

Богиня Ньюва лепит людей из глины

Земля тогда уже отделилась от неба. Ввысь поднялись священные горы. К морям текли реки, полные рыб. Леса и степи были наполнены животными, а реки — рыбой. Над лугами парили птицы. Но мир еще не был завершен: не было людей.

Однажды прародительница Ньюва — богиня с туловищем змеи и человеческим лицом и руками — подползла к пруду, набрала горсть желтой глины и, глядя на колебавшееся в воде изображение верхней части своего тела, вылепила небольшую фигурку, а потом вылепила ей ножки. Как только богиня закончила работу, фигурка ожила и весело запрыгала.

Ньюва обрадовалась тому, что ей удалось создать человека. Продолжая свой труд, она вылепила еще несколько сотен человечков обоего пола. Ньюва понимала, что у нее не хватит ни сил, ни времени на то, чтобы вылепить столько людей, чтобы они могли населить землю. Она сорвала свисавшую с обрыва лиану, опустила ее в топь пруда и, когда лиана покрылась глиной, стряхнула ее на землю. Падая на землю, кусочки глины превращались в человечков.

Но со временем люди умирали, а создавать их всякий раз заново было слишком утомительно. Поэтому Ньюва, соединив мужчин и женщин, заставила их самих продолжать свой род.

Нюйва — богиня любви и брака

Нюйва установила для людей форму брака и стала самой первой свахой. Поэтому последующие поколения почитали ее как богиню сватовства и бракосочетания. Люди приносили жертвы этой богине, причем церемонии в ее честь были необычайно пышными: за городом в поле строили алтарь, воздвигали храм и во время праздника приносили ей в жертву свиней, быков и баранов. Из года в год во втором месяце весны юноши и девушки, собравшись вместе около храма, развлекались и веселились. Тот, кто находил себе по сердцу пару, мог без каких-либо обрядов свободно вступить в брак. Под открытым небом при свете звезд и луны они сооружали шалаши, ковер из зеленой травы служил им постелью.

Это было «соединение по воле неба». Во время этих встреч исполнялись красивые песни и танцы, посвященные богине. Те, у кого не было сыновей, приходили к храму просить мужское потомство. Так Нюйва стала не только богиней бракосочетания, но и богиней, дарующей детей.

В каждом царстве подобные жертвоприношения совершались в разных местах: в горах или лесах, на берегах озер или рек — одним словом, в какой-либо красивой местности.

В преданиях сказано, что Нюйва еще создала музыкальный инструмент шэнхуан и подарила его людям. Это был губной органчик (шэн), с тоненькими листочками-язычками (хуан); стоило только подуть, как из него лились звуки. Он имел тринадцать трубочек, которые были вставлены в полую половину тыквы-горлянки. По форме органчик напоминал хвост феникса.

Известно, что на нем в древности играли во время веселых обрядов, которые были тесно связаны с чистой юношеской любовью. Каждый год, весной, когда цветут персики и сливы, а небо безоблачно, ночью, при ярком свете луны, люди выбирали среди полей ровное место, которое называли «лунной площадкой». Юноши и девушки надевали праздничные одежды, собирались на этой площадке, играли на шэне веселые мелодии, становились в круг, пели и танцевали «лунные танцы».

Иногда танцевали парами: юноша шел впереди, играя на шэне, а девушка следовала за ним, звеня колокольчиками. Так они кружились в танце всю ночь без усталости. Если их чувства были взаимны, они могли, взявшись за руки, уйти от остальных в какое-либо укромное место. Эти танцы были очень похожи на пляски и песнопения юношей и девушек, которые исполнялись в древности перед храмом высшего божества бракосочетания. Ведь создание шэна первоначально было тесно связано с любовью и бракосочетанием.

Нюйва спасает мир от гибели

Затем жила Нюйва некоторое время, не зная забот. Но землю охватили великие бедствия. В некоторых местах обрушился небосвод, и там образовались огромные черные дыры, через которые просочился жар, и загорелись леса. Образовались провалы, через которые хлынули подземные воды. Забыв на время вражду, Вода и Огонь объединились, чтобы уничтожить людей.

Видя, как страдают ее создания, Нюйва принялась за работу. Она собрала множество разноцвет-

ных камней и, расплавив их на огне, заделала полученной массой небесные дыры. Нюйва поймала и убила гигантскую черепаху, отрубила у нее четыре ноги и поставила их в четырех частях света в качестве подпорок, державших небосвод. Впрочем, небосвод не вернулся в свое прежнее состояние. Он несколько покосился, и это отразилось на движении солнца, луны и звезд. К юго-востоку от Поднебесной страны образовалась огромная впадина, которую заполнили воды всех морей и рек. Ее называли Океаном. Люди вновь заселили землю.

Рассказывают, что к этому времени часть диких зверей давно уже погибла, а те, что остались, были постепенно приручены и стали друзьями человека. Наступила для людей счастливая жизнь, без печалей и забот. На обширных просторах росли съедобные растения, которые не нужно было выращивать, а есть можно было вволю. Если рождался ребенок, его клали в птичье гнездо, висевшее на дереве, и ветер качал гнездо, как люльку. Люди могли таскать тигров и барсов за хвосты и наступать на змей, не опасаясь укусов. По-видимому, это было время еще более древнее, чем «золотой век», который впоследствии рисовался в воображении людей.

Нюйва радовалась, видя, что ее детям живется хорошо...

Удивительные жители неведомых стран

Мир, описанный в древнекитайских мифах, был, разумеется, наполнен чудесными и удивительными созданиями. Согласно легендам, в многочисленных дальних странах жили люди и другие

существа, обладавшие паразитическими свойствами.

Так, например, все жители Страны Благородных были исполнены гуманности, любви и добродетели. О жителях этой страны рассказывалось много любопытного. Одежда и шапки, которые они носили, были у них очень аккуратные, на поясе висел меч. У каждого жителя было в услужении два полосатых тигра. Все жители были скромны, вежливы и никогда не затевали ссор. Тигры тоже были ручными и смирными, как наши домашние кошки. Рынки там были переполнены, но никакого беспорядка и сутолоки не было, хотя люди и тигры сновали взад-вперед.

У жителей Страны Трудолюбивых лицо, руки и ноги были черными. Они всегда находились в состоянии смятения, что бы они ни делали — ходили, стояли, сидели, лежали, — все время они были беспокойны. У них был озабоченный вид, даже если никаких дел у них не было. Поэтому их прозвали трудолюбивыми, а постепенно это название стало относиться и ко всей их стране.

Страна Чернозубых была населена людьми, чьи зубы были черны, как черный лак. Чернозубые питались рисом, но готовили приправу из змей.

У жителей Страны Темноногих ноги и бедра были черными. Они жили на берегу моря, одежду делали из рыбьей кожи и питались буревестниками.

Обитатели Страны Огнедышащих имели черную кожу, походили на обезьян и могли изрыгать огонь.

У жителей Страны Белых Людей все тело было белое, и даже волосы на голове были белыми.

В другой необыкновенной стране жили люди с красными до колен ногами, как будто они были обуты в красные сапоги.

Согласно преданию, один из самых удивительных народов появился после того, как в древние времена брат и сестра стали мужем и женой. Небесный владыка в пылу гнева сослал нарушителей обычаев в отдаленную и безлюдную горную местность, где они, обнявшись, умерли в глубоком ущелье от голода и жажды. Свидетелем трагедии оказалась некая волшебная птица. Увидев, как умерли двое влюбленных, она сжалилась над ними: принесла в клюве траву бессмертия и прикрыла их ею. Прошло семь лет, и к усопшим вернулась жизнь, но тела их уже срослись, и когда супруги ожили, то превратились в странного человека с двумя головами, четырьмя руками и четырьмя ногами. Их дети и внуки были похожи на родителей, и эти странные люди стали родоначальниками народа сросшихся.

Где-то далеко существовала также Страна Людей, Ходивших На Цыпочках. Жители ее отличались высоким ростом и большими ногами. При ходьбе они становились на пальцы и не касались пятками земли. Говорят еще, что ступни у них были выворочены, так что если они шли на юг, то их следы показывали на север. Поэтому их еще называли «люди с пятками навыворот».

Другую страну населяли люди с переплетенными ногами. Жители этой страны были ростом не более четырех чи (т. е. около метра), ноги у них были кривые и переплетенные между собой. Если они ложились, то встать без посторонней помощи уже не могли.

В Стране Длинноруких жили существа с туловищем как у обычных людей, но руки их были необыкновенной длины. Одни говорили, что их руки доставали до земли, другие — что их длина была три чжана (то есть около десяти метров). Длиннорукие обычно ловили на берегу моря рыбу. С такими длинными руками было, конечно, очень удобно заниматься рыболовством. Поэтому можно было часто видеть, как они руками вытаскивали из моря бьющуюся рыбу.

У жителей Страны Длинноногих ноги были необычайной длины — ничуть не короче, чем руки у длинноруких. Рассказывали, будто кто-то видел, что Длинноногие с Длиннорукими на спине ходили в море ловить рыбу.

Одну из дальних стран населяли Люди С Языками Навыворот. По преданию, у них языки росли в обратном направлении — к горлу. Поэтому, когда они разговаривали между собой, другие ничего не понимали.

Поблизости находилась Страна Людей С Зубами-Сверлами, у жителей которой один зуб выдавался изо рта и напоминал сверло. Были они свирепы.

Существовало также племя людей, чьи лица напоминали свиные морды. Это была Страна Свинорылых.

В Стране Одноглазых у жителей был только один глаз посредине лица. Иногда ее несправедливо называли Страной Бесов: настолько жутким казался вид ее обитателей.

Кроме людей с пугающей внешностью, в дальних странах можно было встретить забавные лица. Такова была Страна Длинноухих: у ее

жителей были длинные, до плеч, уши. Во время ходьбы они их придерживали руками. Обитатели Страны Людей, Держащих Завязки, тоже все время держали руки у подбородка — чтобы ветер не унес их шапки. О жителях Страны Людей С Запавшими Глазами было известно, что питались они рыбой и в руке постоянно держали рыбу, как бы намереваясь ее съесть.

В Стране Твердогрудых люди имели одну характерную особенность: кости у них на груди выдавались вперед, как кадык у мужчин.

Страну Людей С Дырявой Грудью населяли удивительные люди, у которых в груди было круглое отверстие. По преданию, они извлекли из этой своей особенности выгоду: при передвижении им не нужен был паланкин. Они брали бамбуковый шест, продевали его сквозь отверстие в груди, и два человека вполне могли их нести.

У жителей Страны Одноруких была одна рука, один глаз и одна ноздря. В стране водились желтые, полосатые, как тигры, лошади, у которых тоже был один глаз и одна передняя нога.

Страна Одноногих была знаменита тем, что ее жители умели делать различные хитроумные приспособления для ловли зверей и птиц. Они умели мастерить летающие колесницы. Однажды такая колесница залетела в дальние края и была уничтожена местным правителем. Только спустя десять лет, когда подул попутный ветер, вновь была изготовлена такая же колесница. На ней прилетевшие на первой колеснице жители Страны Одноногих смогли вернуться к себе домой.

У жителей Страны Мягкотелых не было костей, и они имели по одной руке и ноге. Руки и

ноги у них были мягкими, как кусок мяса, и гнулись в разные стороны.

Племя трехголовых людей поражало воображение, но гораздо более удивительной была Страна Трехтелых. В этой стране Люди имели одну голову и три туловища.

Нелегко представить себе, каким образом избегали голодной смерти обитатели Страны Безутробных. Они были высокого роста, но в животе у них не было кишок. Съеденная ими пища не переваривалась, а сразу проскакивала наружу. Жители другой далекой страны, стоя под солнцем, не отбрасывали тени, а когда кто-нибудь из них кричал, ничего не было слышно.

Племя Людей С Падающими Головами отличалось тем, что их головы могли отделяться от туловища и летать, пользуясь ушами, как крыльями. Случилось так, что захваченная на войне женщина из этого племени попала в служанки к одному китайскому полководцу. Каждую ночь, едва она ложилась, голова у нее улетала, выбираясь наружу и возвращаясь к рассвету либо через собачий лаз, либо через дымоход в крыше. Как-то ночью служанку осветили и увидели только тело, без головы. Тело было чуть теплым, а дыхание почти незаметным. Тогда на тело накинули покрывало. С приближением рассвета голова вернулась, но приладиться никак не могла: мешало покрывало. После нескольких попыток голова упала на землю и жалобно зарыдала. А тело задыхалось часто-часто. Тогда покрывало откинули, голова взлетела, приложилась к шее, и через некоторое время все затихло. Хозяин решил, что это — опасный оборотень, испугался, что не смо-

жет с ним совладать, и вскоре отослал служанку из своего дома. Однако женщина не была оборотнем: летающая голова была ее природным качеством, как у всех ее родичей. В доме у другого военачальника такая же служанка погибла, потому что ее тело, в отсутствие головы, тоже накрыли, но на этот раз медным тазом, вследствие чего голова не сумела занять на рассвете свое место.

Мифы и легенды о драконах

Из всех мифических существ наибольшей популярностью (даже благоговением) у китайского народа пользовались драконы.

Начертание иероглифа «лун» (дракон), представляющее собой пиктограмму, изображающую животное с длинным телом и головой, увенчанной рогами (или гребнем), обнаружено уже в надписях на гадательных костях эпохи Инь (с XIV в. до н. э.). Существуют предположения о том, что прообразом этих пиктограмм была ящерица, а также о связи образа луна (дракона) с крокодилом.

Дракона изображали в самых причудливых формах. Но во всех случаях облик чудовища был величественным, суровым и воинственным.

Вот одно из описаний. «Глаза дракона похожи на кроличьи, а уши — на коровьи; над его пастью растут длинные усы; туловище походит на тело змеи, покрытое чешуей; четыре тигровые лапы имеют орлиные когти».

Иногда дракона изображали также в виде большой змеи или животного, напоминавшего одновременно и тигра и лошадь.

Дракона изображали в облаках и в тумане или в бушующих волнах, чтобы создать представле-

ние о необычайной силе и способности вызывать ветер и волны. Дракон взмывал в небо и парил в облаках, скалил клыки и выпускал когти. Дракон обладал способностью к перевоплощению, он мог бегать, плавать, летать.

Дракон служил геральдической эмблемой на знаменах знатных родов. В средневековом Китае дракон был символом императора, его изображали на троне, на халате государя. Высшие сановники и придворные носили халаты с изображением дракона с четырьмя когтями, и лишь за особые заслуги кому-либо из сановников жаловалось право носить халат с пятикоготным драконом — как на халате императора.

Культ драконов был связан прежде всего с водой. Драконы, олицетворявшие собой дождевые облака, которые приносили необходимые для посевов дожди, представлялись китайцам благостными богами, дарующими «сладкий», «хлебный» дождь. Благостными богами они выступали и в качестве олицетворения рек, озер и водоемов, воды которых использовались для орошения (искусственного и естественного). Драконы-божества дождя могли быть в то же время виновниками обильных дождей, вредных для посевов. В таких случаях они оборачивались к людям своей «темной», «злой» стороной. Но особенно страшны были драконы-божества рек. Это они, по представлениям древних китайцев, были виновниками страшных разливов, которыми, так «славятся» китайские реки, разливов, сметающих на своем пути сотни селений, несущих гибель посевам и тысячам людей.

Отсюда и происходят представления людей о злобности и кровожадности драконов. Страхом

перед божествами рек объясняются жертвы повелителям этой страшной стихии и, в частности, длительное сохранение обычая принесения им человеческих жертв. Невероятная и необъяснимая сила драконов способствовала необыкновенной популярности этих существ в мифических сказаниях. В более позднее время в фольклоре появляются мотивы обуздания драконов-богов рек, единоборства героев-борцов с наводнениями и потопами.

Существует много преданий о царе драконов — лунване. Согласно одной из легенд, однажды в море заболел царь драконов. Среди обитателей водного царства не нашлось лекаря, который мог бы его вылечить, и лунвану не оставалось ничего другого, как принять облик старика и отправиться к людям. У многих врачей побывал владыка моря, но ни один не мог определить, что у него за болезнь. Наконец он попал к знаменитому целителю, который, пощупав пульс пациента, очень удивился, обнаружив, что сердце бьется совсем не так, как у обычных людей.

Врач сказал об этом старику. И тот был вынужден открыть, что он царь драконов. Врач заявил, что определить и вылечить болезнь он сможет лишь в том случае, если старик снова превратится в дракона. Хотя обычно драконы людям не показываются, на этот раз владыка вод, чтобы исцелиться от недуга, согласился выполнить требование целителя. В условленный день врач пришел на берег моря, и дракон появился над волнами. Лекарь осмотрел его и обнаружил, что за чешую дракона на поясице заползла сколопендра, которая и причиняла ему сильную боль.

Удалив сколопендру, врач смазал поврежденную чешую мазью, и боль прошла. В знак благодарности за исцеление царь драконов обещал целителю ниспосылать людям по их просьбе хорошую погоду, благодатные дожди и полное благополучие. С тех пор каждый год в День исцеления по всему Китаю исполнялся танец дракона.

По традиционным представлениям, дракон символизирует счастье. Засуха и наводнение приносили китайскому народу разорение, нищету, голод. Кто мог помочь в борьбе со стихийными бедствиями? Конечно же, царь драконов. Если какой-нибудь район подвергался засухе или наводнению, местные жители исполняли ритуальный танец дракона, умоляя владыку моря ниспослать дождь. Продолжительная засуха рассматривалась как отказ дракона послать дождь. Тогда перед изображением дракона устраивались молебствия. Если же и после этого поля оставались сухими, то исполнялся обряд «бичевания дракона»: по сделанному из глины или из другого материала изображению дракона наносили удары плетью или бамбуковой палкой, требуя ниспослать дождь.

Культ лунвана был чрезвычайно распространен в старом Китае. Храмы, посвященные ему, строились в городах, деревнях, близ рек, озер, переправ и колодцев. Его заступничества просили моряки, рыбаки, земледельцы, а также водоносы, которые считали, что подземные источники в колодцах управляются лунваном и соединяются под землей с морем. Во время засухи статую лунвана выносили из храма и ставили на солнцепеке, и во время наводнения ее носили по окрестностям, чтобы показать лунвану размеры бедствия и усо-

вестить его. Если это не помогало, то статую топили в воде.

И наконец, говоря о драконах, нельзя не вспомнить о духе Чжулуне — Драконе со свечой с горы Чжуншань, который, согласно одному из вариантов мифа о создании, был творцом вселенной. Рассказ о нем записан в древней «Книге гор и морей». Этот дух с лицом человека, телом змеи и кожей красного цвета был ростом в тысячу ли. У него были глаза, напоминавшие два оливковых дерева. Когда он закрывал их, то они превращались в две прямые вертикальные щели. Стоило ему открыть их, как в мире наступал день, а когда он закрывал их, на землю спускалась ночь. Стоило ему подуть, как появлялась пелена облаков, падал хлопьями обильный снег и наступала зима. Стоило дыхнуть жаром — и тотчас наступало лето, а солнце начинало палить так, что плавилась металлы и камни. Дракон лежал свернувшись, подобно змее. У него не было потребности ни в еде, ни в питье, ни в сне, ни в дыхании. Но стоило ему вдохнуть, — как поднимался ветер на добрых десять тысяч ли в округе. Светом свечи, которую Чжулун держал во рту, он мог освещать высочайшие сферы неба и глубочайшие недра земли, где царил вечный мрак. А так как он всегда держал во рту свечу и освещал мрак в небесных воротах на севере, то его еще называли Чжунинь, т. е. «Освещающий мрак».

(Текст приводится по книге «Мифы Древнего Китая», автор В. В. Ежов, предисловие и примечания И. О. Родин, М. «Астрель» 2003).

МИФЫ МЕЗОАМЕРИКИ

Общие сведения:

Мезоамерикой принято называть совокупность древних цивилизаций Американского континента. В первую очередь это цивилизации Центральной Америки — государства тольтеков, инков, майя, ацтеков. От письменных источников этих древних культур почти ничего не осталось, так как практически все они были уничтожены деятелями церкви во время захвата белыми конквистадорами (в основном испанцами) индейских земель. Древние книги (или, как их принято называть, кодексы) сжигались на городских площадях, из них складывались целые костры. До настоящего времени дошло всего не более пяти таких кодексов. Однако не все деятели церкви проявляли подобную нетерпимость к чужой культуре. Некоторые из них не только собирали древние легенды и сказания, но и записывали их. Таким был и монах-доминиканец Франсиско Хименес. Он много лет прожил среди индейцев и в своих трудах сообщал интересные сведения об их истории, культуре и языках. Именно он записал, переведя на испанский язык, историю происхождения народа майя-киче. Книга эта называлась «Пополь-Вух», и очень скоро ее стали называть «Библией Центральной Америки».

*Из книги народа майя-киче «Пополь-Вух»
(дается в изложении И. Родина)*

Боги решают сотворить мир

Это изначальное повествование, первый рассказ о том, как и кем был сотворен мир.

Вначале все было в состоянии неизвестности, все было холодным и молчаливым. В мире не было никакого движения, и небо было пусто. Не было ни человека, ни животных, ни птиц, ни рыб, ни деревьев, ни камней. Поверхность земли тогда еще не появилась. Существовали только холодное море и великое пространство небес. Не было ничего, что могло бы двигаться, производить вибрацию или звук. В ночи царили лишь неподвижность, лишь молчание.

Только Создательница и Творец, Великая мать и Великий отец, находились в бесконечных водах. И звались они Тепеу и Кукумац, что означает «змея, покрытая зелеными перьями». И велики были их мудрость и прозорливость.

Единый же и великий бог, вечно пребывающий в центре мира и оттого зовущийся Сердцем небес или Хураканом, единый в трех ипостасях — Какулха-Хуракан, Чипи-Какулха и Раша-Какулха, явил свою волю Тепеу и Кукумацу. Пришла к ним из Сердца небес его сила, прозвучало для них в ночи его слово.

И тогда Великая мать и Великий отец, исполненные волей и словом бога, осознали, что с наступлением света, с приходом Зари мира, должен появиться и человек, ибо только человек может восславлять богов, приносить им жертвы и тем самым питать их. Исполненные силой того, кто зовется Сердцем небес, они распределили сотворение мира, рост деревьев и лесных чащ, рождение жизни и сотворение человека.

— Пусть это свершится! — решили они. — Да будет заполнена пустота! Пусть отступят воды и на их месте появится земля! Пусть будет свет, да

будет заря на небе и над землей! А чтобы наше творение могло обрести славу и величие, да будет создан человек!

Боги создают землю и животных

И тогда была сотворена ими земля. «Земля!» — сказали Великая мать и Великий отец, и она возникла из небытия.

Вначале она была подобна туману, легкому дыму. Затем, обретая телесность, она стала походить на облако пыли, а потом горы поднялись из воды, а между ними образовались долины. И стала земля плодоносной, и кипарисовые и сосновые рощи пустили побеги на поверхности земли.

И исполнился Кукумац радости и воскликнул: — Полезен был твой приход, о Сердце небес! Твой, Какулха-Хуракан, и твой, Чипи-Какулха, и твой, Раша-Какулха!

И ответило ему Сердце небес:

— Наше творение должно быть закончено! За работу!

И был тогда указан путь водным потокам. Ручьи стали свободно бежать у подножия холмов и между ними, а реки были отделены друг от друга.

Затем боги создали духов гор, хранителей лесных чащ и лесных человечков, а также диких животных: оленей, пум, ягуаров, пресмыкающихся, змей и птиц.

Потом они указали животным и птицам их жилища: «Вы, животные, будете спать в полях, на берегах рек и в ущельях. Вы будете бродить среди кустов и среди трав, а в лесах — умножаться. Вам суждено ходить на четырех ногах, и они ста-

нут поддерживать вас. Вы же, птицы, будете жить среди деревьев, среди лиан. Там вы совете себе гнезда, там будете увеличивать свое число».

Так животные и птицы получили свои жилища и гнезда, так Великая мать и Великий отец дали земным тварям их обиталища.

Через некоторое время спросили Великая мать и Великий отец: «Неужели только молчание будет царить среди деревьев и лиан?» И повелели тогда Создательница и Творец животным и птицам: «Кричите, щебечите, говорите и зовите друг друга каждый по-своему! Называйте наши имена, восхваляйте нас, ваших отца и мать! Призывайте Сердце небес: Какулха-Хуракана, Чипи-Какулха, Раша-Какулха, почитайте нас».

Так было сказано животным и птицам, но не могли боги заставить их говорить подобно людям, они лишь свистели, пищали и кудахтали — каждый на свой лад; и были не в состоянии произнести ни слова.

Увидев, что звери и птицы не в состоянии говорить друг с другом, Создательница и Творец сказали: «Они не могут произносить наши имена и восхвалять своих творцов. Это плохо. Придется изменить свое первоначальное намерение». И они возвестили свою волю зверям и птицам: «Пусть ваша пища, ваши пастбища, ваши жилища и ваши гнезда остаются при вас. Вы не можете почитать нас или призывать, поэтому мы создадим тех, кто будет в состоянии это делать. Ваше же предназначение отныне — стать самим пищей для них. И да будете вы убиты, а ваша плоть разорвана на части!»

Первая попытка создать человека: боги лепят глиняных людей

После того, как Создательница и Творец, Великая мать и Великий отец, поняли, что звери и птицы не смогут восхвалять и призывать их, они сделали новую попытку создать человека.

«Давайте без промедления возьмемся за работу! — сказали они. — Ведь уже приближается заря, а мы до сих пор не создали тех, кто будет питать и поддерживать нас!»

Затем из земли и глины они сделали человеческое существо. Но уже в следующий момент они поняли, что у них снова ничего не вышло. Плоть, слепленная из земли и глины, расплывалась, была мягкой и слабой, в ней не было жизненной силы. Конечности существа безвольно падали вниз, голова его не могла двигаться. Оно могло видеть (да и то с трудом) лишь прямо перед собой, а лицо у него было скошено на одну сторону. Поначалу оно говорило, хотя разумом не обладало, но очень скоро существо размокло в воде и уже не могло не только говорить, но даже стоять.

Увидев, что созданные из глины существа не способны ни ходить, ни размножаться, Создательница и Творец разрушили свою работу. «Придется попытаться снова», — сказали они, но прежде чем приступить к работе, решили на этот раз лучше обдумать предстоящее творение.

Вторая попытка создать человека: боги вырезают людей из дерева

И решили боги создать человека из дерева. Однако помня о первой неудачной попытке, Создательница и Творец решили еще обратиться за

советом к Шпийакоку и Шмукане, великому Прародителю и великой Прародительнице. «Давай попросим их бросить жребий, пусть они возвестят нам судьбу, пусть откроют, как нам создать существ, которые бы могли питать нас, призывать и славить», — сказали Тепеу и Кукумац друг другу.

И они отправились к Шпийакоку и Шмукане, чтобы через них Хуракан (Сердце небес), явил свою волю.

Прийдя к Шпийакоку и Шмукане, они спросили Хуракана, как им найти средства, чтобы человек, которого они собираются создать, мог бы кормить и поддерживать их, мог бы призывать их и о них помнить.

Предвещатели бросили жребий зернами кукурузы и семенами дерева ците, по которым они обычно предсказывали судьбу. И, начиная прорицание, они вопрошали: «Соединитесь вместе, вы, кукурузные зерна, вы, семена дерева ците, ты, день судьбы, ты, творение! Скажите, будет ли хорошо, если Творец и Создательница вырежут человека из дерева? Будет ли деревянный человек питать и поддерживать нас, когда в мире воссияет свет?» И, получив ответ, они сообщили о нем Создательнице и Творцу: «Ваши фигуры из дерева удадутся; так как живя на земле, они смогут разговаривать».

«Да будет так!» — ответили Создательница и Творец. И в то же мгновение были созданы фигуры из дерева. Их лица были подобны человеческим, и они говорили как люди. Плоть мужчины Создательница и Творец сделали из дерева ците, а плоть женщины — из сердцевины тростника.

Скоро деревянные создания населили поверхность земли. Они расселялись и умножались; они имели дочерей и сыновей. Однако эти деревянные фигуры не имели ни души, ни разума, они не помнили свою Создательницу и своего Творца. Они бесцельно блуждали на четырех конечностях и ничего не знали о Сердце небес. Они говорили, но лицо их не имело выражения; в их ногах и руках не было силы; они не имели ни крови, ни сукровицы, они не имели ни пота, ни жира. Их щеки, ноги и руки были сухими, а плоть их была трухлявой. Таковы были первые люди, в большом числе населившие поверхность земли.

И боги поняли, что это тоже была лишь проба, еще одна попытка создать человека.

Боги уничтожают людей из дерева

И тогда деревянные фигуры были уничтожены богами.

Сердце небес наслало на головы деревянных созданий великий потоп. Это было сделано в наказание за то, что их мысли не достигали их матери, их отца, Сердца небес, что зовется Хураканом.

Тот, кто называется Шекотковач, пришел и вырвал их глаза. Камалоц пришел и оторвал их головы. Коцбалам пришел и пожрал их плоть. Тукумбалам сломал и перетер их кости и жилы.

Густая смола лилась с неба. Лик земли потемнел, днем и ночью лил черный дождь.

И поднялись против деревянных людей малые и большие животные.

— Вы делали нам много плохого, вы ели нас, а теперь мы убьем вас! — сказали собаки и домашние птицы. — Почему вы давали нам мало еды? —

рычали собаки. — У вас всегда была палка, готовая ударить нас! Вы так обращались с нами, потому что мы не могли говорить! Разве мы бы выжили, если бы все шло по-вашему? Почему вы не думали о будущем и не позаботились о самих себе? Теперь мы уничтожим вас! Вы узнаете, сколько зубов у нас в пасти! — и собаки принялись раздирать им лица.

Даже домашняя утварь поднялась против деревянных созданий. Заговорили и глиняные кувшины, и сковородки, и тарелки, и горшки, и каменные зернотерки.

— Вы мучили нас, — сказали зернотерки. — Каждый день, не переставая, наши лица терлись друг о друга! Но теперь наконец вы почувствуете нашу силу! Мы измелем вас и разорвем вашу плоть на кусочки!

— Вы и нам причиняли боль и страдания! — подхватили сковородки и горшки. — Наши лица и рты почернели от сажи! Вы ставили нас на огонь и жгли! А теперь мы сожжем вас!

И кувшины, сковородки, тарелки, горшки и зернотерки принялись бить их по лицам.

Камни из очага, собравшись в одну кучу, устремились из огня прямо на головы деревянных людей. Придя в отчаяние, деревянные люди стали спасаться бегством. Они карабкались на крыши домов, но дома рушились и сбрасывали их на землю. Они залезали на вершины деревьев, но деревья стряхивали их и били ветвями по лицу. Они хотели укрыться в пещерах, но в пещерах закрывались входы.

Так погибли люди, созданные во второй раз. И уста и их лица были избиты и искалечены.

Говорят, что потомками деревянных людей являются те обезьяны, которые живут теперь в лесах. Вот почему обезьяна выглядит столь похожей на человека.

Происхождение братьев Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу

Полумрак скрывает все то, что касается рождения Хун-Ахпу и Шбаланке. Вот лишь часть истины, то, что люди рассказывают друг другу.

Давным-давно жили два брата и их имена были Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу. Родителями их были Шпийакок и Шмукане. В ночи были рождены Шпийакоком и Шмукане Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу.

Оба сына были очень мудры. И тот и другой обладали пророческим даром и были предсказателями.

Братья играют в мяч. Владыки царства мертвых Шибальбы слышат их игру

Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу очень любили играть в кости и в мяч.

Даже Вок, посланник Сердца небес, спускался вниз, чтобы понаблюдать за их игрой. Ведь для Вока и поверхность земли, и преисподняя Шибальбы всегда доступны. За одно мгновение он может унести на небо и достичь Сердца небес.

И вот однажды, играя в мяч, братья оказались возле дороги, ведущей в Шибальбу. И их услышали владыки Шибальбы — Хун-Каме и Вукуб-Каме.

— Что происходит на земле? — воскликнули владыки Шибальбы. — Кто заставляет дрожать землю? Кто вызывает столько шума? Эти созда-

ния уже более не почитают нас! Они нас настолько не уважают, что занимаются своими причудами прямо над нашими головами! Подите и позовите их! Пусть они сыграют в мяч с нами! Пусть попробуют нас победить!

Совет владык Шибальбы

И собрались владыки Подземного мира на совет. Высшими судьями среди них были Хун-Каме и Вукуб-Каме. Остальные владыки исполняли свои собственные обязанности, те, которые им поручили Хун-Каме и Вукуб-Каме.

Там были владыки, звавшиеся Шикирипат и Кучумакик. В их власти было вызывать у людей кровотечение.

Двое других звались Ах-Альпух и Ах-Алькана. Они заставляли людей пухнуть, делали так, чтобы из их ног изливался гной, чтобы их лица окрашивались в желтый цвет.

Следующие двое звались Чамиабак и Чамиахоллом. Они были жезлоносцами Шибальбы и у каждого из них был костяной посох. В их власти было заставлять людей чахнуть, пока живот у них не приклеится к позвоночнику, а потом от них не останется ничего, кроме черепа и костей.

Были там также владыки Ах-Альмес Ах-Альтокоб. В их власти было причинять людям несчастья, когда те находились возле своего дома. Они могли сделать так, чтобы человека нашли израненным или мертвым, беспомощно лежащим, уткнувшись в землю.

Были там, наконец, владыки, звавшиеся Шик и Патан. Они заставляли людей умирать на дороге, они насылали на них внезапную смерть, делая так,

чтобы те изрыгали кровь. Они набрасывались на путников и, чтобы кровь хлынула горлом, сжимали им горло и сердце.

И вот собрались Владыки Шибальбы на совет и решили, что надо как следует проучить Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу, чтобы они были более почтительны с ними, владыками. Однако на самом деле владыки Шибальбы добивались совсем другого. Они хотели заполучить снаряжение для игры в мяч, которое принадлежало Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу — их наколенники из кожи, нашейники, перчатки, шлемы и маски.

Посланцы Шибальбы отправляются к Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу

Тотчас по повелению Хуна-Каме и Вукуба-Каме перед ними предстали посланцы.

— Идите и позовите Хун-Хун-Ахпу и Вукуба-Хун-Ахпу, — сказали они. — Передайте: «Владыки призывают вас сыграть с ними в мяч. Они поистине изумлены вашим искусством и просят осчастливить их своим согласием». От такого приглашения они вряд ли откажутся. Да, и пусть не забудут прихватить свое снаряжение для игры: нашейники, перчатки, а также каучуковый мяч. И поторопите их! — повелели владыки своим посланцам.

Посланцами же владык были совы. Оставя Шибальбу, они вскоре прибыли в то здание, где Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу играли в мяч. Здание это называлось Ним-Шоб-Карчах. Совы-посланники в точности передали поручение владык...

Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу спускаются в Шибальбу

И Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу отправились вслед за посланцами по дороге. Скоро они добрались до Шибальбы и стали спускаться вниз по очень крутым ступеням. Они спускались до тех пор, пока не подошли к берегу реки, быстро текущей между двумя склонами узкого ущелья, и переправились через нее. Затем они пересекли реку, которая текла среди колючих тыквенных деревьев. Деревьев было очень много, но путникам удалось пройти между ними, не причинив себе вреда.

Через некоторое время перед ними предстала река из крови. Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу перешли через нее, но воды из нее не пили, поэтому и не были побеждены. Затем они подошли к другой реке, которая была целиком из гноя. Но и она не смогла причинить вреда путникам: они благополучно переправились на другую сторону.

Наконец братья пришли к перекрестку четырех дорог, и здесь они были настигнуты судьбой. Одна из этих дорог была красная, другая — черная, третья — белая, а последняя — желтая. И черная дорога сказала им: «Изберите, меня! Я — дорога владыки!». Послушали братья этих слов и пошли этой дорогой. Но они ошиблись, и когда прибыли к месту совета владык Шибальбы, то уже сильно потеряли в игре. Первыми, кого они увидели там, были сидящие деревянные куклы, изготовленные обитателями Шибальбы.

— Приветствуем тебя, владыка Хун-Каме! — сказали братья одной деревянной кукле. — Приветствуем и тебя, владыка Вукуб-Каме! — обра-

тились они к другому деревянному изображению. Но куклы молчали. И тут же все владыки Шибальбы разразились хохотом, так как подумали, что Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу уже обессиленны и почти побеждены.

Наконец Хун-Каме и Вукуб-Каме сказали:

— Мы рады, что вы прибыли. К завтрашнему дню приготовьте ваши маски, нашейники и перчатки. А пока, — добавили они, — подойдите и немного посидите на нашей скамье.

Но скамья, которую они предложили братьям, была из раскаленного камня. Конечно, они тут же вскочили, но все же успели сильно обжечься. Владыки Шибальбы снова разразились хохотом. Они буквально корчились от смеха.

— Теперь идите к этому дому, — сказали они, отсмеявшись. — Там вы получите смолистые лучины и сигары, там вам предстоит провести ночь.

И вошли братья в «Дом мрака». Внутри царилла крошечная тьма. Им дали по одной зажженной смолистой лучине, и по одной зажженной сигаре. А лучинами здесь были липкие от крови каменные ножи. Это должно было братьям напоминать, что каждая минута игры в мяч с владыками Шибальбы может стать для них роковой.

Лучины ярко осветили помещение, и посланец, принесший их, сказал:

— Каждому из вас дается по одной лучине и сигаре. С зарей вы должны придти и возвратить их нетронутыми, точно в таком же виде, что и сейчас. Именно это поручили мне передать вам владыки.

Так было сказано братьям. И это оказалось выше их сил, так как к утру они сожгли лучины и искурили сигары.

А тем временем владыки Шибальбы обсуждали, что им следует предпринять. — Давайте, как только рассветет, сразу же принесем их в жертву. Тогда мы сможем пользоваться их снаряжением для игры в мяч, — говорили владыки Шибальбы друг другу.

Места испытаний в Шибальбе. Владыки Шибальбы приносят в жертву Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу

Множество мест для испытаний имелось в Шибальбе. И было этих испытаний несметное число.

Первым был «Дом мрака», Кекума-Ха, в котором царил непроглядная тьма.

Во втором доме, или Шушулим-Ха, дул ледяной, сильный ветер и было так холодно, что каждый попадавший в него сразу же начинал дрожать.

Третье здание носило название «Дом ягуаров», или Балами-Ха, и оно было наполнено ягуарами, которые теснились там, рычали и щелкали зубами.

«Домом летучих мышей», или Цоци-Ха, называлось четвертое помещение для испытаний. Внутри было заперто огромное количество летучих мышей, которые пищали, кричали и летали там во всех направлениях.

Пятое называлось «Дом ножей», или Чайим-Хав, и оно было заполнено острыми сверкающими ножами, которые некоторое время пребывали в покое, а затем начинали стремительно двигаться, уничтожая все на своем пути.

В Шибальбе было множество мест для испытаний, но Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу не входили туда, так как сожгли свои лучины и закурили сигары, находясь в «Доме мрака».

И вот Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу предстали перед Хун-Каме и Вукуб-Каме, и те им сказали:

— Где лучины и сигары, которые мы вам передали прошлой ночью?

— Они все кончились, владыка!

— Прекрасно. Тогда сегодняшний день станет последним днем вашей жизни! Вас принесут в жертву! Мы разорвем вас на куски, и здесь похороним!

И они тут же принесли братьев в жертву, после чего погребли в месте, называемом Пукбаль-Чах. Перед погребением владыки Шибальбы отрезали голову Хун-Хун-Ахпу и похоронили вместе с младшим братом лишь его тело.

— Возьмите эту голову и поместите ее на дереве, что стоит у дороги, — приказали Хун-Каме и Вукуб-Каме.

Посланцы поместили голову Хун-Хун-Ахпу среди ветвей дерева, и оно, никогда раньше не приносившее плодов, внезапно покрылось ими. Это было тыквенное дерево — то самое, которое теперь мы называем головой Хун-Хун-Ахпу.

Хун-Каме и Вукуб-Каме с изумлением смотрели на дерево. Круглые плоды сплошь покрывали его, и владыки не могли понять, где находится голова Хун-Хун-Ахпу, так как она во всем стала походить на другие плоды тыквенного дерева. Не смогли найти голову Хун-Хун-Ахпу и другие обитатели Шибальбы.

Поняв, что дерево волшебное, владыки Шибальбы сказали:

— Пусть никто не смеет срывать эти плоды! Пусть никто не смеет подходить близко к этому дереву и садиться под ним!..

МИФЫ СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ ИНДЕЙЦЕВ

Г. Лонгфелло

Из «Песни о Гайавате»

Американский поэт Генри Лонгфелло (1807—1882) создал свою «Песнь о Гайавате» на основе индейских легенд и преданий. Гайавата был легендарным вождем племени ирокезов. Согласно мифам, Гайавата выступал против родовых уособиц, сражался за справедливость и процветание своего племени. Именно эти мифы племени ирокезов легли в основу произведения Г. Лонгфелло. Ниже приводится «Вступление в поэму», которая была переведена с английского великим русским писателем И. А. Буниным.

Если спросите — откуда
Эти сказки и легенды
С их лесным благоуханьем,
Влажной свежестью долины,
Голубым дымком вигвамов,
Шумом рек и водопадов,
Шумом, диким и стозвучным,
Как в горах раскаты грома? —
Я скажу вам, я отвечу:

«От лесов, равнин пустынных,
От озер Страны Полночной,
Из страны Оджибуэев,
Из страны Дакотов диких,
С гор и тундр, с болотных топей,
Где среди осоки бродит
Цапля сизая, Шух-шух-га.

Повторяю эти сказки.
Эти старые преданья
По напевам сладкозвучным
Музыканта Навадаги».

Если спросите, где слышал,
Где нашел их Навадага,—
Я скажу вам, я отвечу:
«В гнездах певчих птиц, по рощам,
На прудах, в норах бобровых,
На лугах, в следах бизонов,
На скалах, в орлиных гнездах.

Эти песни раздавались
На болотах и на топях,
В тундрах севера печальных,
Читовэйк, зук, там пел их,
Манг, нырок, гусь дикий, Бава,
Цапля сизая, Шух-шух-га,
И глухарка, Мушкодаза».

Если б дальше вы спросили:
«Кто же этот Навадага?
Расскажи про Навадагу!»—
Я тотчас бы вам ответил
На вопрос такую речью:

«Средь долины Тавазэнта,
В тишине лугов зеленых,
У излучистых потоков,
Жил когда-то Навадага.
Вкруг индейского селенья
Расстилались нивы, доли,
А вдали стояли сосны,
Бор стоял, зеленый — летом,

Белый — в зимние морозы,
Полный вздохов, полный песен.

Те веселые потоки
Были видны на долине
По разливам их — весною,
По ольхам сребристым — летом,
По туману — в день осенний,
По руслу — зимой холодной.
Возле них жил Навадага
Средь долины Тавазэнта,
В тишине лугов зеленых.

Там он пел о Гайавате,
Пел мне Песнь о Гайавате, —
О его рожденье дивном,
О его великой жизни:
Как постился и молился,
Как трудился Гайавата,
Чтоб народ его был счастлив,
Чтоб он шел к добру и правде».

Вы, кто любите природу —
Сумрак леса, шепот листьев
В блеске солнечном долины,
Бурный ливень, и метели,
И стремительные реки
В неприступных дебрях бора,
И в горах раскаты грома,
Что как хлопанье орлиных
Тяжких крыльев раздаются, —
Вам принес я эти саги.
Эту Песнь о Гайавате!

Вы, кто любите легенды
И народные баллады,

Этот голос дней минувших,
Голос прошлого, манящий
К молчаливому раздумью,
Говорящий так по-детски,
Что едва уловит ухо,
Песня это или сказка,—
Вам из диких стран принес я
Эту Песнь о Гайавате!

Вы, в чьем юном, чистом сердце
Сохранилась вера в бога,
В искру божью в человеке;
Вы, кто помните, что вечно
Человеческое сердце
Знало горести, сомненья
И порывы к светлой правде,
Что в глубоком мраке жизни
Нас ведет и укрепляет
Провидение незримо,—
Вам бесхитростно пою я
Эту Песнь о Гайавате!

Вы, которые, блуждая
По околицам зеленым,
Где, склонившись на ограду,
Поседевшую от моха,
Барбарис висит, краснея,
Забываетесь порою
На запущенном погосте
И читаете в раздумье
На могильном камне надпись,
Неумелую, простую,
Но исполненную скорби,
И любви, и чистой веры, —
Прочитайте эти руны,
Эту Песнь о Гайавате!

ЛЕТОПИСАНИЕ

О русском летописании и о «Повести временных лет»

В XI веке на Руси возникло летописание, которому было суждено на несколько веков, вплоть до времени правления Петра I, стать ведущим литературным жанром.

Изучение летописей этого времени имеет некоторые трудности, так как первые из дошедших до нас летописных сводов датируются лишь XIII—XIV веками (напр., *Новгородская первая летопись* или *Лаврентьевская летопись*).

Судить о содержании древнейших летописей ученые могут по более поздним памятникам, которые включали в себя отрывки из них или ссылки на события, в них описанные. Многие поздние летописцы дословно переписывали целые страницы из древних летописей в свои хронологические своды (в те далекие времена представления об авторских правах еще не существовало). Именно поэтому стало возможным восстановить источники (хотя и не полностью), которыми пользовались более поздние летописцы.

Благодаря исследованиям ряда ученых, было установлено, что в основе русских летописей лежит другая, более древняя, летопись, которую условно было принято называть «*Начальным сводом*». Однако было также замечено, что отрывки из этой древнейшей летописи (созданной примерно в 1095 г.), включенные в Новгородскую первую летопись и в Лаврентьевскую летопись, несколько различаются между собой. В конечном

итоге было установлено, что в Новгородскую первую летопись вошли именно отрывки из «Начального свода», а в Лаврентьевскую летопись (и в ряд других древних летописей) — отрывки из уже переработанного «Начального свода». Именно этот переработанный «Начальный свод» и получил название «*Повести временных лет*». Переработку «Начального свода» и создание на его базе «Повести временных лет» осуществил в начале XII века монах Киево-Печерского монастыря Нестор — книжник широкого исторического кругозора и большого литературного дарования. Его перу принадлежат и другие произведения: «Житие Бориса и Глеба», «Житие Феодосия Печерского» — первые повести о русских христианских подвижниках. Создавая «Повесть временных лет», Нестор уже в заголовке формулирует задачу — рассказать, «откуда есть пошла Русская земля и кто в Киеве нача первее княжити». Однако только этим задачи летописца не исчерпываются. Нестор вводит историю России в русло истории всемирной. Начиная свою летопись изложением библейской легенды о разделении земли между сыновьями Ноя, летописец в перечень народов включает и славян. Нестор обстоятельно рассказывает о территории, занимаемой славянами, о славянских племенах, постепенно сосредоточивая внимание читателей на одном из этих племен — полянах, на земле которых возник Киев.

Для того, чтобы всесторонне отобразить описываемое время, наряду с историческими источниками Нестор пользуется документами (тексты договоров с Византией), русскими историческими преданиями (например, рассказ о четвертой

мести Ольги, легенды о «белгородском киселе» и о Никите-кожемяке). По словам академика Д. С. Лихачева, «никогда ни прежде, ни позднее, вплоть до XVI века, русская историческая мысль не поднималась на такую высоту ученой пытливости и литературного умения».

Позднее «Повесть временных лет» неоднократно подвергалась переработке, чтобы «подправить» события так, как этого хотелось власти. Первая редакция была предпринята в 1116 году (по поручению Владимира Мономаха, чтобы прославить его деяния), затем в 1118 году уже по указанию сына Мономаха, князя Мстислава. В этой переработке повествование было доведено до 1117 года, а многие записи за ранние годы изменены. Отчасти благодаря этим переработкам текст «Повести временных лет» и дошел до нас, пусть в неполном и порой «подправленном» виде. Тот текст «Повести временных лет», который публикуется в настоящее время, является реконструкцией, воссозданной учеными по этим более поздним «обработкам».

Отрывки из «Повести временных лет»:

Поход Олега на Византию

В год 6415 (907). Пошел Олег на греков, оставив Игоря в Киеве; взял же с собою множество варягов, и славян, и чуди, и кривичей, и мерю, и древлян, и радимичей, и полян, и северян, и вятичей, и хорватов, и дулебов, и тиверцев, известных как толмачи: этих всех называли греки «Великая Скифия». И с этими всеми пошел Олег на ко-

нях и в кораблях; и было кораблей числом две тысячи. И пришел к Царьграду; греки же замкнули Суд, а город затворили. И вышел Олег на берег, и начал воевать, и много убийств сотворил в окрестностях города грекам, и разбили множество палат, и церкви пожгли. А тех, кого захватили в плен, одних иссекли, других замучили, иных же застрелили, а некоторых побросали в море, и много другого зла сделали русские грекам, как обычно делают враги.

И повелел Олег своим воинам сделать колеса и поставить на колеса корабли. И с попутным ветром подняли они паруса и пошли по полю к городу. Греки же, увидев это, испугались и сказали через послов Олегу: «Не губи города, дадим тебе дани какой захочешь». И остановил Олег воинов, и вынесли ему пищу и вино, но не принял его, так как было оно отравлено. И испугались греки и сказали: «Это не Олег, но святой Дмитрий, посланный на нас от бога». И приказал Олег дать дани на две тысячи кораблей: по двенадцати гривен на человека, а было в каждом корабле по сорок мужей.

И согласились на это греки, и стали греки просить мира, чтобы не воевал Греческой земли. Олег же, немного отойдя от столицы, начал переговоры о мире с греческими царями Леоном и Александром и послал к ним в столицу Карла, Фарлафа, Вермуда, Рулава и Стемида со словами: «Платите мне дань». И сказали греки: «Что хочешь, дадим тебе». И приказал Олег дать воинам своим на две тысячи кораблей по двенадцати гривен на уключину, а затем дать дань для русских горо-

дов: прежде всего для Киева, затем для Чернигова, для Переяславля, для Полоцка, для Ростова, для Любеча и для других городов: ибо по этим городам сидят великие князья, подвластные Олегу. «Когда приходят русские, пусть берут содержание для послов сколько хотят; а если придут купцы, пусть берут месячное на шесть месяцев: хлеба, вина, мяса, рыбы и плодами. И пусть устраивают им баню — сколько захотят. Когда же русские отправятся домой, пусть берут у царя на дорогу еду, якоря, канаты, паруса и что им нужно». И обязались греки, и сказали цари и все бояре: «Если русские явятся не для торговли, то пусть не берут месячное: да запретит русский князь указом своим, чтобы приходящие сюда русские не творили ущерба в селах и в стране нашей. Прибывающие сюда русские пусть обитают у церкви святого Мамонта и, когда пришлют к ним от нашего государства и перепишут имена их, только тогда пусть возьмут полагающееся им месячное, — сперва те, кто пришли из Киева, затем из Чернигова, и из Переяславля, и из других городов. И пусть входят в город через одни только ворота, в сопровождении царского мужа, без оружия, по пятьдесят человек, и торгуют сколько им нужно, не уплачивая никаких сборов».

Итак, царь Леон и Александр заключили мир с Олегом, обязались уплачивать дань и ходили ко взаимной присяге: сами целовали крест, а Олега с мужами его водили к клятве по закону русскому, и клялись те своим оружием и Перуном, их богом, и Волосом, богом скота, и утвердили мир. И сказал Олег: «Сшейте для руси паруса из паволок, а славянам копринные», — и было так!

И повесил щит свой на воротах в знак победы, и пошли от Царьграда. И подняла русь паруса из паволок, а славяне копринные, и разодрал их ветер; и сказали славяне: «Возьмем свои простые паруса, не дали славянам паруса из паволок». И вернулся Олег в Киев, неся золото, и паволоки, и плоды, и вино, и всякое узорочье. И прозвали Олега Вещим...

О крещении Руси

Князь Владимир в результате убийства собственного брата Ярополка (которого предал воевода по имени Блуд, заманивший Ярополка на переговоры с Владимиром о мире, где «когда же входил в двери, два варяга подняли его мечами под пазуху») воцарился в Киеве.

Затем «стал жить с женою своего брата — гречанкой, и была она беременна, и родился от нее Святополк. От греховного же корня и зол плод бывает: во-первых, была его мать монахиней, а во-вторых, Владимир жил с ней не в браке, а как прелюбодей. Потому-то и не любил Святополка отец его, что был он от двух отцов: от Ярополка и от Владимира... И стал Владимир княжить в Киеве один, и поставил кумиры на холме за теремным двором: деревянного Перуна с серебряной головой и золотыми усами, затем Хорса, Дажьбога, Стрибога, Симаргла и Мокоша... Владимир посадил Добрыню, своего дядю, в Новгороде. И придя в Новгород, Добрыня поставил кумира над рекою Волховом, и приносили ему жертвы новгородцы...»

«В год 6495 (987). Созвал Владимир бояр своих и старцев градских и сказал им: «Вот прихо-

дили ко мне болгары, говоря: «Прими закон наш». Затем приходили немцы и хвалили закон свой. За ними пришли евреи. После же всех пришли греки, браня все законы, а свой восхваляя, и многое говорили, рассказывая от начала мира, о бытии всего мира... Что же вы посоветуете? что ответите?» И сказали бояре и старцы: «Знай, князь, что своего никто не бранит, но хвалит. Если хочешь в самом деле разузнать, то ведь имеешь у себя мужей: послав их, разузнай, какая у них служба и кто как служит богу».

Из всех служб посланцам Владимира больше всего понравилась своей пышностью греческая (византийская) служба. Бояре, в свою очередь, Владимиру сказали: «Если бы плох был закон греческий, то не приняла бы его бабка твоя Ольга, а была она мудрейшей из всех людей» (Ольга, как известно, крестилась во время своей поездки в Византию).

Через год Владимир «пошел на Корсунь, город греческий» и стал его осаждать. Осада длилась долго, и Владимир дал обет креститься, если город падет. Город удалось взять, отрезав его от источников воды. Владимир, чтобы укрепить свое положение, потребовал у царей Византии Константина и Василия выдать за него их сестру. Те ответили, что «не пристало христианам выдавать жен за язычников» и поставили условием политического и семейного союза крещение Владимира. Владимир согласился и крестился, вслед за чем принялся крестить и Русь.

Женившись, он «Корсунь же отдал грекам как вено за царицу, а сам вернулся в Киев. И когда пришел, повелел опрокинуть идола — одних изру-

бить, а других сжечь. Перуна же приказал привязать к хвосту коня и волочить его с горы по Боричеву взвозу к Ручью и приставил двенадцать мужей колотить его жезлами. Делалось это не потому, что дерево что-нибудь чувствует, но для поругания беса, который обманывал людей в этом образе, — чтобы принял он возмездие от людей. «Велик ты, господи, и чудны дела твои!» Вчера еще был чтим людьми, а сегодня поругаем. Когда влекли Перуна по Ручью к Днепру, оплакивали его неверные... И, притащив, кинули его в Днепр. И приставил Владимир к нему людей, сказав им: «Если пристанет где к берегу, отпихивайте его. А когда пройдет пороги, тогда только оставьте его». Они же исполнили, что им было приказано... Затем послал Владимир по всему городу сказать: «Если не придет кто завтра на реку — будь то богатый, или бедный, или нищий, или раб, — будет мне врагом». Услышав это, с радостью пошли люди, ликуя и говоря: «Если бы не было это хорошим, не приняли бы этого князь наш и бояре». На следующий день вышел Владимир с попами царицыными и корсунскими на Днепр, и сошлось там людей без числа. Вошли в воду и стояли там одни до шеи, другие по грудь, молодые же у берега по грудь, некоторые держали младенцев, а уже взрослые бродили, попы же совершали молитвы, стоя на месте... Люди же, крестившись, разошлись по домам. Владимир... приказал рубить церкви и ставить их по тем местам, где прежде стояли кумиры. И поставил церковь во имя святого Василия на холме, где стоял идол Перуна и другие и где творили им требы князь и люди. И по дру-

гим городам стали ставить церкви и определять в них попов и приводить людей на крещение по всем городам и селам. Посылал он собирать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное. Матери же детей этих плакали о них... как о мертвых».

«В год 6532 (1024). Когда Ярослав был в Новгороде... восстали волхвы в Суздале... избивали старшую чадь, говоря, что они держат запасы. Был мятеж великий и голод по всей той стране; и пошли по Волге все люди к болгарам, и привезли хлеба, и так ожили. Ярослав же, услышав о волхвах, пришел в Суздаль, захватив волхвов, одних изгнал, а других казнил»...

«...Волхв объявился и при Глебе в Новгороде; говорил... будто наперед знает все, что произойдет, и, хуля веру христианскую, уверял, что «перейду по Волхову перед всем народом». И был мятеж в городе, и все поверили ему и хотели погубить епископа. Епископ же взял крест в руки и надел облачение, встал и сказал: «Кто хочет верить волхву, пусть идет за ним, кто же верует Богу, пусть ко кресту идет». И разделились люди надвое: князь Глеб и дружина его пошли и стали около епископа, а люди все пошли к волхву. И начался мятеж великий между ними. Глеб же взял топор под плащ, подошел к волхву и спросил: «Знаешь ли, что завтра случится и что сегодня до вечера?» Тот ответил: «Знаю все». И сказал Глеб: «А знаешь ли, что будет с тобою сегодня?» — «Чудеса великие сотворю», — сказал. Глеб же, вынув топор, разрубил волхва, и пал он мертв, и люди разошлись...»

ИЗ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX—XX ВЕКОВ

К. Н. Батюшков

Сведения об авторе:

Константин Николаевич Батюшков (1787—1855) родился 18 (29) мая в Вологде в старинной дворянской семье. Образование получил в частном пансионе в Петербурге. Служил в министерстве народного просвещения, тогда же начал печатать в журналах свои стихи. Батюшков стал главой так называемой «легкой поэзии», требовавшей, по его мнению, «возможного совершенства, чистоты выражения, стройности в слоге, гибкости, плавности». Воспевание радостей земной жизни, дружбы, любви сочеталось в его дружеских посланиях с утверждением внутренней свободы поэта, независимости его от «рабства и цепей». Во время войны с Наполеоном Батюшков вступил в армию, в сражении при Гейльсберге был ранен. Позже участвовал в русско-шведской войне 1808 года. В 1812 году сражался под Лейпцигом и был с русскими войсками в Париже. Выйдя в отставку, жил в Москве. Через два года выпустил свой первый сборник стихов и прозы, называвшийся «Опыты». Батюшков участвовал в деятельности знаменитого кружка «Арзамас», в который входил и А. С. Пушкин.

Однако вскоре расстроенное здоровье дало о себе знать. Батюшков переезжает на юг, служит в русской дипломатическом департаменте в Неаполе (Италия). Но вскоре поэта начинают преследовать психические расстройства (наследственные), его

привозят в Россию. С 1822 года, в течение тридцати с лишним лет Батюшков жил на попечении родных в Вологде. Поэзию Батюшкова высоко оценивали все его современники, в частности, А. С. Пушкин.

Песнь Гаральда Смелого

Мы, други, летали по бурным морям,
От родины милой летали далеко!
На суше, на море мы бились жестоко;
И море, и суша покорствуют нам!
О други! как сердце у смелых кипело,
Когда мы, содвинув стеной корабли,
Как птицы, неслися станицей веселой
Вкруг пажитей тучных Сиканской земли!..
А дева русская Гаральда презирает.

О, други! я младость не праздно провел!
С сынами Дронштейма вы помните сечу?
Как вихорь, пред вами я мчался навстречу
Под камни и тучи свистящие стрел.
Напрасно сдвигались народы; мечами
Напрасно о наши стучали щиты:
Как бледные класы под ливнем, упали
И всадник и пеший... владыка, и ты!..
А дева русская Гаральда презирает.

Нас было лишь трое на легком челне;
А море вздымалось, я помню, горами;
Ночь черная в полдень нависла с громами,
И Гела зияла в соленой волне.
Но волны напрасно, яряся хлестали:
Я черпал их шлемом, работал веслом;
С Гаральдом, о други, вы страха не знали
И в мирную пристань влетели с челном!
А дева русская Гаральда презирает.

Вы, други, видали меня на коне?
Вы зрели, как рушил секирой твердыни,
Летая на бурном питомце пустыни
Сквозь пепел и вьюгу в пожарном огне?
Железом я ноги мои окрыляя,
И лань упреждаю по звонкому льду;
Я, хладную влагу рукой рассекая,
Как лебедь отважный, по морю иду...
А дева русская Гаральда презирает.

Я в мирных родился полночи снегах;
Но рано отбросил доспехи ловитвы —
Лук грозный и лыжи — и в шумные битвы
Вас, други, с собою умчал на судах.
Не тщетно за славой летали далеко
От милой отчизны по диким морям;
Не тщетно мы бились мечами жестоко:
И море и суша покорствуют нам!
А дева русская Гаральда презирает.

А. И. Одоевский

Сведения об авторе:

Александр Иванович Одоевский (1802—1839) родился 26 ноября (8 декабря) в Петербурге в семье Ивана Сергеевича Одоевского, происходившего из княжеского рода Рюриковичей, в молодости служившего адъютантом у князя Потемкина и получившего в 1798 г. чин генерал-майора. Единственный сын Одоевских получил разностороннее домашнее образование. Вскоре он поступает в лейб-гвардии Конный полк, а через два года его производят в корнеты. Одоевский знакомится с будущими декабристами К. Ф. Рылевым, А. А. Бестужевым,

великим русским писателем А. С. Грибоедовым. Грибоедов останавливается у Одоевского во время своих приездов в Петербург. На квартире Одоевского (1825 г.) читалась и переписывалась знаменитая комедия «Горе от ума».

Скоро Одоевский (по рекомендации Бестужева) вступил в Северное общество декабристов. Он принимал непосредственное участие в декабрьском восстании на Сенатской площади, где возглавлял взвод для пикетов. После поражения восстания Одоевский был заключен в Петропавловскую крепость. После года заключения в одиночной камере его приговорили к 15 годам каторги и сослали в Сибирь. Пять лет он провел на каторжных работах в Читинском остроге и на Петровском заводе, свыше пяти лет — в Сибири на поселении. В ссылке Одоевский обращается к историческому прошлому России, пишет произведения на эту тему, переводит с английского.

Через двенадцать лет после восстания декабристов в результате настойчивых ходатайств родных Одоевский был переведен в кавалерийский полк, расположенный на Кавказе и ведущий военные действия против горцев. Здесь он знакомится с М. Ю. Лермонтовым и Н. П. Огаревым. Однако в полку Одоевский прослужил недолго: через два года он умер от малярии и был похоронен неподалеку от Сочи.

Луна

Встал ветер с запада; седыми облаками
Покрыв небес потухший океан.
Сквозь тонкий видишь ли туман,
Как увлекаемый волнами

Челнок летает золотой.
Вот он исчез... блеснул... вот скрылся
за волной,
Вот снова он и выплыл и сияет,
И ангел светлых звезд кормилом управляет.

Бал

Князю П. А. Вяземскому

Открылся бал; кружась, летели
Четы младые за четой;
Одежды роскошью блестели,
А лица — свежей красотой.
Усталый, из толпы я скрылся,
И, жаркую склоня главу,
К окну в раздумьи прислонился,
И загляделся на Неву:
Она покоилась, дремала
В своих гранитных берегах,
И в тихих, серебряных водах,
Луна, купаясь, трепетала.
Стоял я долго... Зал гремел;
Вдруг без размера полетел
За звуком звук! Я оглянулся
Вперил глаза — весь содрогнулся,
Мороз по телу пробежал.
Свет меркнул... Весь огромный зал
Был полон остовов... Четами
Сплетясь, толпясь, друг друга мча,
Обнявшись желтыми костями,
Кружась, по столу стуча,
Они зал быстро облетали.
Лиц прелесть, станов красота —
С костей их все покровы спали;
Одно осталось: их уста,

Как прежде, все еще смеялись;
Но одинаков был у всех
Широких уст безгласный смех.
Глаза мои в толпе терялись,
Я никого не видел в ней:
Все были сходны, все смешались...
Плясало сборище костей.

А. С. Пушкин

Сведения об авторе:

Александр Сергеевич Пушкин, величайший русский поэт, родился 6 июня 1799 года в Москве в семье офицера гвардии Сергея Львовича Пушкина и Надежды Осиповны Ганнибал, которая была внучкой А. П. Ганнибала, сына эфиопского князя. Пушкин окончил Царскосельский лицей, где вместе с ним учились многие из ставших потом знаменитыми поэтов. Уже в лицее Пушкин выделялся среди учеников. Его произведения высоко оценивали Г. Державин и В. Жуковский.

В 20-е годы XIX века Пушкин участвует в деятельности кружка «Арзамас», знакомится с русским философом П. Я. Чаадаевым, будущими декабристами. За распространение в списках политических антирелигиозных стихов и эпиграмм в 1820 г. Пушкин был сослан по приказу Александра I на юг России, а затем в имение родителей Михайловское. Лишь через год Пушкину было позволено вернуться из ссылки.

В 1830 году Пушкин женится на Н. Н. Гончаровой, а в 1837 году, вступаясь за честь жены, он был смертельно ранен на дуэли французским эмигрантом Жоржем Дантесом. 29 января поэт скон-

чался в Петербурге. Тело Пушкина по распоряжению правительства было перевезено в Святые Горы (ныне Пушкинские Горы) близ села Михайловское, где поэт похоронен у Святогорского монастыря.

За те 37 лет, которые Пушкин прожил на свете, он создал множество произведений, которые позже легли в основу русского литературного классического наследия. Это и роман в стихах «Евгений Онегин», и такие поэмы, как «Руслан и Людмила», «Полтава», «Медный всадник», и повесть «Дубровский», и трагедия «Борис Годунов», и роман «Капитанская дочка», и «Повести Белкина», и сказки, и лирические стихотворения.

Дубровский

Том первый

Глава 1

В одном из своих поместий живет Кирила Петрович Троекуров, богатый знатный барин, надменный самодур. Соседи во всем ему угождают и боятся. Сам Троекуров уважает только своего бедного соседа Андрея Гавриловича Дубровского, в прошлом своего товарища по службе. Троекуров и Дубровский оба вдовцы. У Дубровского сын Владимир, у Троекурова дочь Маша. Однажды Троекуров показывает гостям, среди которых находится и Дубровский, псарню. Дубровский неодобрительно отзывается об условиях жизни слуг Троекурова по сравнению с собаками. Один из псарей, обиравшись, заявляет, что «иному барину неплохо было бы променять усадьбу на собачью конуру» у Троекурова. Оскорбленный Дубровский уезжа-

ет, посылает Троекурову письмо с требованием извинений и наказания псаря. Троекурова не устраивает тон письма. Конфликт усугубляется тем, что Дубровский обнаруживает в своих владениях мужиков Троекурова, ворующих лес. Дубровский отнимает у них лошадей, а крестьян велит высечь. Узнав об этом, Троекуров приходит в бешенство. Воспользовавшись услугами заседателя Шабашкина, Троекуров заявляет свои права (несуществующие) на владение Кистеневкой, именем Дубровских.

Глава 2

Суд присуждает имение Троекурову (бумаги Дубровского сгорели, и подтвердить свое право на владение Кистеневкой он не может). Троекуров подписывает документ на владение Кистеневкой, когда предлагают подписать тот же документ Дубровскому, он сходит с ума. Его отправляют в Кистеневку, которая ему уже не принадлежит.

Глава 3

Дубровский быстро угасает. Нянька Егоровна письмом уведомляет о случившемся Владимира, корнета, выпускника Кадетского корпуса. Владимир получает отпуск и отправляется к отцу в деревню. На станции его встречает кучер Антон, который уверяет молодого барина, что крестьяне будут ему верны, так как не хотят переходить к Троекурову. Владимир находит отца тяжело больным и просит слуг оставить их наедине.

Глава 4

Больной Дубровский не в состоянии дать сыну четких разъяснений относительно дела о переда-

че имения. Срок подачи апелляции истекает, Троекуров законно вступает во владение Кистеневкой. Сам Кирила Петрович чувствует себя неудобно, жажда мести его удовлетворена, и он понимает, что поступил с Дубровским не по справедливости. Троекуров отправляется к Дубровскому, решив помириться и вернуть старому другу его законное владение. Когда стоящий у окна Дубровский видит подъезжающего Троекурова, его разбивает паралич. Владимир посылает за врачом и велит выгнать Троекурова. Старый Дубровский умирает.

Глава 5

После похорон отца Владимир застаёт в кистеневском имении судебных чиновников и заседателя Шабашкина: дом передают Троекурову. Крестьяне отказываются переходить к чужому барину, угрожают чиновникам, наступают на них. Владимир успокаивает крестьян. Чиновники остаются в доме ночевать.

Глава 6

Владимир, не желая, чтобы дом, где он провел свое детство, достался Троекурову, распоряжается сжечь его, полагая, что двери не заперты и чиновники успеют выскочить. Кузнец Архип двери запирает (втайне от хозяина) и поджигает усадьбу, успев, впрочем, спасти из огня кошку. Чиновники погибают.

Глава 7

Троекуров лично проводит дознание, почему сгорело имение. Выясняется, что виновник пожара — Архип, но и на Владимира падает подозрение.

Вскоре в окрестностях появляется шайка разбойников, грабящая помещичьи усадьбы и сжигающая их. Все решают, что предводитель разбойников — Владимир Дубровский. Впрочем, поместье Троекурова разбойники почему-то не трогают.

Глава 8

История Маши Троекуровой. Маша выросла в уединении, читая романы. У Кирилы Петровича воспитывается Саша, его сын от гувернантки. Для него Троекуров выписывает молодого учителя-француза Дефоржа. Однажды Троекуров ради забавы вталкивает учителя в комнату с медведем. Француз, не растерявшись, стреляет и убивает зверя, чем производит большое впечатление на Машу. Троекуров уважает учителя за храбрость. Француз начинает давать девушке уроки музыки. Вскоре Маша в него влюбляется.

Том второй

Глава 9

1 октября, в день храмового праздника, к Троекурову съезжаются гости. Антон Пафнутьевич Спицын опаздывает, объясняет, что опасался разбойников Дубровского (именно он показал под присягой, что Дубровские незаконно владеют Кистеневкой). У самого Спицына с собой большая сумма денег, которую он прячет в особом поясе. Исправник божится, что поймает Дубровского, так как у него есть список примет разбойника, Впрочем, по замечанию Троекурова, под список этих примет может подойти очень много людей. Помещица Анна Савишна уверяет, что Дубровский справедлив. Узнав, что она отправляет

сыну в гвардию деньги, не ограбил ее. Троекуров заявляет, что в случае нападения справится с разбойниками своими силами и рассказывает гостям о подвиге Дефоржа.

Глава 10

Спицын просит Дефоржа ночевать с ним в одной комнате, так как он боится ограбления. Ночью Дефорж, оказавшись переодетым Дубровским, отнимает у Спицына деньги и запугивает его с тем, чтобы Спицын не выдал его Троекурову.

Глава 11

Автор возвращается к тому, как Дубровский познакомился с французом Дефоржем на станции, предложил ему 10 тысяч рублей в обмен на документы и рекомендательное письмо к Троекурову. Француз с радостью согласился. В семье Троекурова «учителя» все полюбили: Кирила Петрович за смелость, Маша за «снисходительность к шалостям», домочадцы «за доброту и щедрость».

Глава 12

Во время урока учитель передает Маше записку с просьбой о свидании в беседке у ручья. Владимир открывает девушке свое настоящее имя, уверяет ее, что больше не считает Троекурова своим врагом благодаря Маше, в которую влюблен. Объясняет, что вынужден скрыться. Предлагает девушке свою помощь в случае несчастья. Вечером к Троекурову приезжает исправник, чтобы арестовать француза-учителя: опираясь на показания Спицына, он уверен, что учитель и Владимир Дубровский — одно лицо. Учителя в имении не обнаруживают.

Глава 13

В начале следующего лета в имение по соседству с Троекуровым приезжает хозяин — князь Верейский, англоман лет 50. Верейский близко сходитя с Кирилой Петровичем и Машей, ухаживает за девушкой, восхищается ее красотой.

Глава 14

Верейский делает предложение. Троекуров его принимает и приказывает дочери выходить за старика. Маша получает письмо от Дубровского с просьбой о свидании.

Глава 15

Маша встречается с Дубровским, который уже знает о предложении князя. Предлагает «избавить Машу от ненавистного человека». Та просит пока не вмешиваться, надеется сама переубедить отца. Дубровский надевает ей на палец кольцо. Если Маша положит его в дупло дуба, через которое они обменивались письмами, это будет ему сигналом, что девушке нужна помощь.

Глава 16

Маша пишет письмо Верейскому с просьбой отступить, но тот показывает письмо Троекурову, и они решают ускорить свадьбу. Машу запирают.

Глава 17

Маша просит Сашу опустить кольцо в дупло дуба. Выполнив просьбу сестры, Саша застаёт рыжего мальчишку возле дуба, решает, что тот хочет украсть кольцо. Мальчишку приводят на допрос к Троекурову, он не сознается в своей при-

частности к переписке влюбленных. Троекуров отпускает его.

Глава 18

Машу наряжают в свадебное платье, везут в церковь, где происходит обряд венчания Маши и Верейского. На обратном пути перед каретой появляется Дубровский, предлагает Маше освобождение. Верейский стреляет, ранит Дубровского. Маша отказывается от предложенной помощи, поскольку она уже обвенчана.

Глава 19

Стан разбойников Дубровского. Войска начинают облаву, солдаты окружают повстанцев. Разбойники и сам Дубровский храбро сражаются. Понимая, что они обречены, Дубровский распускает шайку. Никто его больше не видел.

Н. В. Гоголь

Сведения об авторе:

Николай Васильевич Гоголь (1809—1852) родился 20 марта (1 апреля) в селе Сорочинцы Полтавской губернии в семье небогатого украинского помещика. Детство провел в семье родителей в имении Васильевка Миргородского уезда. После учебы в Полтавском уездном училище поступил в Нежинскую гимназию высших наук. Писать начал еще в гимназии (стихи). Окончив гимназию, переехал в Петербург, где три года служил чиновником до 1831 г.

В 1830 году Гоголь публикует в журнале «Отечественные записки» повесть «Вечер накануне Ивана Купала», первую из цикла «Вечера на ху-

торе близ Диканьки». В повестях этого цикла («Сорочинская ярмарка», «Майская ночь, или Утопленница», «Страшная месть» и др.) Гоголь создал поэтический образ Украины, на основе фольклорных мотивов обрисовал национальный характер. Публика восторженно приняла книгу. Среди почитателей таланта молодого автора был и А. С. Пушкин.

Гоголь написал множество произведений, ставших классикой отечественной литературы. В следующий сборник писателя («Миргород») вошли повести «Старосветские помещики», «Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», «Вий», историческая повесть «Тарас Бульба». «Петербургские повести» объединяют такие произведения, как «Невский проспект», «Портрет», «Записки сумасшедшего», «Нос» и другие. Комедия «Ревизор» — пьеса, которая вот уже на протяжении полутора веков не сходит со сцен театров. А поэма «Мертвые души» заслуженно считается шедевром не только русской, но и мировой классики.

Вечер накануне Ивана Купала

Повествование ведется от имени диканьского дьяка Фомы Григорьевича, который не любит по нескольку раз пересказывать одну и ту же историю одинаково, и потому его рассказы всякий раз обрастают новыми невероятными подробностями. Во времена деда Фомы Григорьевича на их хуторе жил «дьявол в человеческом обличье» по имени Басаврюк. Его поведение настораживает (то пропадет неизвестно куда, то неожиданно снова появится), его подарки приносят несчастье, беседа с ним иерея ни к чему не приводит. В том

селе живет козак Корж, у которого подрастает красавица-дочь Пидорка. Среди работников Коржа один привлекает внимание девушки — Петр Безродный (у него нет родных и нет денег). Однажды Корж застаёт молодых людей наедине и собирается отколотить Петра, но за того вступается шестилетний брат Пидорки Ивась. Корж смягчается и прогоняет Петра, решив выдать дочь за богатого ляха. Через Ивася Пидорка даёт знать Петру, что ей свет не мил без любимого, и что если тот не спасёт её от нежеланного брака, она наложит на себя руки. В отчаянии Петр обращается за помощью к Басаврюку. Тот обещает деньги, но требует взамен одну услугу, содержание которой держит в тайне. В полночь Петр и Басаврюк отправляются в лес, где Петр должен добыть Басаврюку цветок папоротника, что бы ни случилось. Со всех сторон к юноше тянутся мохнатые руки, чтобы помешать ему выполнить требование Басаврюка. Появляется ведьма, колдует, приказывает Петру копать землю, в которой лежат деньги. Но золото ускользает от Петра, и тогда ведьма подводит к нему ребенка (в котором Петр узнаёт маленького Ивася) и требует убить его. Петр сопротивляется, но Басаврюк напоминает, что только таким способом Петр сможет добиться желанной свадьбы. Петр убивает Ивася и засыпает. Через два дня он появляется у Коржа, приносит деньги, тот даёт согласие на свадьбу. Пидорка рассказывает, что Ивася похитили цыгане. Петр же поначалу ничего не помнит из своих ночных походов. Играть свадьбу. Молодые живут небедно, но с Петром начинают происходить странные вещи, он точно силится что-

то вспомнить, временами впадает в тоску, временами — в бешенство. Напрасно Пидорка пытается лаской смягчить страдания любимого. Через год, накануне Купалы, Пидорка приводит в дом старуху-ворожею. Петр вспоминает, что убил Ивася, появляется привидение мальчика, Петр сгорает заживо, золото Басаврюка превращается в кучу битых черепков. Пидорка уходит на богомолье. В селе вновь появляется Басаврюк, от которого все бегут без оглядки.

Ночь перед Рождеством

«Последний день перед рождеством прошел. Зимняя, ясная ночь наступила. Глянули звезды. Месяц величаво поднялся на небо посветить добрым людям и всему миру, чтобы всем было весело колядовать и славить Христа... Тут через трубу одной хаты клубами повалил дым и пошел тучею по небу, и вместе с дымом поднялась ведьма верхом на метле». Вслед за ведьмой летит черт — «спереди совершенно немец: узенькая, беспрестанно вертевшаяся и нюхавшая все, что ни попадалось, мордочка оканчивалась, как и у наших свиней, кругленьким пяточком, ноги были так тонки... Но зато сзади он был настоящий губернский стряпчий в мундире, потому что у него висел хвост, такой острый и длинный, как теперешние мундирные фалды...» Черту удастся стянуть с неба месяц, и все погружается в темноту. Черт недолюбливает сельского кузнеца, который к тому же хорошо рисует и расписывает стены в церкви, где картина мучений черта в день страшного суда предстает совершенно ужасной. Чтобы отомстить кузнецу, который ухаживает за девушкой Окса-

ной, дочерью козака Чуба, черт решает столкнуть кузнеца с ним.

Кузнец Вакула навещает Оксану, зная, что Чуб приглашен в гости. Девушка любит себя в зеркале. Она капризна, кокетлива, вьет из кузнеца веревки. Среди прочего Оксана задает вопрос, правда ли, что мать кузнеца, Солоха, — ведьма.

«Мать кузнеца Вакулы имела от роду не больше сорока лет. Она была ни хороша, ни дурна собою. Трудно и быть хорошею в такие года. Однако ж она так умела причаровать к себе самых степенных козаков... она умела искусно обходиться с ними. Ни одному из них и в ум не приходило, что у него есть соперник». Впрочем, приветливее всего Солоха ведет себя по отношению к Чубу, имея на примете его богатое хозяйство.

Заблудившись в темноте (без месяца), Чуб решает «на минутку» забежать к Солохе, поскольку, постучав в свою хату (а в темноте он сомневается, что это его хата), он слышит голос кузнеца. Кузнец прогоняет Чуба, выталкивает его из хаты (потому что в темноте не видит, кто перед ним). Чуб отправляется к Солохе. Навстречу ему попадают колядующие с мешками. Когда Чуб отдаляется от хаты, девушки вбегают к Оксане. Смешливая красавица хвалит черевки своей подруги, поддразнивая кузнеца, что ей-де некому подарить такие красивые вещи. Вакула перед всеми обещает надеть на Оксану черевки самой царицы. Оксана полусхвально обещает выйти за кузнеца, если тот и вправду принесет ей царские черевки.

Черт сидит у Солохи. В дверь раздается стук. Это сельский голова. Черт прячется в мешок. Голова принимается было обхаживать Солоху, как

раздается стук в дверь. Голова прячется в мешок. Входит дьяк. Едва он подступает к хозяйке с комплиментами, раздается стук в дверь. Дьяк прячется в мешок. Входит Чуб. Только он собирается присесть за стол и отведать водки, как раздается стук в дверь, а следом голос кузнеца. Испуганный Чуб просит Солоху спрятать его, а та, растерявшись, указывает ему на тот же мешок, где уже сидит дьяк. Чуб прячется. Кузнец решает вынести мешки в кузницу (он думает, там уголь). По пути он вспоминает об Оксане, о том, что он забросил хозяйство из-за нее, что стал сам на себя не похож, что здоровья у него поубавилось от несчастной любви. На улице он вновь сталкивается с молодыми девушками и парубками, видит среди них Оксану. Подойдя к ней, Вакула объявляет, что девушка его больше не увидит и советует ей найти другой объект для своих издевок. Напоследок он громко прощается с друзьями, подразумевая, что сейчас пойдет и покончит с собою. На самом деле Вакула идет к запорожцу Пацюку, который «знает всех чертей на свете», «он жил как настоящий запорожец: ничего не работал, спал три четверти дня, ел за шестерых косарей и выпивал за одним разом почти по целому ведру...» Кузнец заявляет, что ему пришла пора просить помощи у самого черта. Пацюк говорит, что у кузнеца черт за спиною (в мешке). Вакула и вправду ловит за хвост черта, вылезшего из одного из мешков (куда его посадила Солоха). Черт пугается, что кузнец начнет его крестить, и соглашается помочь Вакуле добыть царские черевички. Они летят в Петербург.

Тем временем Оксана размышляет о том, не слишком ли сурово она поступает с кузнецом. Вместе с подружками она находит на улице брошенные Вакулой мешки. Думая, что там подношения, они решают отвезти мешки в хату к Оксане и отправляются за санками. Пока они ходят, на брошенные мешки натыкаются кум и ткач. Они вдвоем несут мешок в дом ткача, там открывают их, и дьяк и Чуб по очереди вылезают из мешка. Девушкам остается только один мешок, в котором сидит голова. Когда они дома развязывают мешок, выходит Чуб. Обнаружив, что в общей сложности Солоха попрятала в мешок троих мужчин, Чуб крепко досадует.

Вакула верхом на черте прилетает в Петербург. Он обращается к своим землякам с просьбой взять его с собой во дворец к царице, куда те отправляются депутацией. Те (с подачи черта) соглашаются. Во дворце растерявшиеся козаки говорят не совсем то, чему учил их князь Потемкин, а в довершении всего вперед выступает Вакула и просит царицу подарить ему свои черевик. Ко всеобщему удивлению царица выносит кузнецу роскошные башмаки. Вакула с чертом пускаются в обратный путь.

Оксане не спится, она думает о кузнеце, о его странных словах, и к утру понимает, что влюблена в него. Рождественским утром Вакула отправляется в дом Чуба и делает предложение. Чуб, памятуя о «вероломстве» Солохи, соглашается. Появляется Оксана, Вакула протягивает ей царские черевик, но девушка бросается к нему и уверяет, что любит кузнеца и без всяких черевиков.

Оксана и Вакула живут счастливо, кузнец красиво расписывает их хату, принимает церковное покаяние (за то, что связывался с чертом), и даром расписывает левое крыло церкви, а также изображает черта в аду, «такого гадкого, что все плевали, когда проходили мимо».

Страшная месть

В Киеве есаул Горобець празднует свадьбу сына. На празднике много гостей, среди них — названный брат есаула, Данило Бурульбаш с молодой женой Катериной и годовалым сыном. Все удивлены тому, что вместе с Катериной не приехал ее отец, который всю жизнь где-то странствовал, но после замужества дочери приехал жить рядом с ней на Заднепровье. Когда есаул готовится благословить молодых и выносит иконы, в толпе раздается крик ужаса: один козак меняется в лице, у него вырастает нос, изо рта появляется клык, козак на глазах превращается в старика, а люди кричат, что это вновь появился колдун и предсказывают беду.

В лодке по Днепру плывут пан Данило и его жена с сыном. Пан Данило хочет наказать колдуна, призывает гребцов повоевать. Они проплывают мимо кладбища. Взорам их предстает картина, от которой «холод прорезался в козацкие жилы»: кресты на могилах шатаются, из могил поднимаются мертвецы. Внезапно видение исчезает. Данило успокаивает Катерину, заводит речь об ее отце, с которым не ладит. По приезде домой их навещает отец Катерины, бранит дочь в присутствии зятя за то, что она долго задерживалась в дороге. Данило предлагает тестю обсудить то,

что его интересует, по-мужски. Вспыхивает ссора, оба выхватывают мечи, отец ранит Данило. Только благодаря мольбам Катерины Данило прекращает бой, предлагает отцу помириться. Тот ведет себя крайне вызывающе, но все же соглашается. Ночью Катерине снится сон, что ее отец и есть тот самый колдун. За столом отец ругает еду, приготовленную Катериной, отказывается от галушек и от свинины.

Ночью Данило собирается выйти из дому. Катерина боится, просит запереть ее. Данило замечает, что тесть идет по направлению к старому замку (считающемуся гнездом колдуна). Данило идет следом, заглядывает в окно. Тесть садится и начинает колдовать. Комната озаряется призрачным светом. Колдун вызывает душу Катерины, уговаривает ее изменить мужу с ним. Та умоляет оставить ее в покое, напоминает отцу, что он когда-то убил ее мать. Данило отправляется домой, будит жену, та рассказывает ему свой сон — без подробностей о матери. Катерина отрекается от отца, просит мужа не бросать ее и защитить.

Данило сажает тестя в подвал, приковывает цепями. В ожидании казни колдун подзывает Катерину, умоляет ее сжалиться над ним, обещает всю оставшуюся жизнь провести в молитвах и покаянии. Катерина долго колеблется, но выпускает его. Ей страшно, что она обманула мужа, она скрывает, что это сделала она.

Пан Данило чувствует приближение смерти, вспоминает прошлые подвиги, сокрушается, что теперь на Украине нет порядка. Приближается войско ляхов. Данило храбро сражается, но вдруг ему кажется, что на горе стоит отец Катерины и

целится в него. Данило скачет к горе, колдун стреляет и убивает Данило. Катерина плачет.

«Чуден Днепр при тихой погоде, когда вольно и плавно мчит сквозь леса и горы полные воды свои. Ни зашелохнет; ни прогремит. Глядишь, и не знаешь, идет или не идет его величавая ширина, и чудится, будто весь вылит он из стекла, и будто голубая зеркальная дорога, без меры в ширину, без конца в длину, реет и вьется по зеленому миру. Любо тогда и жаркому солнцу оглядеться с вышины и погрузить лучи в холод стеклянных вод и прибережным лесам ярко осветиться в водах. Зеленокудрые! они толпятся вместе с полевыми цветами к водам и, наклонившись, глядят в них и не наглядятся, и не налюбуются светлым своим зраком, и усмеваются к нему, и приветствуют его, кивая ветвями. В середину же Днепра они и не смеют глянуть: никто, кроме солнца и голубого неба, не глядит в него. Редкая птица долетит до середины Днепра. Пышный! ему нет равной реки в мире. Чуден Днепр и при теплой летней ночи, когда все засыпает — и человек, и зверь, и птица; а бог один величаво озирает небо и землю и величаво сотрясает ризу. От ризы сыплются звезды. Звезды горят и светят над миром и все разом отдаются в Днепре. Всех их держит Днепр в темном лоне своем. Ни одна не убежит от него; разве погаснет на небе. Черный лес, униженный спящими воронами, и древле разломанные горы, свесясь, силятся закрыть его хотя бы длинною тенью своею, — напрасно! Нет ничего в мире, что бы могло прикрыть Днепр. Синий, синий, ходит он плавным разливом и середь ночи, как середь дня; виден за столько вдаль, за сколь-

ко видит может человечесье око. Нежась и прижимаясь ближе к берегам от ночного холода, дает он по себе серебряную струю; и она вспыхивает, будто полоса дамасской сабли; а он, синий, снова заснул. Чуден и тогда Днепр, и нет реки, равной ему в мире! Когда же пойдут горами по небу синие тучи, черный лес шатается до коря, дубы трещат и молния, изламываясь между туч, разом осветит целый мир — страшен тогда Днепр! Водяные холмы гремят, ударяясь о горы, и с блеском и стоном отбегают назад, и плачут, и заливаются вдали».

Из лодки на берег выходит колдун. Он спускается в свою землянку, начинает колдовать. В белом облаке перед ним светится чье-то лицо. Колдун пугается до полусмерти.

Катерина живет у родных в Киеве. Ей постоянно повсюду чудится ее отец. Она не может себе простить, что выпустила его и тем самым погубила мужа. У нее предчувствие, что отец зарежет ее ребенка. Ночью Катерина просыпается, кидается к колыбели и видит мертвого ребенка. Катерина сходит с ума. Она с ножом бежит по лесу, ищет отца, чтобы убить его. Однажды к ее родным приезжает статный козак, который представляется другом Данило, заявляет, что тот завещал ему в случае своей смерти жениться на Катерине. Катерина слушает очень внимательно, но под конец вскакивает, кидается на гостя с ножом и кричит, что это — ее отец. Тот убивает Катерину и исчезает.

«За Киевом показалось неслыханное чудо... вдруг стало видимо далеко во все стороны света... Тут показалось новое диво: облака слетели с самой высокой горы, и на вершине ее показался

во всей рыцарской сбруе человек на коне, с закрытыми очами...» Это же лицо когда-то привиделось колдуну в белом облаке. Колдун скачет прочь, достигает уединенной обители известного своею праведностью схимника, просит того помолиться о его душе. Но и схимник отвергает колдуна, объясняя, что на том столько тяжких грехов, что и молиться за него грешно. Тогда колдун убивает святого схимника.

Колдун скачет, как безумный, конь его сам мчится прямо к рыцарю. Рыцарь убивает колдуна. Тот и после смерти открывает глаза и видит вокруг себя восставших мертвецов, как две капли воды похожих на него самого. Рыцарь бросает колдуна в пропасть, все мертвецы — за ним. Они принимаются грызть колдуна. «Слышится часто по Карпату свист, как будто тысяча мельниц шумит колесами по воде. То в безвыходной пропасти, которой не видал еще ни один человек, страшющийся проходить мимо, мертвецы грызут мертвеца». И только самый большой мертвец все силится подняться, но не может встать из земли, и вся земля трясется.

В городе Глухове старец-бандурист поет про «одно давнее дело». Двое козаков, Иван и Петро, жили, как брат с братом. Король объявляет награду за поимку турецкого паши. Иван и Петро отправляются на поиски, обещая друг другу разделить и награду и почет поровну, кто бы ни поймал пашу. Иван приводит королю пашу, честно делит с Петром жалованье. Петр завидует Ивану, решает отомстить ему. Они верхом едут на жалованные королем земли. На коне Ивана вместе с ним сидит его маленький сын. Петр толкает

Ивана в пропасть. Тот хватается за сук, просит Петра по крайней мере спасти безвинного младенца. Петр сталкивает обоих в пропасть. Он забирает себе все добро, доживает свой век в богатстве, умирает. Бог призывает души обоих братьев на суд и предлагает Ивану самому выбрать наказание для Петра. Иван просит, чтобы и Петр и его потомство не имели на земле счастья, «чтобы последний в роде был такой злодей, какого еще и не бывало в свете! и от каждого его злодейства чтобы деды и прадеды его не нашли бы покоя в гробах и, терпя муку, неведомую на свете, подымались бы из могил! А Иуда Петро чтобы не в силах был подняться и оттого терпел бы муку еще горшую; и ел бы, как бешеный, землю, и корчился бы под землею!.. Та мука будет для него самая страшная: ибо нет для человека большей муки, как хотеть отомстить и не мочь отомстить».

Вий

Начинается повесть описанием быта бурсы.

«Грамматики, риторы, философы и богословы, с тетрадами под мышкой, брели в класс. Грамматики были еще очень малы; идя, толкали друг друга и бранились между собою самым тоненьким дискантом; они были все почти в изодранных или запачканных платьях, и карманы их вечно были наполнены всякою дрянью, как то: бабками, свистелками, сделанными из перышек, недоеденным пирогом, а иногда даже и маленькими воробьянками... Риторы шли солиднее: платья у них были частично совершенно целы, но зато на лице всегда почти бывало какое-нибудь украшение в виде риторического тропа: или

один глаз уходил под самый лоб, или вместо губы целый пузырь, или какая-нибудь другая примета; эти говорили и божились между собою тенором. Философы целою октавою брали ниже; в карманах их, кроме крепких табачных корешков, ничего не было. Запасов они не делали никаких и все, что попадалось, съедали тогда же; от них слышалась трубка и горелка иногда так далеко, что проходивший мимо ремесленник долго еще, остановившись, нюхал, как гончая собака, воздух».

На рынке философов и богословов боялись задевать, потому что «философы и богословы всегда любили брать только на пробу и притом целою горстью».

«Когда вся эта ученая толпа успевала придти несколько ранее или когда знали, что профессора будут позже обыкновенного, тогда, со всеобщего согласия, замышляли бой, и в этом бою должны были участвовать все, даже и цензора, обязанные смотреть за порядком и нравственностью всего учащегося сословия...»

«Весь этот ученый народ, как семинария, так и бурса, которые питали какую-то наследственную неприязнь между собою, был чрезвычайно беден на средства к прокормлению и притом необыкновенно прожорлив... и потому dobroхотные пожертвования зажиточных владельцев не могли быть достаточны. Тогда сенат, состоящий из богословов и философов, отправлял грамматиков и риторов под предводительством одного философа, — а иногда присоединялся и сам, — с мешками на плечах опустошать чужие огороды. И в бурсе появлялась каша из тыкв. Сенаторы столько объедались арбузов и дынь, что на другой день

авдиторы слышали от них вместо одного два урока: один происходил из уст, другой ворчал в сенаторском желудке...»

В июне в киевской бурсе начинаются каникулы, и бурсаки расходятся пешком по домам. Они идут по дороге, по очереди сворачивая с нее, чтобы перед домами селян петть канты и получать за это что-нибудь из еды. Среди прочих сворачивают вместе в сторону богослов Халява, философ Хома Брут и ритор Тиберий Горобець.

«Богослов был рослый, плечистый мужчина и имел чрезвычайно странный нрав: все, что ни лежало, бывало, возле него, он непременно украдет. В другом случае характер его был чрезвычайно мрачен, и когда напивался он пьян, то прятался в бурьяне, и семинарии стоило большого труда его сыскать там».

«Философ Хома Брут был нрава веселого. Любил очень лежать и курить люльку. Если же пил, то непременно нанимал музыкантов и отплясывал тропака. Он часто пробовал *крупного гороху* (наказание), но совершенно с философическим равнодушием, — говоря, что чему быть, того не миновать».

«Ритор Тиберий Горобець еще не имел права носить усов, пить горелки и курить люльки. Он носил только оселедец, и потому характер его в то время еще мало развился; но, судя по большим шишкам на лбу, с которыми он часто являлся в класс, можно было предположить, что из него будет хороший воин. Богослов Халява и философ Хома часто дирали его за чуб в знак своего покровительства и употребляли в качестве депутата».

Трое бурсаков направляются на хутор, чтобы переночевать и раздобыть продуктов. Ночь темная, бурсаки сбиваются с пути, набредают на небольшой хуторок, стучатся в хату. Дверь им открывает неговорчивая старуха, которая ни за что не хочет пустить их переночевать, потому что у нее много постояльцев. Наконец, поддавшись на настойчивые уговоры молодых людей, старуха пропускает всех троих во двор, но отказывается накормить юношей и настаивает, чтобы все они легли спать в разных местах.

Хоме Бруту достается место в пустом овечьем хлеву. Вдруг дверь открывается, и входит старуха с распростертыми объятьями. Старуха вскакивает на Хому верхом, и он скачет вперед. Оглядываясь по сторонам, Хома замечает русалку в ручье, понимает, что попал в руки нечистой силы, принимается читать молитвы. Затем, изловчившись, сам вскакивает верхом на старуху, хватает с дороги полено и начинает бить им ведьму. Та кричит, голос ее постепенно становится все чище и приятнее. Наконец она падает, едва живая, на землю, и Хома видит перед собой не дряхлую старуху, а молодую красавицу. Хома бросается бежать без оглядки, возвращается вместо каникул в Киев.

Распространяется слух, что дочь одного богатого сотника (который живет верстах в пятидесяти от Киева) вернулась однажды с прогулки избитая и находится при смерти. Неожиданностью для всех становится ее последняя воля: она требует, чтобы после ее кончины три ночи читал над ней молитвы киевский бурсак Хома Брут. Ректор категоричес-

ки не принимает отказ Хома отправиться в путь, дает ему наставление не уронить престижа бursы.

За Хомой от сотника присылают экипаж. По пути сопровождающие напиваются, и Хома просит их отпустить его. Те уже совсем было соглашались, только случайность заставляет их задержать бурсака (один из подвыпивших желает расспросить Хому о бурсе и сам собирается пойти туда поучиться).

На другое утро по приезде Хома в дом сотника выясняется, что ночью панночка умерла. Сотник зовет Хому к себе, спрашивает, откуда его дочь могла знать бурсака. Оба они не находят ответа на этот вопрос, и сотник заявляет, что Хома, что бы ни случилось, отчитает над покойницей три ночи — иначе он будет иметь дело с самим сотником. Они идут в церковь, где стоит гроб, и Хома узнает в усопшей ту девушку, которая, обернувшись старухой, скакала на нем верхом, и которую он смертельно избил поленом.

Хома отправляется на кухню обедать. Там сидят дворовые люди сотника и наперебой обсуждают то, что покойная панночка была ведьмой (есть несколько свидетелей). Панночка скакала верхом на влюбленном в нее псаре Миките, который потом сгорел сам собой, извела, искусав насмерть и выпив кровь, жену и ребенка козака Шептуна и проч.

Хома идет «работать», думая, что уж как-нибудь отчитает, а сотник за это набьет ему карманы червонцами.

В первую ночь Хома лепит повсюду в церкви свечи так, что все помещение озаряется яркими огнями. Хома начинает читать и все время

оглядывается на гроб, ожидая, что мертвая встанет из него. Ведьма действительно поднимается, идет по церкви, ищет его. Хома тараторит молитвы, очерчивает себя кругом, за пределы которого, как известно, нечистая сила проникнуть не может. Панночка ложится обратно в гроб, а гроб начинает летать по церкви. Хома все громче читает молитвы, и гроб никак не может проникнуть внутрь круга. Ведьма пытается вновь подняться, но тут слышится крик петуха. Гроб захлопывается.

Днем люди обсуждают, правда ли панночка была ведьмой. Дорош утверждает, что ведьму никак нельзя узнать, отличить, «хоть все псалтыри перечитай». Пожилой седой казак добавляет: «Когда стара баба, то и ведьма».

Днем Хома тщательно продумывает, как ему отработать вторую ночь и остаться в живых. Он действует прежними методами. Труп стоит перед ним, но зайти внутрь круга не может. Ведьма начинает творить заклинания. Слышится скрежет когтей по стеклу и биение крыльев о стены и окна: это полчища нечистой силы пытаются ворваться в церковь. Поет петух, и все исчезает.

Хома еле жив, он весь поседел. Он умоляет сотника отпустить его, но тот непреклонен. Хома предпринимает попытку бегства, но его ловят. Хома напивается, пускается в пляс, не дождавшись музыкантов, пристаёт к какой-то молодке, потом засыпает. Будят его уже на закате. Ночь страшная; вдали воют волки какими-то «не-волчьими голосами».

Хома начинает читать. От страха он читает как попало, и порой совсем не то, что написано в книге. Гроб открывается, двери срываются с петель,

множество чудовищ врывается в церковь. Ведьма приказывает привести Вия, который сможет разглядеть, где находится Хома.

«И вдруг настала тишина в церкви; слышалось вдали волчье завыванье, и скоро раздались тяжелые шаги по церкви; взглянув искоса, увидел он, что ведут какого-то приземистого, дюжего, косолапого человека. Весь был он в черной земле. Как жилистые, крепкие корни, выдавались его засыпанные землею ноги и руки. Тяжело ступал он, поминутно оступаясь. Длинные веки опущены были до самой земли. С ужасом заметил Хома, что лицо было на нем железное. Его привели под руки и прямо поставили к тому месту, где стоял Хома.

— Подымите мне веки: не вижу! — сказал подземным голосом Вий, — и все сонмище кинулось подымать ему веки».

Хома чувствует, что на Вия нельзя смотреть, но, не удержавшись, бросает на него взгляд. Вий тут же обнаруживает Хому, все чудовища бросаются на юношу, «и тут же вылетел из него дух от страха». Раздается крик петуха, но Хома уже мертв. Чудовища не успевают вылететь из церкви, так и остаются навеки висеть в дверных и оконных проемах. Дорога к церкви зарастает, место считается проклятым.

Когда до Киева доходят слухи об участии Хома, богослов Халява «предавался целый час раздумью». Разговаривая с Тиберием Горобцом, он излагает мнение, что «так ему бог дал» и предлагает пойти в шинок помянуть Хому.

«Молодой философ, который с жаром энтузиаста начал пользоваться своими правами, так что на нем и шаровары, и сюртук, и даже шапка

отзывались спиртом и табачными корешками, в ту же минуту изъявил готовность».

Халява (который теперь стал звонарем) говорит, что Хома пропал ни за что. Горобець отвечает:

«А я знаю, почему пропал он: оттого, что побоялся. А если бы не боялся, то бы ведьма ничего не могла с ним сделать. Нужно только, перекрестившись, плюнуть на самый хвост ей, и ничего не будет. Я знаю уже все это. Ведь у нас в Киеве все бабы, которые сидят на базаре, — все ведьмы».

Философ соглашается и, так как уже порядком напился, отправляется спать в бурьян, предварительно стащив старую подошву от сапога, валявшуюся на лавке.

Н. С. Лесков

Сведения об авторе:

Николай Семенович Лесков (1831—1895) родился в селе Горохове Орловской губернии. Отец, окончивший духовную семинарию, но вместо карьеры священника избравший должность следователя в Орловской уголовной палате, вышел в отставку, купил небольшой хутор и переехал туда со своей семьей. Особое влияние в семье на ребенка имела няня Любовь Онисимовна, бывшая крепостная актриса графа Каменского, жестокого самодура, обладавшая незаурядным талантом и чья трагическая судьба позже нашла отражение в рассказах Лескова «Тупейный художник» и «Юдоль».

После окончания гимназии и смерти отца Лесков идет на службу — канцеляристом в Орловскую палату уголовного суда.

Через некоторое время Лесков переезжает в Киев, где, подолжая службу чиновником, посещает в Киевском университете лекции по литературе, государственному праву, криминалистике, анатомии, агрономии. В короткий срок он овладевает украинским и польским языками, читает в подлиннике таких писателей, как Т. Шевченко, Ю. Крашевский, А. Мицкевич, Марко Вовчок.

В качестве чиновника казенной палаты Лесков много ездил по России, что дало богатый материал для его ранних повестей и рассказов.

Некоторое время затем Лесков работал агентом коммерческой фирмы «Шкотт и Вилькенс», занимающейся управлением богатыми имениями. Исполняя поручения фирмы, Лесков ездит по России, записывает рассказы и легенды, которые слышит во время этих поездок. Создание повести о левше и подкованной им блохе относится именно к этому времени. Когда дела фирмы начинают идти не слишком хорошо, Лесков оставляет службу, возвращается в Киев и решает полностью посвятить себя литературной деятельности. Он пишет статьи для газет и журналов, а скоро уезжает в Петербург, где становится сотрудником газеты «Северная пчела».

За более чем тридцать лет профессиональной литературной деятельности Лесков создает множество произведений, пишет о «святых людях земли Русской». Наряду с изображением праведников Лесков тем не менее весьма критически относился к представителям церкви. Он пишет рассказы, развенчивающие служителей культа. В это же время Лесков знакомится с Л. Н. Толстым. Резкая критика церкви и ее представителей при-

вела к тому, что по высочайшему повелению обер-прокурора священного синода Победоносцева писателя уволили из комитета по рассмотрению книг для народа, где он до этого состоял. Однако Лесков не оставил своей борьбы с церковниками и по-прежнему высмеивал нравы духовенства.

Помимо знаменитого «Левши», Лесков создал такие произведения, как «Очарованный странник», «Соборяне». По знаменитой повести «Леди Макбет Мценского уезда» Д. Д. Шостакович впоследствии создал одноименную оперу, которая с успехом шла не только на русской, но и на зарубежной сцене.

Левша

*(Сказ о тульском косом левше
и о стальной блохе)*

Глава 1

Император Александр Павлович ездил по границам и дивился на тамошние чудеса. С ним был казак Платов, который не любил, что государя иноземцы склоняют ко всему иностранному и на все говорил, что у нас дома не худшие образцы есть. Наконец император сказал Платову, что на следующий день они идут в оружейную кунсткамеру, где такие чудеса, до которых нам еще очень далеко. Платов выпил водки, завалился спать и «захрапел так, что во всем доме англичанам никому спать нельзя было».

Глава 2

На другой день Платов с царем едут в оружейную кунсткамеру. Англичане хотят царя удивить, показывают разные чудеса, тот ахает, а Платов

молчит, словно все это для него ничего не значит. Царь упрекает Платова в упрямстве. Наконец англичане приносят пистолет, хвалят тонкую работу. Платов достает из шаровар отвертку, отковыривает замок, и все видят на оружии надпись: «Иван Москвин во граде Туле».

Платов радуется, что англичан оконфузил и тульского мастера прославил, только печалится, что царь о конфузе англичан сожалел.

Англичане решили новые чудеса показать царю.

Глава 3

На другой день едут они новые кунсткамеры смотреть. Платов снова конфузит англичан, царь же просит его «не портить ему политики». Наконец показывают царю новое чудо: на подносе подают маленькую механическую блоху «из лучшей английской стали», которую стоит завести ключиком, как она начинает танцевать. Глядя в «мелкоскоп», царь заводит блоху, дивится ее танцам, потом платит за нее миллион и забирает с собой. По пути домой Платов убеждает царя, что наши все, что увидят, могут сделать, только «им полезного ученья нет».

Глава 4

Царь Александр скончался, и блоху передали по наследству. Заинтересовался ею лишь царь Николай Павлович. Стали исследовать, что это такое. Но никто не знал, так как не осталось людей, кто был в курсе этой покупки. Узнав про переполох, во дворец явился Платов, рассказал, что это такое, потом добавил, что дивиться этой «нимфозории» не следует, а надо дать нашим мастерам и проверить, не могут ли они этой работы

превзойти. Царь Николай не любил уступать чужеземцам, а потому дал поручение Платову проверить данный факт.

Глава 5

Платов взял блоху и поехал через Тулу на Дон. Показал блоху тулякам, но те запросили слишком много времени на то, чтобы что-то придумать. Платов поехал на Дон, оставил «нимфозорию» тулякам, чтобы они придумали что-то, что было бы не стыдно показать государю. Сроку — две недели.

Глава 6

Три мастера, среди которых и был левша, отправились в Киев для того, чтобы то ли помолиться святым мощам, то ли для того, чтобы спросить у тамошних мастеров совета. Жители города гадают, куда они делись, так как за оставшееся время добраться до какого-либо крупного города затруднительно. Некоторые считали, что мастера просто сбежали, испугавшись ответственности за хвастовство.

Глава 7

На самом деле мастера, несмотря на свою богомольность и приверженность общепризнанным святыням, шли не к Москве, не к Киеву, не на Афон, а к Мценску (уездному городу Орловской губернии) — поклониться иконе святого Николая. Поклонившись, вернулись ночью домой и принялись за работу. Какую именно — никто не знает. Все соседи и мастера любопытствуют, но работа ведется в страшном секрете.

Глава 8

Платов едет обратно, подгоняет казаков, его сопровождающих — «свистовых» (т. е. искажен-

ное «вестовых»). Самому ему тоже не терпится работу увидеть — все норовит из коляски вылезти.

Глава 9

«Свистовые» бегут к мастерам, а те не открывают: работу заканчивают. «Свистовые» вышибают дверь бревном. Мастера успокаивают их, говорят, что скоро работу принесут. Через некоторое время пошли — двое с пустыми руками, а третий — с «аглицкой стальной блохой».

Глава 10

Платов берет работу, возмущается — так как не видит, что именно мастера сделали. Мастера не отвечают, говорят, что все и так на виду. Советуют везти государю и там разбираться. Платов погрозил мастерам — а ну как его надуть хотят — и помчался в Петербург, взяв с собой левшу — ты, мол, мне за всех ответишь.

Глава 11

Платов боится показаться на глаза государю, думает, как бы его от мыслей о блохе отвлечь. Придумывает разные кары мастерам за то, что приказ не исполнили, левшу грозитя заточить в острог.

Тем не менее царь спрашивает Платова о блохе. Тот мнетя, говорит, что мастера ничего сделать не смогли. Царь хочет сам в этом убедиться.

Глава 12

Царю приносят шкатулку, он смотрит на блоху, ничего не видит, но «веры своей в русских мастеров не убавил». Зовет он свою дочь и приказывает ей завести блоху ключиком. Та заводит, но блоха не танцует. Царь сердится, Платов выбегает из дворца, где его левша ждал, и начал

его бить. На вопрос левши «за что?» отвечает, что за испорченную уникальную вещь. Левша предлагает им посмотреть в «мелкоскоп». Левше руки скрутили, а Платов пошел к царю.

Глава 13

Царю приносят «мелкоскоп», все разглядывают блоху, но ничего не видят. Царь приказывает позвать левшу. Левша в затрапезном виде, так как «его взяли в чем был», идет к царю. Царь и придворные говорят, что ничего не видят. Левша советует взглянуть на ногу блохи. Царь смотрит, затем, просияв, целует неумытого левшу, а придворным говорит: «Они, шельмы, аглицкую блоху на подковы подковали!»

Глава 14

Все придворные дивятся работе, все хвалят левшу (он, оказывается, к подковам гвоздики делал, причем не имея «мелкоскопа» по бедности своей, говоря, что «а у нас так глаз пристрелявши»). Платов дал левше сто рублей и прощенья попросил, что его побил («за волосья отодрал»). Царь приказал «нимфозорию» отправить обратно в Англию в качестве подарка, «чтобы там поняли, что нам это не удивительно». Блоху послали с особым курьером, а вместе с ним для необходимых разъяснений отправили и левшу. Левшу моют в бане, стригут в парикмахерской, одевают в кафтан «с придворного певчего, для того, дабы похоже было, будто и на нем какой-нибудь жалованный чин есть». Затем левша и курьер отправляются в путь.

Глава 15

Курьер и левша приезжают в Лондон. Левша сидит в гостинице, потом идет обедать. За обе-

дом по незнанию языка объясняется знаками. Курьер тем временем отнес блоху, показал английским мастерам. Те удивились, сразу захотели видеть мастера. Курьер отвел их к левше. Иностранцы его хвалят, затем спрашивают, чему и где он учился. Левша отвечает, что «наша наука простая: по Псалтирю да по Полусоннику, а арифметики мы нимало не знаем». Англичане говорят, что лучше бы он арифметике учился, а то хоть «вы в руках искусны», из арифметики бы «по крайности хоть четыре правила сложения знали» и тогда смогли бы рассчитать, что механизм блохи очень тонкий и не может нести на ее ногах подковы — поэтому блоха теперь и не танцует. Левша соглашается. Англичане приглашают его учиться: говорят, из него удивительный мастер выйдет. Левша отказывается, ссылаясь на то, что у него дома родители есть. Англичане предлагают посылать деньги его родителям. Однако левша все равно отказывается, говоря, что «мы к своей родине привержены». Англичане предлагают ему остаться, обвыкнуться, принять их веру, жениться. Левша отвечает, что этого «никогда быть не может», потому что «наша русская вера самая правильная», в доказательство превосходства русской веры приводит то, что у «нас есть и боготворные иконы и гроботочивые главы и мощи, а у вас ничего». Кроме того, левша заявляет, что ему с англичанкой «жить конфузно будет». Англичане советуют ему попробовать и обещают устроить randevu. Левша отнекивается, объясняет, что на Руси для этого засылают сваху и прочее. На вопрос англичан, чем ему не нравятся англичанки, он отвечает, что «мне то не нравится, что одежда

на них как-то машется, и не разобрать, что надето и для какой надобности». Тульский фасон ему больше по душе. Когда стали пить чай, левша предпочитает пить не как все, а вприкуску. «Ничем его англичане не могли сбить, чтобы он на их жизнь прельстился, а только уговорили его на короткое время погостить, и они в это время его по разным заводам водить будут и все свое искусство покажут». Обещают после этого доставить в Петербург.

Глава 16

Курьер едет обратно в Россию, а левша отправляется с англичанами смотреть «и металлические фабрики и мыльнопильные заводы». Работники у англичан «в сытости, одеты не в обрывках», работают «не бойлом, а с обучением и имеют себе понятия», «перед каждым на виду висит долбика умножения». Левша смотрит на их житье, но больше всего интересуется ружьями, но не новыми, а теми, которые «старые и в каком виде состоят». При этом он хвалит ружья и спрашивает у англичан, осматривали ли их русские генералы, и как именно осматривали — в перчатке или без. Англичане говорят, что в перчатке. После этого левша заскучал и стал настойчиво проситься домой. И несмотря на то, что приближалась буря, а «Твердиземное море» это не то, что Финский залив, левша все равно отправился в путь. Англичане наградили его деньгами, подарили часы. Левша во время путешествия, несмотря на непогоду, стоял на палубе и смотрел, не покажутся ли родные берега. Его звали внутрь, в тепло, но он отказывался. Один «полшкипер» особо симпати-

зирова́л левше и предложи́л выпить. Потом еще и еще, пока они не напились. Шкипер предлагает «пари» — не пить в одиночку, т. е. сколько выпил один, то столько же должен выпить и другой. Согласились, по рукам ударили.

Глава 17

Левша и шкипер пили всю дорогу, до тех пор, пока одному не начало мерещиться, что из воды рыжий черт лезет, а другому — черный. Англичанин говорит, что это «морской водоглаз» и предлагает бросить левшу в море, чтобы «водоглаз» его обратно на корабль подал. Левша соглашается. Шкипер понес левшу к борту. Матросы увидели и доложили капитану. Тот приказал и шкипера и левшу запереть в трюм, дать им еды, рому и вина, чтобы они могли свое пари выдержать. По приезде в Петербург, англичанина повезли в «посланнический дом на Аглицкую набережную, а левшу — в квартал. Отсюда их судьба начала сильно разниться».

Глава 18

К англичанину тотчас вызвали лекаря и аптекаря, которые ему тут же ванну прописали, пилюлю в рот положили, уложили на кровать спать.

Левшу же свалили в квартале на пол и спрашивают, кто он такой и есть ли у него документы. Тот только стонет. С него тут же хорошее платье сняли, часы и деньги вытащили, а самого «пристав велел на встречном извозчике в бесплатную больницу отправить». Пока пристав ловил извозчика, левша на холодном полу лежал. Везли левшу непокрытого, когда пересаживали с извозчика на извозчика, роняли. Привезли в одну больницу —

без документов не принимают, во второй — та же история, в третьей — то же самое. Так и возили до утра, пока один лекарь не посоветовал отвезти его в простонародную Обухвинскую больницу, где неведомого сословия всех умирать принимают. «Тут велели расписку дать, а левшу до разборки на полу в коридор посадить».

Английский шкипер на следующий день проснулся, проглотил пилюлю и говорит: «Где мой русский камрад?» — и побежал разыскивать.

Глава 19

Шкипер удивительным образом быстро нашел левшу. Тот в коридоре на полу лежал. Увидев англичанина, он принялся жаловаться, что ему непременно надо бы государю два слова сказать.

Англичанин возмутился таким обращением с человеком, пошел с жалобой к графу Клейнмихелю. Его оттуда выставили вон. Затем англичанину посоветовали пойти к Платову. Тот пошел и рассказал все о левше. Платов тут же вспомнил левшу и приказал англичанину бежать к коменданту Скобелеву. Тот послал к левше доктора Мартын-Сольского, но когда доктор наконец пришел к левше, тот уже кончался, так как когда его сгружали с одного извозчика на другого, ему разбили голову. Перед смертью он только смог вятно выговорить, чтобы государю передали, что англичане кирпичом ружья не чистят и чтобы у нас тоже не чистили, «а то, храни бог войны, они стрелять не годятся». С этим он перекрестился и помер. Доктор к графу Чернышеву поехал и доложил, а граф на него закричал, чтобы он знал свое рвотное да слабительное, а не в свое дело не мешался — на то в России генералы есть.

Так государю ничего не сказали и чистка продолжалась до самой Крымской кампании. А как стали ружья заряжать, пули в них и болтаются, потому что стволы кирпичом расчищены. Здесь Мартын-Сольский Чернышеву о левше напомнил, а тот ответил, чтобы он помалкивал, иначе он ото всего отопрется, и лекарю же и достанется. Мартын-Сольский испугался и замолчал. Так ничего государю и не передали, а передай они ему слова левши, в Крымской войне, возможно, совсем бы другой оборот был.

Глава 20

Автор подводит своего рода итог. Имя левши, как и имена многих гениев, навсегда остались неизвестны людям. Однако как своего рода миф это может быть интересно и поучительно. Времена изменились: «машины сравнивали неравенство талантов», они не способствуют артистической удали. Однако несмотря на то, что нынешние работники «умеют ценить выгоды, доставляемые им практическими приспособлениями механической науки», о старине они вспоминают с гордостью и любовью. «Это их эпос, и притом с очень “человечкиной душой”».

Л. Н. Андреев

Сведения об авторе:

Леонид Николаевич Андреев (1871—1919) родился 9 (21) августа в Орле в семье землемера. Закончив юридический факультет Московского университета, Андреев начинает писать рассказы и публиковать их в газетах и журналах. Скоро он решает полностью посвятить себя писатель-

скому труду. В начале XX века произведения Андреева были чрезвычайно популярны, он был одним из самых известных писателей той поры.

Основным мотивом многих произведений Андреева является сострадание к «униженным и оскорбленным», внимание к обычному, «маленькому» человеку. Андреев трагически осознавал одиночество человека в мире, невозможность осуществления идеальных взаимоотношений между людьми. Сочувствуя идеям, которые провозглашали революционеры, Андреев тем не менее не принял революции. Его ужаснул террор, развязанный большевиками и те методы насилия, которые применялись к несогласным. В 1917 году Андреев эмигрировал из России в Финляндию. Испытывая материальные трудности, он жил в деревне, где и умер от разрыва сердца всего через два года после того, как покинул родину.

Баргамот и Гараська

Иван Акиндинович Бергамотов, по прозвищу «Баргамот», «высокий, толстый, сильный, громогласный», служит городовым на Пушкарной улице, отлично знает нравы и привычки «пушкарей», живущих на его участке.

В предпасхальный вечер Баргамот стоит на посту. У него плохое настроение, так как он сможет попасть домой к обильному столу только в три часа ночи. Он с неприязнью провожает взглядом празднично одетых людей, отправляющихся в церковь: это из-за них он вынужден голодный стоять ночью на улице.

Баргамот мечтает, как вернется домой и подарит младшему сыну Ванюшке красивое мрамор-

ное пасхальное яичко. Неожиданно появляется пьяный Гараська, «не человек, а язва», особенно нелюбимый Баргамотом пушкарь. «Физиономия Гараськи, с большим отвислым красным носом... хранила на себе вещественные знаки вещественных отношений к алкоголю и кулаку ближнего». Баргамот хватается Гараську за воротник и тащит в участок, надеясь таким образом упредить намерения Гараськи что-нибудь украсть. По дороге Гараська задает бестолковые вопросы о воскресении Христа, озадаченный Баргамот выпускает из рук засаленный ворот рубахи пьянчужки, и тот падает, давя предмет, только что вынутый из кармана. Упавший Гараська громко воет и показывает Баргамоту, что он разбил пасхальное яичко, которое хотел от чистого сердца подарить городовому. Озадаченный Баргамот неожиданно для себя приглашает Гараську разговляться к себе домой. Удивленная жена городского, Марья, гостеприимно потчует Гараську, называет его по имени-отчеству. Потрясенный Гараська вновь заливается слезами: ведь его отроду никто не называл так почтительно.

Петька на Даче

Десятилетний мальчик Петька отдан в учение к парикмахеру Осипу Абрамовичу. В дешевой парикмахерской он подносит воду, на него постоянно кричат и ругаются хозяин и подмастерья. Его приятелю Николке 13 лет, Николка знает много скверных слов и часто рассказывает Петьке непристойные истории. Окна парикмахерской выходят на улицу, по которой ходят «равнодушные, злые или распущенные» люди, на скамейках

спят бездомные, дерутся пьяные. У Петьки не бывает праздников, все его дни похожи друг на друга, его жизнь кажется ему долгим неприятным сном, он все больше худеет, болеет, на лице его появляются морщинки. Петьке очень хочется уехать в другое место. Когда его навещает мать, кухарка Надежда, он постоянно просит ее забрать его от Осипа Абрамовича. Однажды хозяин отпускает Петьку на дачу к господам Надежды. В поезде радостный Петька улыбается пассажирам, интересуется, как едет поезд, улыбается облачкам. За городом Петькины глаза перестают казаться сонными, а морщинки пропадают. Сдружившись с гимназистом Митей, Петька помногу купается, удит рыбу, играет. Однако в конце недели Надежда получает письмо от Осипа Абрамовича, в котором тот требует, чтобы Петька вернулся. Петька падает на землю, плачет, кричит. Мать отвозит мальчика в город, и все начинается сначала. Только по ночам Петька с упоением пересказывает Николке свои дачные приключения.

М. М. Пришвин

Сведения об авторе:

Михаил Михайлович Пришвин (1873—1954) родился 23 января (4 февраля) в имении Хрущево недалеко от Липецка в купеческой семье. В семь лет пережил смерть отца. После окончания сельской школы учился в Елецкой классической гимназии, где в первом же классе остался на второй год. Вместе с товарищами устроил побег в «Америку» на лодке. Из четвертого класса гимназии Пришвин был исключен за дерзость учителю.

Позже Пришвин сдаст экзамены экстерном и даже поступит на химико-агрономическое отделение Рижского политехникума. Однако за революционную деятельность и подпольную работу Пришвин был арестован. После одиночного заключения в Митавской тюрьме, он был выслан на родину в город Елец. В 1900—1904 годах будущий писатель совершает поездку за границу. Он поступает в Лейпцигский университет в Германии. После окончания агрономического отделения университета он посещает Париж. По возвращении в Россию работает агрономом в Тульской губернии, а затем в городе КLINE. Примечательно, что писательская карьера Пришвина началась с книг по сельскому хозяйству (например, «Картофель в полевой и огородной культуре»). Однако скоро литературные интересы все больше начинают преобладать над агрономией. Пришвин начинает работать корреспондентом в газетах. Познакомившись с этнографом Н. Е. Ончуковым, Пришвин едет в Олонецкую губернию, помогает собирать этнографические материалы. Затем он отправляется в путешествие по русскому Северу. Впечатления от путешествий легли в основу первых рассказов писателя, а также книги путевых заметок «В краю непуганых птиц» (позже за нее Пришвин будет избран действительным членом императорского Географического общества).

Михаил Михайлович Пришвин прожил долгую жизнь. Он работал учителем в гимназии, а затем в сельской школе, заведовал краеведческим музеем, писал для газет и журналов. Его книги хорошо известны читателям, например, книга путевых заметок «За волшебным колобком», автобиогра-

фический роман «Кащеева цепь», «Родники Берендея», повесть «Корень жизни» («Жень-шень») и, конечно же, сказка-быль «Кладовая солнца».

Кладовая солнца (сказка-быль)

«В одном селе возле Блудова болота, в районе города Переславль-Залесского, осиротели двое детей. Их мать умерла от болезни, отец погиб на Отечественной войне». Мальчика зовут Митраша (ему около десяти лет), а девочку Настя (она на два года старше брата). У Насти есть прозвище — Золотая Курочка: «волосы, ни темные, ни светлые, отливали золотом, веснушки по всему лицу были крупные, как золотые монетки, и частые, и тесно им было, и лезли они во все стороны. Только носик один был чистенький и глядел вверх». Митраша — невысокий, плотный, упрямый и сильный мальчик. Учителя в школе ласково называют его «мужичок в мешочке».

Осиротев, дети самостоятельно ведут довольно большое крестьянское хозяйство. Настя, по примеру покойной матери, прекрасно справляется с уходом за скотиной, встает до зари, готовит еду, прибирает избу. Митраша, выучившись у отца делать деревянную посуду, бондарствует, зарабатывая тем самым дополнительные копейки на хозяйство. Кроме того, «он бывает на всех собраниях, старается понять общественные заботы и, наверное, что-то смекает». Между детьми прекрасное взаимопонимание. Проблема только в том, что Митраша любит хорохориться. Однако более разумная Настя практически всегда успевает погасить назревающий конфликт. «И как только ма-

ленькая ручка сестры коснется широкого затылка брата, отцовский задор покидает хозяина».

Дети часто ходят в лес по грибы и ягоды. Митраша вспоминает, как однажды отец рассказывал ему о дальней палестинке в лесу, про которую никто не знает, но которая, якобы, сплошь покрыта клюквой. Однако на пути к этому чудесному месту лежит так называемая Слепая елань, болото, где погибло много людей и скотины. Поэтому на заветную палестинку никто не ходит. Впрочем, если быть осторожным, по словам отца, можно пробраться через елань и набрать на палестинке удивительно крупной и сладкой клюквы. Настя берет с собой побольше еды, и дети отправляются в путь.

В лесу дети слышат волчий вой. Митраша вспоминает, что отец рассказывал, будто это воет волк Серый помещик. Все волки в этих местах давно убиты, но Серого помещика убить невозможно. Охотники много раз загоняли волков за флажки и затем убивали, но Серый помещик прыгал через флажки и спасался бегством, а затем резал коров и овец не меньше, чем раньше резала целая стая. Серый помещик также убивает и съедает собак. Тем не менее храбрый Митраша настаивает на том, чтобы идти на палестинку через Слепую елань. Настя же уговаривает брата собирать ягоду там, где это делают все люди. Настя считает, что отец просто рассказывал мальчику сказки. Ей обидно подчиниться младшему брату. Митраша сердито советует сестре собирать «там, где все бабы», и отправляется «сам по себе». Дети расходятся по разным тропинкам. Ни один из них не думает в этот момент о том, что Митра-

ша уходит на елань с одним отцовским ружьем, без корзины для клюквы и без провизии.

Солнце скрывается за тучами, резко дует ветер, сплетенные корнями деревья страшно скрипят. От этих заунывных звуков просыпается и вылезает из картофельной ямы возле лесной сторожки охотника Антипыча его гончая собака Травка и начинает жалобно выть. Два года назад ее любимый хозяин Антипыч умер, сторожку забросили, Травка стала жить в лесу. Ей было трудно смириться с дикой жизнью, она привыкла добывать дичь для Антипыча и после его смерти, забываясь, еще долго таскала зайцев на холм, где прежде стояла сторожка.

Почувствовав сильный голод, Травка отправляется на охоту. Собака прибегает на развилку, где расстались Настя и Митраша. Травка принюхивается и чует запах зайца-русака, который уже успел проскакать по тропинке после того, как по ней прошла Настя. Травка бросается вслед за девочкой.

Настя набредает на сплошные заросли клюквы и, увидев такое количество ягод, забывает обо всем на свете. Она ложится на землю и ползком собирает клюкву, пока ее огромная корзина не наполняется доверху (девочка едва может ее поднять). В этот момент Настя замечает Травку и узнает в ней собаку Антипыча. Девочка не может вспомнить клички собаки, но хочет дать ей хлеба. Настя тянется к полной корзине и только тут спохватывается: она зашла глубоко в лес, а голодный брат пропал на болоте. Настя падает на землю, плачет. Травка, стоя над девочкой, воет. Серый помещик, услышав близко вой собаки, бросается в их сторону, чтобы поживиться легкой добычей.

Митраша медленно движется через Слепую елань, следуя стрелке компаса и еле заметной тропинке, проложенной до него незнакомым человеком. Постепенно тропка становится все более «жидкой», земля походит «на гамак, подвешенный над тинистой бездной». Увидев прямо перед собой чистую полянку, мальчик решает пересечь ее напрямик, вместо того, чтобы обойти стороной, по тропке. Митраша проваливается в трясины и увязает в болоте по грудь. Он пытается вылезти, но уже не может. Ветер доносит до него крик Насти, которая, опомнившись, поняла, что брат ушел без еды. Митраша кричит в ответ, но ветер относит его крик в сторону, так что Настя его не слышит.

Травка в поисках зайца рыщет по Слепой елани и практически случайно набредает на Митрашу, стоящего по грудь в болотной воде. Собака со времени смерти хозяина в каждом человеке пыталась «найти Антипыча». На свое счастье Митраша почти точно вспоминает кличку собаки, зовет ее. Травка признает в мальчике хозяина, ложится на брюхо и ползет к нему. Ухватившись за ее заднюю ногу, Митраша выбирается из трясины. Он подзывает собаку, и та с визгом радости кидается к нему. Затем Травка (уже для нового хозяина) пускается в погоню за зайцем. Митраша взводит курок, готовится стрелять. В нескольких метрах от него в кустах сидит, притаившись, Серый помещик. «Увидев серую морду от себя в пяти каких-то шагах, Митраша забыл о зайце и выстрелил почти в упор. Серый помещик окончил жизнь свою без всяких мучений». Услышав близкий выстрел, Настя кричит, Митраша откли-

кается. Настя находит брата. Травка приносит новому Антипычу зайца. С клюквой, зайцем и свежими впечатлениями от убийства Серого помещика дети возвращаются домой.

Все в селе бросают свои дела, чтобы посмотреть, какого матерого волка завалил десятилетний охотник. Настя почти всю свою клюкву отдает в детский дом больным детям, эвакуированным из Ленинграда.

В. Г. Распутин

Сведения об авторе:

Валентин Григорьевич Распутин родился 15 марта 1937 года в крестьянской семье в селе Усть-Уда Иркутской области. Отец его был арестован и погиб в конце 40-х годов в сибирской тюрьме. Будущий писатель рано познал безотцовщину и нужду. С детства много читал, увлекался литературой. О времени своего учения и возмужания Распутин впоследствии поведал в рассказе «Уроки французского» (по рассказу снят одноименный фильм). Окончив историко-филологический факультет Иркутского университета, Распутин начинает работать в местных газетах. Переехав в Красноярск, работает специальным корреспондентом молодежной газеты, начинает писать и публиковать в прессе свои первые рассказы.

Все творчество Распутина посвящено Сибири, людям, населяющим этот край, силе их характеров, их мужеству и душевной красоте.

За сорок лет своей творческой деятельности писатель создал такие произведения, как повесть

«Деньги для Марии», которая принесла Распутину известность, повесть «Последний срок», по которой были поставлены спектакли во МХАТе и АБДТе, повесть «Прощание с Матерой», по которой был снят известный художественный фильм, повесть «Живи и помни» и многие другие.

В последние годы Распутин много занимается общественной и политической деятельностью, активно выступает за сохранение природных богатств Сибири, за бережное отношение к человеку и культуре. Живет и работает в Иркутске и Москве. За большой вклад в развитие отечественной литературы награжден правительственными и литературными наградами.

Уроки французского

Рассказ является автобиографическим, повествование ведется от первого лица. Автор вспоминает свое детство, голодное послевоенное время и удивительного человека — учительницу французского языка. Посвящен рассказ памяти Анастасии Прокопьевны Копыловой, матери русского драматурга А. Вампилова.

В деревне, где жил автор, была только начальная школа, так что учиться в пятом классе ему приходится отправляться в районный центр. Так в одиннадцать лет у мальчика начинается совершенно самостоятельная жизнь. Он живет у тети Нади, знакомой своей матери. Раз в неделю мать передает ему из деревни с шофером дядей Ваней картошку и хлеб, иногда — творог. Еды мальчику не хватает, к тому же его периодически обворовывают дети тети Нади, а то и она сама. Мальчик старается не жаловаться матери, поскольку

ей от этого легче не станет, а помочь она все равно не сможет.

Иногда мать присылает сыну немного денег, чтобы он покупал себе на рынке молоко (у него малокровие). Больше присылать она при всем желании не может, потому что, во-первых, одна поднимает троих детей, а во-вторых, денег в колхозе практически не платят (люди работают за так называемые трудодни). Молоко — единственная реальная еда, которой мальчик питается в течение недели, но этого растущему организму не хватает.

Однажды сын тети Нади Федька предлагает автору поиграть на пустыре со взрослыми ребятами в «чику» на деньги. Тот соглашается и отправляется смотреть на игру. Заправляет на пустыре некий семиклассник Вадик, «рослый и крепкий, заметный своей силой и властью парень с рыжей челкой».

Автор скоро разбирается в несложных правилах игры и, дождавшись с очередной посылкой денег от матери, тоже начинает играть в «чику». Сперва он проигрывает, но вскоре принаравливается и начинает выбивать достаточно метко. Однако в отличие от остальной «шпаны», чересчур увлекаться игрой он себе не позволяет. Мальчик играет только для того, чтобы обеспечить себе молоко, и, выиграв рубль, всегда бросает играть.

Поначалу Вадик спокойно относится к его выигрышам, поскольку и сам не остается внакладе. Однако вскоре он замечает, что маленький игрок слишком быстро выходит из игры. Вадик начинает оттеснять его достаточно нечестными способами. Однако автор все равно бросает лучше Ва-

дика и продолжает «бесхитростно и безжалостно бомбить кассу». Мальчику невдомек, что «никогда и никому еще не прощалось, если в своем деле он вырывается вперед. Не жди тогда пощады, не жди заступничества, для других он выскочка, и больше всех ненавидит его тот, кто идет за ним следом».

Вадик начинает откровенно «жульничать», причем окружающие мальчишки принимают его сторону. Приспешник Вадика, хулиган и второгодник Птаха толкает автора. Тот падает. Вадик и Птаха избивают его, но он, не в силах защититься, продолжает кричать, что Вадик обманул его.

Утром автор со страхом смотрит на себя в зеркало. «Нос вспух и раздулся, под левым глазом синяк, а ниже его, на щеке, изгибается жирная кровавая ссадина». Он не представляет себе, как идти в таком виде в школу, но и прогуливать уроки не решается.

Учительница французского языка и классная руководительница Лидия Михайловна сразу замечает, что с мальчиком случилось неладное. Один из одноклассников, Тишкин, радостным голосом доносит, что накануне автор играл на деньги. За это могут исключить из школы, если узнает директор. Автор замирает от ужаса, когда Лидия Михайловна просит его остаться после уроков.

Однако когда Лидия Михайловна остается с автором один на один, она не стыдит его и не тащит к директору. Она спрашивает его, почему он играет на деньги и куда эти деньги деваает. Тот честно отвечает, что покупает молоко. Молодая учительница сразу же понимает, что в этом случае речь не идет об испорченности ребенка.

Он просто вынужден добывать себе пропитание единственно возможным способом. Лидия Михайловна давно уже обратила внимание на этого мальчика, «неопрятного без матери и одинокого, в старом застиранном пиджачишке на обвислых плечах... в перешитых из отцовских галифе и заправленных в чирки (самодельная обувь) маркских светло-зеленых штанах». Из всего класса только у автора на ногах чирки. На будущий год, когда он наотрез отказался их носить, мать продала свою единственную ценность — швейную машинку — и купила ему кирзовые сапоги.

Лидия Михайловна просит мальчика больше не играть на деньги, и он с легкостью обещает ей это. Однако в эти дни ему приходится совсем плохо. Дядя Ваня не ездит в город, и матери не с кем передать сыну посылку. Он живет одной припрятанной картошкой, даже во сне чувствует, как по желудку прокатываются судорожные волны.

В надежде наткнуться на новую группу игроков мальчик колесит по улицам, но напрасно. В конце концов ему приходится вновь отправиться к Вадику и компании. Автор знает, что идет на унижение, но голод подгоняет его. Ему нужен всего рубль — уже не на молоко, а на хлеб. Вытерпев положенные издевательства от Вадика и Птахи, мальчик начинает играть. Теперь он ведет себя осторожнее — выигрывает копеек тридцать, поддается другим игрокам. Когда же, через несколько дней, он, выиграв рубль, собирается уйти, его снова избивают.

В школе с оставшимися во рту девятью здоровыми зубами мальчик не может прочесть французский текст. Лидия Михайловна объявляет ему,

что ей придется заниматься с ним дополнительно, и не в школе, а у нее дома, в спокойной обстановке.

Домой к учительнице мальчик ходит как на пытку. «И без того, от природы робкий и стеснительный, теряющийся от любого пустяка, в этой чистенькой аккуратной квартире... он первое время буквально каменел и боялся дышать... Успехам во французском это никак не способствовало». Особенно пугается и теряется он, когда, закончив урок, Лидия Михайловна приглашает его ужинать. Каждый раз он с такой категоричностью отказывается, что учительница оставляет его в покое.

Однажды автору сообщают, что в школу пришла посылка на его имя. Он решает, что дядя Ваня, не застав его дома, оставил продукты от матери в школе. Его сразу удивляет, что посылка находится не в мешке, как обычно, а в аккуратном ящичке. Мальчик поспешно вскрывает посылку. В ней оказываются макароны, несколько кусков сахара и две плитки гематогена. Он сразу понимает, что посылку принесла Лидия Михайловна. В деревне ни макарон, ни гематогена не бывает, да и денег купить их у матери нет.

Автор отправляется с посылкой к учительнице и возвращает ее. Лидия Михайловна не отнекивается, покорно признает свою вину — за незнание того, что могли бы прислать ребенку из деревни. Она рассказывает, что она сама с Кубани, а там растут огромные красные яблоки. Лидия Михайловна мягко уговаривает мальчика взять эту посылку. Ему надо есть досыта, чтобы хорошо учиться: он способный ученик, ему никак нельзя

бросать школу. Испугавшись, что в результате она уговорит его, мальчик опрометью бросается вон.

Лидия Михайловна понимает, что таким способом ей не переломить гордость деревенского паренька. Она продолжает заниматься с ним на дому. Мальчик делает успехи. Учительница неожиданно предлагает ему поиграть в «замеряшки» — игру своего детства — на деньги. Поколебавшись, мальчик соглашается.

Время от времени он уличает Лидию Михайловну в жульничестве — то она подыгрывает ему, то, чтобы все выглядело натурально, бессовестно мошенничает, не хуже Вадика.

У автора снова появляются небольшие карманные деньги. Он покупает молоко, немного поправляется. Конечно, принимая деньги от Лидии Михайловны, он чувствует себя неловко, но всякий раз успокаивается тем, что это честный выигрыш. Он никогда не напрашивается на игру, учительница предлагает ее сама.

Однако хорошая жизнь кончается самым плачевным образом. Однажды, войдя в азарт, ученик и учительница слишком громкими голосами выясняют вопросы хода игры. Дверь распахивается. На пороге стоит директор школы, который живет в том же доме, что и Лидия Михайловна. Узнав, что учительница играет с учеником на деньги, директор называет это «растлением», «совершением», «преступлением» и проч.

Через три дня Лидия Михайловна навсегда уезжает из города к себе на Кубань. Всю вину за случившееся она берет на себя. Никто никаких претензий к автору не предъявляет. Больше он свою учительницу никогда не видел.

Среди зимы на его имя приходит посылка с макаронами и крупными красными яблоками. Раньше мальчик видел яблоки только на картинках, но догадался, что это они.

В. П. Астафьев

Сведения об авторе

Виктор Петрович Астафьев (1924—2001) родился 1 мая в селе Овсянка Красноярского края. В семилетнем возрасте потерял мать (утонула в Енисее). Был беспризорным. Воспитывался в детдоме. Окончив Железнодорожную школу, в 1942 году ушел добровольцем на фронт. После обучения в пехотном училище в Новосибирске был отправлен на передовую и до самого конца войны оставался рядовым солдатом. На фронте награжден Орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу». Получил два ранения. Был шофером, артразведчиком, связистом.

После войны работал дежурным по вокзалу, кладовщиком, слесарем, подсобным рабочим на мясокомбинате. В это время начинает писать рассказы, сотрудничать в газетах. Выпустив первую книгу, Астафьев оканчивает Высшие литературные курсы при Литературном институте им. М. Горького в Москве и посвящает свою жизнь профессиональной писательской работе. Его повести о войне, о простых людях становятся популярны, их переводят на иностранные языки.

Астафьев вел большую общественно-политическую работу: был народным депутатом, вице-президентом ассоциации писателей «Европейский

форум». Почти всю свою жизнь писатель прожил под Красноярском.

Конь с розовой гривой

Повествование в рассказе ведется от первого лица. Автор вспоминает свое детство, когда он сиротой (мать утонула в реке) рос в доме бабушки, женщины строгой, но справедливой.

Бабушка автора советует мальчику пойти с соседскими ребятишками в лес собирать землянику. Она отвезет его туесок в город, продаст ягоды, а мальчику купит пряничного коня. «Это мечта всех деревенских малышей. Он белый-белый, этот конь. А грива у него розовая, хвост розовый, глаза розовые, копыта тоже розовые... Пряник можно засунуть под рубаху, бегать и слышать, как конь лягает копытами в голый живот. Холодея от ужаса — потерял! — хвататься за рубаху и со счастьем убеждаться, что тут он, конь-огонь!»

Имея такого коня, можно рассчитывать на особенное внимание всех деревенских ребятишек, даже соседских, левонтьевских. Левонтий заготавливает лес, зарплату получает раз в десять дней. Тогда в семье соседа, где много детей, начинается пир горой. Жена Левонтия, тетка Васеня, спешно бежит по соседям, раздает долги. Дом у Левонтия бедный, неказистый, семейство едва может прокормиться тем, что дает небольшой огород. Сам хозяин дома в прошлом моряк, к домашней работе вроде строительства забора или навешивания ставень совершенно равнодушен.

Мечтой маленького автора всегда было прорваться в дом Левонтия после получки. Там его сразу сажают за стол и потчуют от души, набивают

карманы пряниками и конфетами. К концу застолья Левонтий обыкновенно принимается хулиганить, ругаться и бить стекла, а дети и тет-ка Васеня ищут прибежища в соседских избах.

На другой день, полный раскаяния, Левонтий все чинит, а дня через три Васеня снова бегает по соседям, прося денег взаймы.

Автор с ребятишками Левонтия отправляется по ягоды. Он старательно набирает землянику до середины туеска, но вдруг слышит, что старший сын Левонтия бранит Саньку и Таньку за то, что те, вместо того, чтобы класть ягоды в посуду, едят их. Старший брат бьет Саньку, а после драки принимается подбирать просыпанные и подавленные ягоды и класть их себе в рот. Потом братья и сестра мирятся и отправляются купаться.

Автор тоже не отказался бы сходить на речку, но не решается это сделать, так как еще не набрал полный туесок. Санька высмеивает его, называет трусом, потому что мальчик боится бабушки. Чтобы отстоять свою честь, автор принимается хорохориться и, «напустив на себя отчаянность», решительно вытряхивает ягоды на траву. Левонтьевские ребятишки почти все съедают.

До середины дня дети купаются, испытывают свою храбрость, забегая в пещеру, где (это в селе доподлинно известно) водится нечистая сила.

Когда приходит время возвращаться, автор порядком пугается гнева бабушки. Санька советует ему наполнить туесок травой, а сверху присыпать ягодами, тогда бабушка ничего не заметит.

Замирая от страха, мальчик отдает туесок бабушке. Она ничего не замечает, ласково благодарит его, обещает привезти самый большой пря-

ник из города. Санька грозитя рассказать ей правду, и, чтобы отвязаться от него, автор тащит Саньке калачи из бабушкиных запасов.

Всю ночь автор терзается, потому что украл калачи и обманул бабушку. Сон не берет его, «как окончательно запутавшегося преступника». Наконец он решает рассказать утром бабушке правду.

Однако утром он просыпается, когда бабушка уже уплыла в город. Дедушки в избе нет; он работает на заимке (земельный участок вдали от села). Мальчику очень хочется туда пойти, он чувствует, что дедушка утешил бы его в его горе, но заимка находится слишком далеко.

Автор отправляется с Санькой на рыбалку. Рыбалка приносит солидный улов, и ребята жарят рыбу прямо на берегу. Автор нет-нет, да и поглядывает на реку, в ту сторону, откуда должна приплыть бабушка. Он ругает себя, волнуется за бабушку, боится, что, вернувшись, она побьет его. Мальчик горюет, что никто его, сироту, не жалеет. Санька советует ему не ходить домой — авось, все и обойдется.

К берегу пристаёт лодка, в которой сидит наряженная «по-городскому» бабушка. Мальчик бросается наутек. До темноты он слоняется по деревне, привязывается к ребятам, чтобы поиграть в лапту. Он ужинает у двоюродного брата Кешки, а потом вместе с тетей Феней, матерью Кешки, идет домой. Мальчик прячется в кладовке и, пока тетя Феня разговаривает с бабушкой, засыпает.

Утром автор видит, что с заимки приехал дедушка и очень радуется, потому что надеется, что тот не даст его в обиду. Бабушка шумит и ругается, рассказывает всем соседям, что натворил ее

внук накануне и в каком положении она оказалась, когда покупательница хотела купить у нее ягоды. Когда она выходит из дому, мальчик бросается к бабушке, плачет, все рассказывает ему. Тот, зная, что жена вспыльчива, но отходчива, советует ребенку просто попросить у бабушки прощения. Тот так и поступает.

Бабушка, продолжая ворчать, сажает внука завтракать. Тот молчит, ничего не просит, зная, что бабушка должна разрядиться, высказать все, что у нее накопилось, отвести душу.

Она долго обличает и срамит мальчика. Тот, для порядка, ревет. Взрослые выходят из избы. Подняв голову, мальчик видит перед собой белого коня с розовой гривой. Несмотря ни на что, бабушка привезла ребенку вожделенный гостинец.

«Сколько лет с тех пор прошло! Сколько событий минуло! А я все не могу забыть бабушкиного пряника — того дивного коня с розовой гривой».

Ю. М. Нагибин

Сведения об авторе:

Юрий Маркович Нагибин (1920—1994) родился 3 апреля в Москве, у Чистых прудов, в семье служащего. В восемь лет, после развода родителей, остался с матерью, которой, по собственному признанию, был «обязан основополагающими качествами своей человеческой и творческой личности». Воспитанием литературного вкуса обязан своему отчиму, который был писателем.

Нагибин не сразу нашел свое призвание. В юности он увлекался футболом, ему даже предсказывали большое будущее на этом поприще. Однако

отчим, обратив внимание на талант Нагибина передавать свои впечатления об увиденном с легкостью и чувством юмора, посоветовал ему писать рассказы. И все же, исполняя желание матери, после окончания школы Нагибин поступил в медицинский институт. Однако проучился он там недолго — до конца первой сессии. Поступив на сценарный факультет во ВГИК, Нагибин полностью отдает себя литературному творчеству. Он пишет рассказы, очерки, рецензии, статьи. Но закончить ВГИК не удалось: началась война. Нагибин ушел на фронт, где воевал с оружием в руках, выходил из окружения. Хорошо зная немецкий язык, он работал в специальном подразделении, занимавшемся контрпропагандой. Все впечатления и наблюдения фронтовой жизни позже вошли в его военные рассказы. Получив в 1942 году ранение, Нагибин вернулся в Москву и до конца войны работал корреспондентом в газете «Труд». После войны он продолжал заниматься журналистикой, выпускал сборники рассказов, которые были очень популярны: «Человек и дорога», «Чистые пруды», «Далекое и близкое», «Ранней весной» и многие другие. Много сил Нагибин отдавал кино, создавая сценарии для фильмов (например, «Председатель», «Директор», «Красная палатка», «Чайковский», «Ночной гость» и др.). Работал писатель и для телевидения — писал сценарии передач и фильмов о таких великих людях, как Бах, Лермонтов и многие другие.

Мой первый друг, мой друг бесценный

Рассказ является автобиографическим. Повествование ведется от первого лица. Автор рассказывает о своем полуголодном послевоенном дет-

стве, которое, несмотря на объективные трудности, оказалось ярко озарено счастьем первой настоящей дружбы.

В год его поступления в школу наплыв детей в ближние к его дому учебные заведения был настолько велик, что школы не смогли принять всех желающих. Автор в числе других детей из своего дома «угодил» в школу в Лобковском переулке. Там ребята считаются чужаками, и «здоровый инстинкт самосохранения» заставляет их держаться тесной группой, вместе ходить в школу и домой.

Обычно по пути домой ребята завязывают «снежные баталии» в Телеграфном переулке. Там автор впервые замечает «длинного, тонкого, бледно-веснушчатого мальчика с большими серо-голубыми глазами в пол-лица. Стоя в сторонке и наклонив голову к плечу, он с тихим, независтливым восхищением наблюдал их молодецкие забавы... Его мнимая настырность обернулась тонкой деликатностью: он имел право водить компанию... но не хотел навязываться, терпеливо ожидая, когда его позовут».

Автор узнает, что мальчик живет в их же доме, знакомится с ним. «Сколько было потом знакомств, сколько звучало имен, ничто не сравнится с тем мгновеньем, когда в заснеженном московском переулке долговязый мальчик негромко назвал себя: Павлик».

Поначалу автор не считает Павлика своим близким товарищем. У него уже был закадычный друг Митя Гребенников, слабодушный, чувствительный, слезливый, по-женски отходчивый, хоть и способный к истерическим вспышкам

ярости. Однажды он даже бросился на автора с ножом, когда тот «всыпал» ему за то, что переехавший в новый дом Митя принялся причитать, что старое жилье он вспоминает только в кошмарном сне. «Митина вздорность, перепады настроений, чувствительные разговоры, всегдашняя готовность к ссоре, хотя бы ради сладости примирения» кажутся автору неслучайной принадлежностью дружбы. Сблизившись с Павликом, он долгое время считает, что просто покровительствует робкому чужаку, не понимая, что нашел наконец настоящую дружбу. Долгое приятельство с Митей не проходит для автора бесследно: он привыкает к моральному соглашательству, привыкает прощать предательство. Например, однажды Митя доносит на товарища, что тот играл на деньги, за что, по тем времена, могли бы запросто исключить из школы. Затем Митя принимается утверждать, что сделал это для его же пользы, чтобы в нем вдруг не пробудились прежние наклонности, а затем со слезами требует «вернуть ему былое доверие ради святой дружбы». Все это выглядит фальшиво, скверно, непорядочно.

Павлик же не признает сделок с совестью. Однажды автор, который всегда блестяще учился по немецкому языку и не унижался до того, чтобы готовить домашние задания, оказывается у доски. Он не выучил стихотворение, потому что накануне не был в школе и не знал, что стихотворение вообще было задано. Чтобы избежать двойки, автор сваливает вину на Павлика, у которого он действительно спрашивал задания по всем предметам, кроме немецкого. Учительница выговаривает Павлику, тот слушает ее молча, не оправды-

ваясь и не огрызаясь. Спустив пары, немка просит автора прочесть любое стихотворение по выбору. Он отвечает блестяще, поскольку прежде занимался с репетиторшей и немецкую поэзию знает хорошо. Получив «отлично», автор возвращается на место, но Павлика рядом с ним уже нет. Он пересел на другую парту. Автор недоумевает, что сподвигло товарища уйти от него, и замечает, что глаза у Павлика красные и налитые влагой. Прежде, даже после жестоких и неравных драк, он никогда не видел друга плачущим.

Павлик не разговаривает с автором, не отвечает на его притворно-равнодушные вопросы. Видно, что его до глубины души потрясло то, что «его предал друг. Спокойно, обыденно и публично, среди бела дня, ради грошовой выгоды предал человек, за которого он, не раздумывая, пошел бы в огонь и в воду».

Автору не хочется признаваться в собственной низости, он пытается оправдаться, но при всем желании не может этого сделать. Почти год Павлик держит его в отчуждении. Все попытки автора «помириться между прочим» не приносят успеха. Павлик «презирал всякие обходные пути, мелкие уловки и хитрости, все скользкое, уклончивое, двусмысленное — прибежище слабых душ». Павлику не нужен такой человек, каким показал себя автор на уроке немецкого. Его нравственный кодекс гораздо выше.

Однако, через год, когда автор посылает другу записку с просьбой о встрече, Павлик без всяких церемоний поднимается к нему в квартиру, как делал это прежде. Автору не надо извиняться перед ним: Павлик понял, что его друг внутренне

изменился, а стало быть не должен нести ответственность за себя прежнего.

«Редкое душевное целомудрие заставляло его держать на запоре свой внутренний мир. Он не считал себя вправе навязывать людям свои мысли и соображения, взгляды и оценки, не говоря уж о сомнениях и надеждах. Посторонним людям он казался апатичным, вялым, безучастно пропускающим бытие мимо себя». Только автор прекрасно знает, «каким сильным, страстным, целенаправленным характером он обладал. Ему так и не пришлось выйти на суд людской. Все, что в нем развивалось, зрело, строилось, не успело обрести форму».

Павлик происходит из семьи людей малообразованных, мало чем интересующихся, мало к чему способных. Его отец часовщик, который временами с удовольствием вспоминает, как однажды смотрел спектакль «Коварский и любовь».

В семье автора «все думали». Здесь существует культ книг, а Павлику настроенность на культуру необходима, как воздух. В каждом годом друзья становятся все ближе и дороже друг другу.

На пороге юности их поражает «общий недуг — невыясненность устремлений». Друзья хотят «играть, а не присутствовать безмолвными статистами на сцене жизни». Они оба ровно и хорошо учатся по всем предметам, но какой-то основной страсти, которая подсказала бы друзьям, какую дорогу выбрать в жизни, ни у одного нет. Автор и Павлик активно ищут себя.

У Павлика есть два дяди, оба ученые, один физик, другой химик. Их блистательный пример заставляет ребят по очереди пробовать себя на

каждом из этих поприщ. Первым делом они принимаются варить гуталин. Квартира насквозь пропитана запахом ваксы, и, чтобы жильцы не ругались, ребята чистят гуталином собственного производства всем сапоги. Но гуталин не дает блеска, и обувь приходится перечищать.

Затем автор с Павликом пытаются создать красную тушь, но толку от этого тоже никакого. Когда на обеих науках ребята ставят крест, им на глаза попадает «Охранная грамота» Б. Пастернака. Автор с Павликом читают о муках будущего поэта, мечтавшего стать композитором, но не обладавшего абсолютным слухом. Пастернак отказался от того, чтобы делать карьеру музыканта, после того, как узнал, что его кумир А. Скрябин «скрывает, как нечто постыдное, несовершенство своего слуха».

Ребята ищут себя в географии, биологии и электротехнике, что заканчивается небольшим пожаром. Их «отдых от трудов праведных» не менее изнурителен и целенаправлен. Друзья то осваивают балансировку (по часу, почти до потери сознания удерживая на носу половую щетку или бильярдный кий), то, по примеру девушек-парашютисток прыгают с большой высоты с двумя зонтами на асфальт. Для автора это кончается сотрясением мозга, а Павлик выбивает себе половинку переднего зуба.

Незаметно автор начинает писать рассказы, а Павлик пробует свои силы на подмостках любительской сцены. В этих занятиях друзья уже не спешат объединяться и чувствуют, что на сей раз «каждый столкнулся со своей судьбой». Но ни один не в силах признаться себе, что выбор сде-

дан. По окончании школы оба подают заявления в медицинский институт — «обычное прибежище тех, кто не ладит с математикой и не верит в себя на гуманитарном поприще». Отучившись полгода, оба поступают в Институт кинематографии. Автор зачислен на сценарный, Павлик, выдержавший, кроме того, экзамены в ГИТИС (театральный институт) и Историко-архивный, начинает учиться на режиссерском факультете. Отец относится к выбору Павлика спокойно, тешит себя надеждой, что еще увидит сына в постановке «Коварский и любовь».

Однако в первый день войны ребята отправляются в военкомат. Павлик уезжает на фронт и совсем скоро героически гибнет под Сухиничами. Немцы предлагают советским солдатам, захваченным врасплох в здании сельсовета, сохранить им жизнь, если они положат оружие и выйдут по одному с поднятыми руками. Как свидетельствовали потом немногие оставшиеся в живых жители Сухиничей, ни один человек из отделения, которым командовал Павлик, не выполнил требование фашистов.

Павлик на протяжении долгих лет после окончания войны снится автору. Сон все время повторяется: Павлик жив и вернулся, но к автору он не идет, он не нужен ему. Во сне возле Павлика только его мать, их осеняет какая-то общая забота, которая автору не понятна. Автор все пытается объяснить, что ничем не виноват перед Павликом, что не заслужил такого равнодушия, но Павлик почти не слушает его, только холодно кивает и молча проходит мимо. «Может, там, откуда пришел Павлик, иные мерки...»

Автор отправляется в гости к приятелю в загородный дом. По пути автор видит дорожный знак «До Сухиничей ... километров». За сбором грибов автор наступает на моток колючей проволоки, что лежит здесь с войны, запутывается в ней, с трудом выбирается из капкана. Автору приходит на ум, что он находится совсем рядом с тем местом, где прошли последние минуты жизни его бесценного друга. Он понимает, что на самом деле безмерно виноват перед ним — виноват, что не отдал за Павлика своей жизни, что не спас других людей, виноват в тюрьмах, в лагерях, в том, что в мире не затихают выстрелы, что гибнут дети и не счесть обездоленных.

«Надо все время помнить о подвиге ушедших; может быть тогда исчезнет зло и исполнится самая заветная человеческая мечта — вернуть к жизни погибших».

РУССКИЕ ПОЭТЫ О РОДИНЕ И РОДНОЙ ПРИРОДЕ

А. А. Фет

Сведения об авторе:

Афанасий Афанасьевич Фет (1820—1892) родился 5 декабря. Он был незаконным сыном помещика Шеншина и Каролины Фёт. При рождении он был записан сыном Шеншина, однако в четырнадцать лет выяснилась незаконность этой записи, что лишило Фета всех дворянских привилегий. Изменив фамилию с Шеншина на Фёт, Афанасий вместе с матерью переезжает в лифляндский город Верро, где учится в немецком частном пансионе. Затем он учился в Московском университете. Скоро вышел первый сборник стихов начинающего поэта. При выпуске одного из стихотворений из-за ошибки наборщика фамилия Фёт была заменена на Фет, что неожиданно было одобрено автором, позже он также стал подписываться «Фет».

После окончания университета Фет поступил на военную службу, в кавалерию, отдав этому в итоге почти 10 лет. В это время он продолжает писать стихи, сотрудничает в журнале «Современник», знакомится с Тургеневым и Некрасовым. Однако позже Фет разочаровался в профессиональной литературной деятельности. Уйдя с военной службы, он купил поместье и занялся сельским хозяйством. Он продолжает создавать стихи, ведет активную переписку с Л. Толстым.

Постепенно имя Фета становится знаменитым, за заслуги в области литературы он был даже избран членом Петербургской Академии Наук.

* * *

Я пришел к тебе с приветом
Рассказать, что солнце встало,
Что оно горячим светом
По листам затрепетало;

Рассказать, что лес проснулся,
Весь проснулся, веткой каждой,
Каждой птицей встрепелся
И весенней полон жажды;

Рассказать, что с той же страстью,
Как вчера, пришел я снова,
Что душа все так же счастью
И тебе служить готова;

Рассказать, что отовсюду
На меня весельем веет,
Что не знаю сам, что буду
Петь, но только песня зреет.

* * *

Шепот, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья,

Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца.
Ряд волшебных изменений
Милого лица,

В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря,
И лобзания, и слезы,
И заря! Заря!..

На заре ты ее не буди,
 На заре она сладко так спит;
 Утро дышит у ней на груди,
 Ярko пышет на ямках ланит.

И подушка ее горяча,
 И горяч утомительный сон,
 И, чернеясь, бегут на плеча
 Косы лентой с обеих сторон.

А вчера у окна ввечеру
 Долго-долго сидела она
 И следила по тучам игру,
 Что, скользя, затевала луна.

И чем ярче играла луна,
 И чем громче свистал соловей.
 Все бледней становилась она,
 Сердце билось больней и больней.

Оттого-то на юной груди,
 На ланитах так утро горит.
 Не буди ж ты ее, не буди...
 На заре она сладко так спит!

Я жду... Соловьиное эхо
 Несется с блестящей реки,
 Трава при луне в бриллиантах,
 На тмине горят светляки.

Я жду... Темно-синее небо
 И в мелких, и в крупных звездах,
 Я слышу биение сердца
 И трепет в руках и в ногах.

Я жду... Вот повеяло с юга;
Тепло мне стоять и идти;
Звезда покатилась на запад...
Прости, золотая, прости!

* * *

Еще весны душистой нега
К нам не успела низойти,
Еще овраги полны снега,
Еще зарей гремит телега
На замороженном пути.

Едва лишь в полдень солнце греет,
Краснеет липа в высоте.
Сквозя, березник чуть желтеет,
И соловей еще не смеет
Запеть в смородинном кусте.

Но возрожденья весть живая
Уж есть в пролетных журавлях,
Их, их глазами провожая,
Стоит красавица степная
С румянцем сизым на щеках.

* * *

На стоге сена ночью южной
Лицом ко тверди я лежал,
И хор светил, живой и дружный,
Кругом раскинувшись, дрожал.

Земля, как смутный сон немая,
Безвестно уносилась прочь.
И я, как первый житель рая,
Один в лицо увидел ночь.

Я ль неся к бездне полуночной,
Иль сонмы звезд ко мне неслись?
Казалось, будто в длани мощной
Над этой бездной я повис.

И с замираньем и смятеньем
Я взором мерил глубину,
В которой с каждым я мгновеньем
Все невозвратнее тону.

* * *

Учись у них — у дуба, у березы.
Кругом зима. Жестокая нора!
Напрасные на них застыли слезы,
И треснула, сжимаяся, кора.

Все злей метель и с каждой минутой
Сердито рвет последние листья,
И за сердце хватает холод лютый;
Они стоят, молчат; молчи и ты!

Но верь весне. Ее промчится гений,
Опять теплом и жизнью дыша.
Для ясных дней, для новых откровений
Переболит скорбящая душа.

А. К. Толстой

Сведения об авторе:

Алексей Константинович Толстой (1817—1875) родился 5 сентября в Петербурге в семье графа К. П. Толстого. С детства получил прекрасное образование, с родителями был в Германии, посещал там И. Гете. Служил в Министерстве иностранных дел. Знакомится с В. А. Жуковским, у него дома — с Н. В. Гоголем и другими писателями и

поэтами. Сам начинает писать стихи и прозу. Вместе с двоюродными братьями Алексеем и Владимиром Жемчужниковыми Толстой создает Козьму Пруткова — вымышленного сатирического персонажа. Кроме поэзии, писал пьесы, драматические поэмы.

Колокольчики мои

Колокольчики мои,
Цветики степные!
Что глядите на меня.
Темно-голубые?
И о чем звените вы
В день веселый мая,
Средь некошенной травы
Головой качая?

Конь несет меня стрелой
На поле открытом;
Он вас топчет под собой,
Бьет своим копытом.
Колокольчики мои,
Цветики степные!
Не кланите вы меня,
Темно-голубые!

Я бы рад вас не топтать,
Рад промчаться мимо,
Но уздой не удержать
Бег неукротимый!
Я лечу, лечу стрелой,
Только пыль взметаю;
Конь несет меня лихой,
А куда? не знаю!

Есть нам, конь, с тобой простор!
Мир забывши тесный,
Мы летим во весь опор
К цели неизвестной.
Чем окончится наш бег?
Радостью ль? кручиной?
Знать не может человек—
Знает бог единый!..

* * *

Вот уж снѣг последний в поле тает,
Теплый пар восходит от земли,
И кувшинчик синий расцветает,
И зовут друг друга журавли.

Юный лес, в зеленый дым одетый,
Теплых гроз нетерпеливо ждет;
Все весны дыханием согрето,
Все кругом и любит и поет;

Утром небо ясно и прозрачно,
Ночью звезды светят так светло;
Отчего ж в душе твоей так мрачно
И зачем на сердце тяжело?

Грустно жить тебе, о друг, я знаю,
И понятна мне твоя печаль:
Отлетела б ты к родному краю,
И земной весны тебе не жаль...

* * *

Острою секирой ранена береза.
По коре сребристой покатались слезы.
Ты не плачь, береза, бедная, не сетуй.
Рана не смертельна, вылечишься к лету.

Будешь красоваться, листьями убрана. —
Лишь больное сердце не залечит раны!

* * *

Дробится, и плещет, и брызжет волна
Мне в очи соленою влагой;
Неподвижно на камне сижу я — полна
Душа безотчетной отвагой.

Валы за валами, прибой и отбой,
И пена их гребни покрыла;
О, море, кого же мне вызвать на бой?
Изведать воскресшие силы?

Почуяло сердце, что жизнь хороша,
Вы, волны, размыкали горе,
От грома и плеска проснулась душа,
Сродни ей шумящее море!

Ф. И. Тютчев

Сведения об авторе:

Тютчев Федор Иванович (1803—1873) родился 5 декабря в Орловской губернии в родовитой дворянской семье. Писать стихи начал еще в детстве. Несмотря на это, печатался редко и с большими перерывами. После обучения на словесном отделении Московского университета был зачислен на службу в Коллегию иностранных дел. Работал дипломатом в Германии (город Мюнхен), затем во Франции (город Турин). Из Германии и из Франции Тютчев присылал стихи, которые печатались в московских журналах и альманахах. Пушкин, восхищенный стихами Тютчева, доставленными ему из Германии, напечатал их и в «Современнике», который возглавлял.

Вернувшись в Россию, Тютчев служил в Министерстве иностранных дел. Вначале он занимал должность старшего цензора, а потом (до конца жизни) был председателем Комитета иностранной цензуры.

Стихи Тютчева были необычайно популярны, по своей образности и красоте это одни из лучших образцов русской классической поэзии.

Многие стихи Тютчева положены на музыку (напр., «Весенние воды» С. В. Рахманинова).

Весенняя гроза

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний, первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.

Гремят раскаты молодые,
Вот дождик брызнул, пыль летит,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотит.

С горы бежит поток проворный,
В лесу не молкнет птичий гам,
И гам лесной и шум нагорный —
Все вторит весело громам.

Ты скажешь, ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.

Полдень

Лениво дышит полдень мгlistый,
Лениво катится река,

И в тверди пламенной и чистой
Лениво тают облака.

И всю природу, как туман,
Дремота жаркая объемлет,
И сам теперь великий Пан
В пещере нимф покойно дремлет.

Осенний вечер

Есть в светлости осенних вечеров
Умильная, таинственная прелесть:
Зловещий блеск и пестрота деревьев,
Багряных листьев томный, легкий шелест,
Туманная и тихая лазурь
Над грустно-сиротеющей землею.
И, как предчувствие сходящих бурь,
Порывистый, холодный ветер порою,
Ущерб, изнеможение — и на всем
Та кроткая улыбка увяданья,
Что в существе разумном мы зовем
Божественной стыдливостью страданья.

* * *

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!

Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной
Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде царь небесный
Исходил, благословляя.

Природа — сфинкс. И тем она верней
Своим искусом губит человека,
Что, может статься, никакой от века
Загадки нет и не было у ней.

Вл. С. Соловьев

Сведения об авторе:

Владимир Сергеевич Соловьев (1853—1900) родился 16 (28) января в Москве в семье известного историка С. М. Соловьева, автора многотомной российской истории. Учился на физико-математическом, затем на историко-филологическом факультете Московского университета. Окончив университет, Соловьев всего через год защитил в Петербурге магистерскую диссертацию. В 27 лет он защитил докторскую диссертацию. Однако через год, выступив с речью против смертной казни (в связи с убийством царя Александра II народовольцами), был вынужден оставить преподавательскую работу.

Владимир Соловьев известен как русский философ и публицист. В философии, наряду с Н. Ф. Федоровым и К. Э. Циолковским Соловьев считается основоположником такого направления, как «русский космизм». Соловьев переводил труды Платона, вел философский отдел в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона.

В 1891 году вышло первое издание его «Стихотворений». В поэзии Соловьев был одним из предшественников символистской поэзии, он оказал большое влияние на тех, кто позже себя назовет «символистами», а также на творчество А. А. Бло-

ка. В области поэтики Соловьев продолжал традиции Ф. И. Тютчева, А. А. Фета, А. К. Толстого.

Осеннюю дорогой

Меркнет день. Над усталой, поблекшей землей
Неподвижные тучи висят.

Под прощальным убором листвы золотой
И березы, и липы сквозят.

Душу обняли нежно-тоскливые сны,
Замерла бесконечная даль.

И роскошно-блестящей и шумной весны
Примиренному сердцу не жаль.

И как будто земля, отходя на покой,
Погрузилась в молитву без слов,
И спускается с неба невидимый рой
Бледнокрылых, безмолвных духов.

И. А. Бунин

Сведения об авторе:

Иван Алексеевич Бунин (1870—1953) прожил долгую, полную драматических событий жизнь. Родился он 22 октября в Воронеже, в обедневшей дворянской семье. Детство провел в Орловской губернии. В молодости работал корректором, статистиком, библиотекарем, газетным репортером. В юности начал писать стихи, публиковал их в газетах, выпускал отдельными сборниками. С годами он совершенствовался в поэтическом мастерстве и был даже удостоен Пушкинской премии. Писал Бунин рассказы и другие прозаические произведения. Выступал он и как переводчик (пере-

воды произведений Дж. Г. Байрона, «Песни о Гайавате» Г. Лонгфелло и др.). Интересуясь жизнью и бытом людей разных рас и национальностей, Бунин предпринимает поездки в экзотические восточные страны: на Ближний Восток, на остров Цейлон. За вклад в литературу Академия наук избирает Бунина почетным академиком.

В 1917 году в России происходит Октябрьская революция, и Бунин, спасаясь от ужасов террора, бежит в занятую белыми войсками Одессу. Там он принимает решение об эмиграции. Покинув родину, он едет в Константинополь, затем в Софию, Белград, в Париж. За границей он продолжает свою литературную деятельность, получает признание во всем мире. В 1933 году ему присуждают Нобелевскую премию в области литературы.

* * *

Не видно птиц. Покорно чахнет
Лес, опустевший и больной.
Грибы сошли, но крепко пахнет
В оврагах сыростью грибной.

Глушь стала ниже и светлее,
В кустах сваялася трава,
И, под дождем осенним тлея,
Чернеет темная листва.

А в поле ветер. День холодный
Угрюм и свеж — и целый день
Скитаюсь я в степи свободной,
Вдали от сел и деревень.

И, убаюкан шагом конным,
С отрадной грустью внемлю я,

Как ветер звоном однотонным
Гудит-поет в стволы ружья.

Родина

Под небом мертвенно-свинцовым
Угрюмо меркнет зимний день,
И нет конца лесам сосновым,
И далеко до деревень.

Один туман молочно-синий,
Как чья-то кроткая печаль,
Над этой снежною пустыней
Смягчает сумрачную даль.

* * *

Еще и холоден и сыр
Февральский воздух, но над садом
Уж смотрит небо ясным взглядом,
И молодеет божий мир.

Прозрачно-бледный, как весной,
Слезится снег недавней стужи,
А с неба на кусты и лужи
Ложится отблеск голубой.

Не налюбуюсь, как сквозят
Деревья в лоне небосклона,
И сладко слушать у балкона,
Как снегири в кустах звенят,

Нет, не пейзаж влечет меня,
Не краски жадный взор подметит,
А то, что в этих красках светит:
Любовь и радость бытия.

Сведения об авторе:

Сергей Александрович Есенин (1895—1925) родился 3 октября в деревне Константиново Рязанской губернии в крестьянской семье. Стихи начал писать очень рано — с 9 лет.

После окончания школы Сергей отправляется в Москву к отцу, который работал приказчиком у одного из замоскворецких купцов. Здесь Есенин знакомится с многими крестьянскими поэтами. Устроившись работать в типографию, продолжал заниматься самообразованием. Стихи начинают появляться в печати, приобретают популярность. В 1915 году Есенин переезжает в Петроград, там знакомится с такими поэтами, как Н. Клюев, С. Городецкий, А. Белый, А. Блок. Вместе с поэтами А. Мариенгофом и В. Шершеневичем создают свою собственную группу, получившую название «имажинистов». Имажинисты уверяли, что придумали новое направление в литературе и что их поэзия коренным образом отличается от той, что была раньше. Однако постепенно Есенин отходит от имажинистов. Его стихи приобретают невиданную популярность. Познакомившись со знаменитой танцовщицей Айседорой Дункан и женившись на ней, Есенин совершает вместе с женой заграничное путешествие по Европе и Америке. Однако заморские страны не произвели на поэта никакого впечатления, на чужбине он лишь еще больше начинает ценить свою родину. Прожил Есенин недолгую — всего 30 лет — жизнь. Трагическая гибель не позволила ему осуществить все свои замыслы. Однако и то, что им было сделано, навеки обессмертило его имя.

* * *

Гой ты, Русь, моя родная,
Хаты — в ризах образа...
Не видать конца и края —
Только синь сосет глаза.

Как захожий богомолец,
Я смотрю твои поля.
А у низеньких околиц
Звонно чахнут тополя.

Пахнет яблоком я медом
По церквам твой кроткий Спас.
И гудит за корогодом
На лугах веселый пляс.

Побегу по мятой стежке
На приволь зеленых лех,
Мне навстречу, как сережки,
Прозвенит девичий смех.

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».

* * *

Гляну в поле, гляну в небо —
И в полях и в небе рай.
Снова тонет в копнах хлеба
Незапаханный мой край.

Снова в рощах непасеных
Неизбывные стада,
И струится с гор зеленых
Златоструйная вода.

О, я верю — знать, за муки
Над пропащим мужиком
Кто-то ласковые руки
Проливает молоком.

* * *

Вот оно, глупое счастье
С белыми окнами в сад!
По пруду лебедем красным
Плавает тихий закат.

Здравствуй, златое затишье,
С тенью березы в воде!
Галочья стая на крыше
Служит вечернюю звезду.

Где-то за садом несмело,
Там, где калина цветет,
Нежная девушка в белом
Нежную песню поет.

Стелется синею рясой
С поля ночной холодок...
Глупое, милое счастье,
Свежая розовость щек!

Весенний вечер

Тихо струится река серебристая
В царстве вечернем зеленой весны,
Солнце садится за горы лесистые,
Рог золотой выплывает луны.

Запад подернулся лентою розовой,
Пахарь вернулся в избушку с полей.
И за дорогою в чаще березовой
Песню любви затянул соловей.

Слушает ласково песни глубокие
С запада розовой лентой заря.
С нежностью смотрит на звезды далекие
И улыбается небу земля.

Ночь

Усталый день склонился к ночи,
Затихла шумная волна,
Погасло солнце, и над миром
Плывет задумчиво луна.
Долина тихая внимает
Журчанью мирного ручья.
И темный лес, склоняясь, дремлет
Под звуки песни соловья.
Внимая песням, с берегами,
Ласкаясь, шепчется река.
И тихо слышится над нею
Веселый шелест тростника.

С добрым утром!

Задремали звезды золотые,
Задрожало зеркало затона,
Брезжит свет на заводи речные
И румянит сетку небосклона.

Улыбнулись сонные березки,
Растрепали шелковые косы.
Шелестят зеленые сережки,
И горят серебряные росы.

У плетня заросшая крапива
Обрядилась ярким перламутром
И, качаясь, шепчет шаловливо:
«С добрым утром!»

Буря

Дрогнули листочки, закачались клены,
С золотистых веток полетела пыль...
Зашумели ветры, охнул лес зеленый,
Зашептался с эхом высохший ковыль...

Плачет у окошка пасмурная буря,
Понагнулись ветлы к мутному стеклу,
И качают ветки, голову понуря,
И с тоской угрюмой смотрят в полумглу.

А вдали, чернея, выползают тучи,
И ревет сердито грозная река,
Подымают брызги водяные кручи,
Словно мечет землю сильная рука.

* * *

За рекой горят огни,
Погорают мох и пни.
Ой, купало, ой, купало,
Погорают мох и пни.

Плачет леший у сосны —
Жалко летошней весны.
Ой, купало, ой, купало,
Жалко летошней весны.

А у наших у ворот
Пляшет девок корогод.
Ой, купало, ой, купало,
Пляшет девок корогод.

Кому горе, кому грех,
А нам радость, а нам смех.
Ой, купало, ой, купало,
А нам радость, а нам смех.

ИЗ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В. Скотт

Сведения об авторе:

Вальтер Скотт (1771—1832) родился 15 августа в Эдинбурге. Он был сыном состоятельного шотландского юриста и с детства получил хорошее образование. Окончив школу, а затем Эдинбургский университет, Скотт выдержал все положенные испытания, надел судейскую мантию, а в 1799 году даже стал шерифом Селкиркшира. К этому времени в Литературном и Философском обществах Эдинбурга он был известен как книголюб, антиквар-любитель, начинающий поэт и собиратель народных шотландских баллад. В 1802 году Скотт издает два тома баллад — «Песни шотландской границы». Баллады были благожелательно встречены публикой, и Скотт стал все больше времени уделять поэзии. Жизнь его была весьма насыщена. Он исполнял обязанности квартирмейстера корпуса королевских легких драгун и секретаря Высшего Суда в Эдинбурге, основал фирму «Джон Баллантайн и К^о, книгопродавцы и издатели», кроме того, занимался обустройством приобретенного в 1811 году поместья. На своей земле он посадил тысячи деревьев и возвел грандиозный дом, похожий на замок, с отличной библиотекой, коллекцией оружия, доспехов и геральдики, но с газовым освещением, системами отопления и вентиляции. Все это, включая семью (к этому времени у Скотта было уже четверо детей), требовало немалых средств. Скотт выпускал книгу за книгой. Однако в истории литературы он остался не

как поэт, чего вполне могла ожидать читающая публика, но в первую очередь как автор знаменитых исторических романов.

Появление этих романов и вся история публикации сопровождалась мистификацией, затеянной самим Скоттом. Дело в том, что все исторические романы публиковались не под именем автора, а под псевдонимом: «автор “Уэверли”» («Уэверли» — так назывался первый роман серии). Публика же окрестила автора «Великий Неизвестный». В мгновение ока ставшие чрезвычайно популярными романы расходились огромными по тем временам тиражами, а анонимность автора лишь подогревала интерес публики: все с энтузиазмом пытались разрешить загадку — кто скрывается под странным псевдонимом. Надо сказать, что сам Вальтер Скотт был чрезвычайно доволен своей мистификацией, поэтому даже тогда, когда большинство читателей уже «вычислило», кто автор знаменитых романов, многие люди при личной встрече с писателем предпочитали делать вид, будто ничего не знают.

В серию знаменитых романов входит множество произведений — Скотт писал их с поразительной скоростью (не более трех месяцев на роман). При этом он делал это ночами, соблюдая «конспирацию», чтобы окружающие не смогли заподозрить, кто истинный автор этих книг. В конечном итоге это привело к тому, что здоровье Скотта сильно ухудшилось.

Помимо «Уэверли» Скотт написал такие романы, как «Роб Рой», «Айвенго», «Пуритане», «Квентин Дорвард», «Гай Мэннеринг», «Антиквар», «Пертская красавица», «Пират» и многие другие.

Кроме художественных произведений, Скотт публиковал другие сочинения на исторические и историко-литературные темы: «Жизнь Наполеона Бонапарта» (в 9 томах), «История Шотландии» (в 3 томах), «Жизнеописания романистов» (в 4 томах) и другие. Помимо того, что Вальтер Скотт был очень плодовитым писателем, он по сей день остается и одним из самых знаменитых английских романистов.

Айвенго

Глава I

События, описанные в романе, относятся к концу царствования английского короля Ричарда I. В ту пору английский народ находился в достаточно печальном положении. Король Ричард Львиное Сердце был в плену у коварного и жестокого герцога Австрийского. Место заключения Ричарда было неизвестно. Принц Джон, брат Ричарда, вербовал себе сторонников, намереваясь в случае смерти Ричарда оспаривать престол.

Завоевание Англии норманским герцогом Вильгельмом усилило тиранию феодалов и углубило страдания низших сословий. Почти все без исключения саксонские принцы и саксонская знать были либо истреблены, либо лишены своих владений. Множество крестьян, доведенных до отчаяния притеснениями феодалов, объединялись в большие отряды, которые хозяйничали в лесах и пустошах.

Французский язык стал языком знати, рыцарства и даже правосудия, тогда как «несравненно более мужественная и выразительная англосаксонская речь была предоставлена крестьянам и дворовым людям». Однако необходимость обще-

ния между землевладельцами и порабощенным народом, который обрабатывал их землю, послужила основанием для постепенного образования наречия из смеси французского языка с англосаксонским, говоря на котором, они могли понимать друг друга. Так мало-помалу возник английский язык настоящего времени.

На поляне в лесу сидели двое простолюдинов. На шее у каждого виделось наглухо запаянное кольцо. На этом своеобразном воротнике у одного из них, свинопаса, было начертано саксонскими буквами: «Гурт, сын Беовульфа, прирожденный раб Седрика Ротервудского». У другого на руках виднелись серебряные браслеты, а на шее серебряный ошейник с надписью: «Вамба, сын Безмозглого, раб Седрика Ротервудского». К его шапке были прикреплены колокольчики. Вамба был шутom своего господина.

Пес Гурта разогнал свиней в разные стороны. Гурт с Вамбой попытались исправить положение. Собирая стадо, они обсуждали, как норманские слова влияют на язык саксов. Например, Вамба заметил, что «бык, пока его пасут рабы, вроде нас, носит свою саксонскую кличку “оке”, когда же он оказывается перед знатным господином, чтобы тот его отведал, бык становится пылким и любезным французским рыцарем “Биф”».

Глава II

К тому месту, где стояли шут и свинопас, подъехала группа всадников. Первый всадник, судя по его облачению — духовное лицо высокого ранга. «Его лицо так же мало говорило о смирении, как

и одежда о презрении к мирской роскоши. Спутником духовной особы был человек высокого роста, старше сорока лет, худощавый, сильный и мускулистый. Во взгляде его смелых, темных, пронизательных глаз можно было прочесть целую историю об испытанных и преодоленных опасностях. У него был такой вид, точно ему хотелось вызвать сопротивление своим желаниям только для того, чтобы смести противника с дороги, проявив свою волю и мужество... Вообще в наружности этого воина и его свиты было что-то дикое и чужеземное. Одежда его оруженосцев блистала роскошью, восточные слуги носили серебряные обручи на шеях и браслеты на полуобнаженных смуглых руках и ногах».

Первый всадник — широко известный всей округе аббат Эймер. В те времена не слишком строго относились к поведению монахов и священников, так что он пользовался доброй славой среди соседей. Его веселый и вольный нрав и постоянная готовность даровать отпущение мелких прегрешений делали его любимцем всех местных дворян. Дамы относились без излишней суровости к поведению человека, который не только являлся поклонником прекрасного пола, но и «умел прогонять смертельную скуку, часто одолевавшую женщин в старинных покоях феодальных замков».

Эймер и его спутник поинтересовались, как им проехать в замок Ротервуд, к хозяину Вамбы и Гурта, Седрику Саксу. Эймер представил своего спутника «наполовину монахом, наполовину воином», рыцарем Ордена Храма (Орден Храма (или орден Тамплиеров) возник в 1119 г. Обладал не только значительными земельными владениями,

но и большим политическим влиянием). Но шут, поколебавшись, указал всадникам неверную дорогу, чтобы они не побеспокоили его любимого хозяина и его воспитанницу, красавицу леди Ровену.

Всадники поскакали в направлении, указанном Вамбой. По пути Эймер рассказал своему спутнику, рыцарю Бриану де Буагильберу о Седрике Саксе. Седрик «похваляется своим кровным родством с тем самым народом, от которого многие из его соплеменников охотно отрекаются, чтобы избежать бедствий, выпадающих на долю побежденного. Леди Ровена поистине чудо красоты. Седрик ей не отец, а только дальний родственник, он изгнал из дому единственного сына только за то, что тот дерзнул поднять влюбленные глаза на эту красавицу».

Встреченный незнакомец вызвался проводить всадников в Ротервуд. Ему дали лошадь, и он с детства знакомыми ему тропинками вскоре привел своих спутников к величественному замку Ротервуд.

Глава III

Вся обстановка Ротервуда отличалась суровой саксонской простотой, которой гордился хозяин. В замке была приготовлена вечерняя трапеза для Седрика Сакса. По лицу Седрика было видно, что он «человек прямодушный, нетерпеливый и вспыльчивый. Он отличался крепким телосложением человека, привыкшего переносить суровые лишения на войне или усталость на охоте. Широкое лицо с большими голубыми глазами дышало смелостью и прямоотой и выражало такое благодушие, которое легко сменяется вспыш-

ками внезапного гнева. В его глазах блистали гордость и постоянная настороженность, потому что этот человек всю жизнь защищал свои права, посягательства на которые непрестанно повторялись. Седина едва пробивалась в волосах, хотя ему шел шестидесятый год».

Слуга доложил, что аббат Эймер и рыцарь Бриан де Буагильбер, командор ордена храмовников, с небольшой свитой просят оказать им гостеприимство и дать ночлег на пути к месту рыцарского турнира.

Имя де Буагильбера было хорошо известно Седрику. Он знал, что о рыцаре говорили немало и доброго и худого. По слухам, он зарекомендовал себя как один из храбрейших рыцарей ордена Храма, но погряз в обычных для храмовников пороках. Де Буагильбер был горд, дерзок, злобен и сластолюбив. Опасаясь ненужных последствий, Седрик передал Ровене, что не станет ожидать ее выхода к столу, «если только на то не будет ее особого желания». «Сегодня у нее будет особое желание, — ответила служанка, — последние новости из Палестины ей всегда интересно послушать».

Поздние гости вошли в зал.

Глава IV

Помимо аббата Эймера и рыцаря де Буагильбера в зал вошел и их проводник в одежде пилигрима. Чуть позже появилась леди Ровена. «Ровена была прекрасно сложена и высока ростом. Цвет ее кожи отличался ослепительной белизной. Ясные голубые глаза, опущенные длинными ресницами, смотрели из-под тонких бровей каштанового цвета, придававших выразительность ее лбу. Кроткое выражение больше всего шло к

ее лицу. Однако привычка ко всеобщему поклонению и к власти над окружающими придала этой саксонской девушке особую величавость, дополняя то, что дала ей сама природа. Густые волосы светло-русого оттенка, завитые изящными локонами, были украшены драгоценными камнями и свободно падали на плечи, что в то время было признаком благородного происхождения. К платью пунцового цвета была прикреплена легкая шелковая вуаль с золотым узором. Эту вуаль при желании можно было накинуть на лицо и грудь или набросить на плечи». В присутствии посторонних Ровена, как правило, прикрывала лицо в соответствии с обычаями того времени.

Гости заговорили о предстоящем рыцарском турнире, предложили сопровождать Седрика и Ровену на турнир, объясняя, что так они будут под надежной охраной. Седрик отклонил предложение, поскольку считал самого себя отважным бойцом. Кроме того, их с Ровеной будет сопровождать его сосед Ательстан Конингсбургский с такой свитой, что никому не придется бояться разбойников. Ровена попросила гостей сообщить последние новости о Палестине.

Разговор был прерван появлением слуги, который доложил, что у ворот стоит странник и умоляет впустить его на ночлег. Это еврей, он назвал себя Исааком из Йорка.

Глава V

Никто не знал, куда усадить еврея, поскольку находиться в обществе неверного считалось оскорбительным даже для простолюдина. Вмешался Вамба. Кивнув на слуг-азиатов, которые во-

шли в зал вместе с рыцарем де Буагильбером, шут заметил, что не понимает, чем «поклонники Махмуда и Термаганта лучше евреев — народа, когда-то избранного самим богом».

Вошел Исаак, худощавый старик высокого роста. «Черты его лица были тонкие и правильные; орлиный нос, пронизательные черные глаза, высокий лоб, изборожденный морщинами, длинные седые волосы и большая борода могли бы производить благоприятное впечатление, если бы не так резко изобличали его принадлежность к племени, которое в те темные века было предметом отвращения для суеверных и невежественных простолюдинов, а со стороны корыстного и жадного дворянства подвергалось самому лютому преследованию. Исаак стоял в стороне от всех, тщетно ожидая, не найдется ли для него местечка, где бы он мог присесть и отдохнуть. Наконец пилигрим, сидевший на скамье у камина, сжалился над ним и встал с места».

Эймер продолжал разговаривать с Седриком об охоте. Леди Ровена углубилась в беседу с одной из своих прислужниц, а надменный рыцарь Храма, поглядывая то на еврея, то на саксонскую красавицу, задумался. Он был поражен красотой Ровены и «проспорил» Эймеру золотую цепь (условием спора было признать или нет девушку первой красавицей). По просьбе Ровены пилигрим рассказал о доблести рыцарей короля Ричарда в Палестине. При этом де Буагильбер выглядел злым и растерянным.

Пилигрим перечислил поименно пятерых наиболее храбрых саксонских рыцарей. Шестой, по его словам, был совсем юный рыцарь, малоизвест-

ный и менее знатный. Бриан де Буагильбер объявил, что его звали рыцарь Айвенго. При этом храмовник снял с шеи золотую цепь и попросил аббата Эймера принять на хранение его залог в знак того, что, когда рыцарь Айвенго вступит на английскую землю, он немедленно будет вызван на бой с Брианом де Буагильбером.

Леди Ровена поручилась своим именем и доброй славой, что Айвенго даст этому гордому рыцарю желаемое удовлетворение.

Глава VI

Леди Ровена пожелала поговорить с пилигримом о рыцаре Айвенго. Но единственное, что смог вспомнить пилигрим, это то, что Айвенго похудел и стал смуглее с тех пор, как прибыл в Палестину в свите Ричарда Львиное Сердце. Его лицо было омрачено глубокой печалью. Но пилигрим не подходил к нему, потому что не был знаком с ним.

У слуг странник осведомился, где спят свинопас Гурт и Исаак. Еврею пилигрим посоветовал бежать из Ротервуда, потому что слышал, как де Буагильбер по-арабски приказал своим сарацинам схватить его и отвести в замок Филиппа де Мальвуазена или Реджинальда Фрон де Бефа. Эти рыцари пользовались дурной славой. Без сомнения, в их замках Исаака ожидали жестокие пытки с целью получения выкупа.

По требованию пилигрима Гурт выпустил его и еврея из замка. При этом пилигрим прошептал ему что-то на ухо по-саксонски. Гурт неожиданно поцеловал его руку с величайшим почтением. Пилигрим проводил Исаака в безопасное место — город Шеффилд.

Награды за спасение жизни старика пилигрим не требовал. Но Исаак догадался, что тот больше всего хотел иметь коня и вооружение. Под странническим одеянием молодого человека были спрятаны рыцарская цепь и золотые шпоры. Исаак написал записку, по которой богатый еврей Кирджат Джайрам выдал неизвестному рыцарю в долг доспехи и великолепного боевого коня.

Глава VII

На рыцарском турнире сражались рыцари-зачинщики Бриан де Буагильбер, Реджинальд Фрон де Беф, Филипп де Мальвуазен, Гуго де Гранмениль и Ральф де Випонту.

Мало-помалу галереи наполнились рыцарями и дворянами. Нижние галереи и проходы оказались битком набиты зажиточными иоменами (свободными земледельцами) и мелкими дворянами.

Появился принц Джон. «Даже те, кто замечал в наружности принца выражение разнузданной дерзости, крайнего высокомерия и полного равнодушия к чувствам других людей, не могли отрицать того, что он не лишен некоторой привлекательности, свойственной открытым чертам лица, правильным от природы и приученным воспитанием к выражению приветливости и любезности, которые легко принять за естественное простодушие и честность. Такое выражение лица часто и совершенно напрасно также принимают за признак мужественности и чистосердечия, тогда как под ними обычно скрываются беспечное равнодушие и распущенность человека, сознающего себя, независимо от своих душевных качеств, стоящим выше других благодаря знатности проис-

хождения, или богатства, или каким-нибудь иным случайным преимуществам».

Исаак, богато разодетый, протискивался сквозь толпу, стараясь найти место в переднем ряду нижней галереи для своей дочери. «Прекрасная Ревекка могла с честью выдержать сравнение с самыми знаменитыми английскими красавицами. Она была удивительно хорошо сложена, и восточный наряд не скрывал ее фигуры». Исаак неосторожно толкнул норманского дворянина. Готова была вспыхнуть ссора, но вмешался Джон.

Принц решил, что его «денежный вельможа и его хорошенькая еврейка получают места на верхней галерее». Он пытался выгнать «саксонских мужланов — Седрика Сакса и Ательстана Конингсбургского, который, как потомок последнего короля саксонской династии, пользовался величайшим почетом со стороны всех саксов, уроженцев северной Англии». Шут Вамба предотвратил несчастье неожиданным вмешательством: он выскочил вперед и, став между своим хозяином и Исааком, выхватил из-под полы плаща большой кусок свинины и поднес его к самому носу Исаака. Исаак резко попятился назад, оступился и покатился вниз по лестнице. Ссора окончилась всеобщим хохотом.

Глава VIII

Принц Джон напомнил аббату Эймеру о необходимости назначить королеву любви и красоты, которая будет на второй день турнира раздавать награды. Джон хотел отдать этот титул Ревекке, но тут даже свита принца зароптала. Рыцарь де Браси посоветовал принцу оставить трон незаня-

тым, и пусть тот, кто выйдет победителем, сам изберет королеву.

Правила турнира были таковы. Пять рыцарей-зачинщиков вызывают на бой всех желающих. Каждый рыцарь, участвующий в турнире, имеет право выбрать себе противника из числа пяти зачинщиков. Если рыцарь прикоснулся к щиту острием копья, это значило, что он желает биться насмерть. На другой день состоится всеобщий турнир; в нем смогут принять участие все присутствующие рыцари. Королева любви и красоты увенчает рыцаря, которого принц признает наиболее доблестным из всех, лавровым венком из чистого золота. На третий день были назначены состязания в стрельбе из луков, бой быков и другие развлечения для простого народа.

Победа долгое время оставалась на стороне рыцарей-зачинщиков. Среди зрителей начался ропот; дело в том, что из числа пяти зачинщиков Мальвуазен и Фрон де Беф не пользовались расположением народа за свою жестокость, а остальных, кроме Гранмениля, не любили, потому что они были чужестранцы. Седрик Сакс, хотел, чтобы Ательстан попытался вырвать победу из рук храмовника и его товарищей. Но Ательстан был так ленив и настолько лишен честолюбия, что не мог этого сделать. Принц Джон со своими приближенными начал толковать о присуждении приза Бриану де Буагильберу.

В это время подъехал новый рыцарь. На нем был стальной панцирь с богатой золотой насечкой. Девиз на его щите изображал молодой дуб, вырванный с корнем, под которым была надпись на испанском языке: «Лишенный наследства».

Ехал он на превосходном вороном коне. Ловкость, с которой он управлял лошадью, и юношеская грация его движений сразу расположили к нему сердца большинства зрителей. Рыцарь ударил острым концом своего копья в щит Бриана де Буагильбера. Во время схватки сразу стало ясно, что преимущество на стороне неизвестного рыцаря. Де Буагильбер был повержен.

Вслед за тем Рыцарь Лишенный Наследства одержал легкую, но решительную победу над остальными четырьмя рыцарями-зачинщиками. При этом он продемонстрировал столько же великодушия, сколько до сих пор выказывал мужества и ловкости. У Гранмениля лошадь была молодая и слишком горячая. Во время стычки она так шарахнулась в сторону, что всадник не мог попасть в цель, противник же его, вместо того чтобы воспользоваться таким преимуществом, поднял копье и проехал мимо. Гранмениль признал себя побежденным не только искусством, но и любезностью своего противника.

Тысячи радостных голосов приветствовали решение принца, присудившего приз этого дня Рыцарю Лишенному Наследства.

Глава IX

Распорядители турнира первыми поздравили победителя. Они попросили его снять шлем или поднять забрало, прежде чем он предстанет перед принцем Джоном, чтобы получить из его рук приз. Однако Рыцарь Лишенный Наследства с изысканной вежливостью отклонил их просьбу. Двое богато одетых конюхов вывели на арену великолепного коня в полном боевом снаряжении

самой тонкой работы. Принц Джон надел на конец копья венец из зеленого атласа, который был окружен золотым обручем, украшенным зубцами в виде сердец и наконечников стрел, — корону королевы красоты. Ее победитель должен был надеть на самую, по его мнению, красивую женщину из присутствовавших на турнире. Джон рекомендовал ему выбрать Алисию, дочь могущественного советника принца Вальдемара Фиц-Урса. Но рыцарь остановился перед балконом, где сидела леди Ровена, и положил венец к ее ногам. Герольды провозгласили леди Ровену королевой любви и красоты.

Принц Джон пригласил рыцаря, Ровену и Седрика принять участие в пиршестве вместе с ним и его свитой. Однако и победитель, и королева вежливо отклонили приглашение Джона, ссылаясь на усталость.

Глава X

Едва Рыцарь Лишенный Наследства вошел в свой шатер, как явились оруженосцы побежденных им рыцарей с конями и оружием. По правилам рыцарства, ему предоставлялось право удерживать их при себе или взять за них выкуп. Всем, кроме оруженосца де Буагильбера, рыцарь сообщил, что возьмет незначительный выкуп от их хозяев. От де Буагильбера он не принял ни доспехов, ни выкупа, поскольку тот — его смертельный враг.

Гурт самовольно ушел от Седрика и стал оруженосцем Рыцаря Лишенного Наследства. Тот передал ему мешок с золотом для Исаака за коня и доспехи, которые он достал рыцарю в долг. Иса-

ак несказанно удивился, что рыцарь вернул ему деньги. Выходя, Гурт заметил Ревекку. Она спросила его, каким образом рассчитался он с Исааком, и Гурт передал ей все подробности дела. Девушка вернула ему сотню цехинов (цехин — старинная венецианская золотая монета).

Глава XI

Ночные приключения Гурта этим не кончились. На него напали разбойники. Они спросили, сколько у Гурта с собой денег и кто его хозяин. Им показалось странным, что победитель турнира не взял доспехи и коня храмовника Бриана де Буагильбера. Гурт объяснил, что его хозяин и храмовник находились в смертельной вражде, и потому между ними не могло быть мира. Атаман разбойников объяснил своим сподвижникам, что этот рыцарь так же беден и обездолен, как они сами, он добывает себе хлеб насущный острым мечом. Это он побил Фрон де Бефа и Мальвуазена так, как разбойники сами побили бы, если б могли. Они должны уважать рыцаря за то, что он объявил вражду не на жизнь, а на смерть Бриану де Буагильберу. Поэтому благородные разбойники не вправе обирать его оруженосца.

Атаман предложил Гурту и своему сподвижнику Мельнику оттузить друг друга дубинками, чтобы окончательно решить, следует ли обирать Гурта или нет. Долго противники сражались с равным успехом. Наконец Гурт проворно перехватил дубину в правую руку и изо всей силы треснул Мельника по голове. Противник растянулся на траве. Предводитель разбойников отпустил Гурта невредимым и посоветовал помалкивать о том, что с ним приключилось.

На второй день турнира все желавшие померяться силами рыцари разделились на две партии, которые должны были сражаться друг с другом. В соответствии с обычаями турниров Рыцарь Лишенный Наследства был признан главой первой партии, Бриан де Буагильбер, как лучший после него боец предыдущего дня, назначен был главой второй. Ательстан облекся в боевой панцирь и заявил, что станет в ряды бойцов. К немалому удивлению Седрика, он записался в партию Бриана де Буагильбера. Хотя по вялости характера Ательстан ничем не проявил своей особой преданности леди Ровене, тем не менее он был далеко не равнодушен к ее красоте. Ательстан считал, что его брак с Ровеной дело решенное, так как Седрик и другие родственники красавицы выразили свое согласие.

Красивое и вместе с тем устрашающее зрелище представляли эти рыцари, молодежавшие сидевшие на конях, в богатых доспехах, готовые устремиться в ожесточенный бой. Передние ряды обеих партий полным галопом понеслись друг на друга и сшиблись посреди арены с такой силой, что гул был слышен за целую милю.

Битва шла с переменным успехом. Но мало-помалу ряды сражавшихся стали редеть: одни признали себя побежденными, других прижали к ограде в конце арены, третьи лежали на земле раненые, и храмовник с Рыцарем Лишенным Наследства сошлись наконец лицом к лицу.

Соперники схватились со всей яростью смертельной вражды. Искусство, с каким они наноси-

ли и отражали удары, было таково, что у зрителей невольно вырывались единодушные возгласы восторга и одобрения. Но именно в эту минуту партия Рыцаря Лишенного Наследства оказалась в очень трудном положении: на одном фланге его сторонников теснила богатырская рука Реджинальда Фрон де Бефа, на другом могучий Ательстан опрокидывал и рассеивал всех, попадавшихся ему на пути. Оба эти рыцаря повернули коней и с разных сторон помчались на Рыцаря Лишенного Наследства. Невероятно, чтобы один человек мог устоять против такого неожиданного и неравного нападения, если бы его не предупредили общие крики зрителей. Из всей силы ударив храмовника, он осадил свою лошадь назад и увернулся от нападения Ательстана и Реджинальда Фрон де Бефа. Вся знать стала единодушно упрашивать принца Джона поскорее бросить жезл на арену (тогда бой следовало прекратить), чтобы спасти доблестного рыцаря от бесславного поражения, вызванного численным превосходством противников. Но принц медлил. Рыцарь Лишенный Наследства не нравился ему. Джон хотел, чтобы он был повержен.

Тогда один рыцарь в черном (по прозвищу Черный Лентяй) из числа сторонников Рыцаря Лишенного Наследства помчался на помощь своему предводителю. Фрон де Беф, оглушенный яростным ударом, рухнул на землю вместе с лошадью. Тогда Черный Лентяй направил коня к Ательстану Конингсбургскому. Бросив меч, следовавший в схватке с Фрон де Бефом, он выхватил из рук увальня сакса тяжелую секиру и так ударил его по гребню шлема, что Ательстан без чувств растянулся на земле.

Черный Рыцарь спокойно отъехал в северный конец ристалища, предоставляя своему предводителю самому расправиться с Брианом де Буагильбером. Лошадь храмовника свалилась. Бриан де Буагильбер скатился на землю. Его противник мигом соскочил с коня и, занеся меч над головой поверженного врага, велел ему сдаваться. Тогда Джон избавил Буагильбера от унижения признать себя побежденным: принц бросил на арену свой жезл и тем положил конец состязанию.

Теперь принцу Джону предстояло рассудить, кто из рыцарей наиболее отличился в бою. Он решил отдать пальму первенства Черному Лентяю. Некоторые из присутствовавших возражали принцу, указывая, что честь победы на турнире принадлежала рыцарю Лишенному Наследства. К удивлению всех присутствующих, Черного Рыцаря нигде не могли отыскать. Нельзя было откладывать признание прав Рыцаря Лишенного Наследства, и он был провозглашен героем дня.

Ровена сошла с возвышения и собралась возложить венец на шлем рыцаря. Но тут все распорядители воскликнули в один голос, что нужно, чтобы он обнажил голову. Слабый крик вырвался из груди Ровены, когда она увидела, кто скрывался под шлемом Рыцаря Лишенного Наследства. Она узнала своего возлюбленного — Айвенго. Ровена опустила на его голову великолепный венок, назначенный в награду победителю, и сказала, что никогда венец рыцарства не был возложен на более достойное чело. Израненный, потерявший много крови, Айвенго упал в обморок.

Принц Джон не подозревал, что под доспехами победителя скрывался любимец его брата, короля Ричарда. Вальдемар Фиц-Урс, ходивший из любопытства взглянуть на Айвенго, воротился в ложу принца и сказал, что рыцарь, вероятнее всего, смертельно ранен, но уже унесен с ристалища и находится на попечении друзей.

Принцу передали записку: на печати были изображены три лилии. Принц с явным волнением развернул письмо и, когда прочел его, встревожился еще сильнее. Записка гласила, что король Ричард получил свободу. Принцу требовалось срочно связаться со всеми своими союзниками внутри страны и получить их поддержку. Он распорядился, чтобы состязание в стрельбе из луков состоялось в тот же день.

Выступая один за другим, стрелки уверенно посылали в цель свои стрелы. Лучше других стрелял Губерт, лесничий, состоявший на службе у Мальвуазена. Однако его обошел дерзкий иомен Локсли, смело и открыто разговаривавший с самим принцем Джоном. Локсли пустил стрелу в цель с беспечным видом, почти не целясь. Его стрела вонзилась в мишень на два дюйма ближе к центру, чем у Губерта. Вторая стрела Локсли расщепила торчащую в мишени стрелу лесничего. Зрители, теснившиеся вокруг, были так потрясены этим чудом искусства, что даже не выражали своего изумления обычными в таких случаях возгласами.

Принц пригласил Локсли на службу в свою дружину. Но тот вежливо отказался, мотивируя

отказ тем, что дал обет, что если когда-либо поступит на службу, то не иначе, как к королю Ричарду.

Глава XIV

Принц Джон задал роскошный пир в замке Ашби. «Приглашено было множество гостей. Принц Джон, сознавая необходимость снискать популярность среди местного населения, пригласил несколько знатных семейств саксонского и датского происхождения, а также местных нетитулованных дворян». В связи с этим принц намеревался обойтись со своими гостями-саксами с непривычной любезностью. «Не было человека, который мог бы с такой готовностью, как принц Джон, подчинять свои чувства корыстным интересам, но свойственные ему легкомыслие и вспыльчивость постоянно разрушали и сводили на нет все, что успевало завоевать его лицемерие.

В этом смысле особенно показательно было его поведение в Ирландии, куда послал его отец, Генрих II, с целью завоевать симпатии жителей этой страны, только что присоединенной к Англии. Ирландские вожди старались оказать юному принцу всевозможные почести, выразить верноподданнические чувства и стремление к миру. Вместо того чтобы любезно отнестись к встретившим его ирландским вождям, принц Джон и его свита не могли удержаться от искушения подергать их за длинные бороды. Подобное поведение, разумеется, жестоко оскорбило именитых представителей Ирландии и роковым образом повлияло на отношение этой страны к английскому владычеству.

Леди Ровена по нездоровью не могла принять его приглашение. Седрик и Ательстан присутствовали на пиру в старинной саксонской одежде. Их костюмы, сшитые из дорогой материи, вовсе не были безобразны, но по своему покрою они так отличались от модных нарядов остальных гостей, что принц и Вальдемар Фиц-Урс при виде саксов насилу удержались от смеха. Норманские дворяне, привыкшие к большой роскоши, были довольно умеренны в пище и питье. Они охотно предавались удовольствию хорошо поесть, но отдавали предпочтение изысканности, а не количеству съеденного. Норманны считали обжорство и пьянство отличительными признаками побежденных саксов и считали эти качества свойственными низшей породе людей.

Норманские рыцари и дворяне со смехом смотрели на бесхитростное поведение Седрика и Ательстана, не привыкших к подобным пирам. Эти не обученные хорошим манерам саксы несколько раз погрели против условных правил, установленных для хорошего общества. Между тем, как известно, человеку несравненно легче прощаются серьезные преступления против благовоспитанности или даже против нравственности, нежели незнание малейших предписаний моды или светских приличий. Седрик после мытья рук обтер их полотенцем, вместо того чтобы обсушить их, изящно помахав ими в воздухе».

За круговой чашей гости разговорились о подвигах прошедшего турнира, о неизвестном победителе в стрельбе из лука, о Черном Рыцаре, отказавшемся от заслуженной славы, и о доблестном Айвенго, купившем победу столь дорогой ценой. Один принц

Джон сидел, угрюмо нахмурясь. Видно было, что какая-то тяжкая забота легла на его душу.

Джон спросил о причине изгнания Айвенго из родительского дома. Седрик не считал сыном непокорного юношу, который отрекся от нравов и обычаев предков. Он покинул отчий дом и присоединился к легкомысленным дворянам, составляющим двор Ричарда. Одной из главных причин ссоры отца с сыном послужило унижительное согласие Айвенго принять на правах вассала те поместья, которыми его предки владели по праву.

Придворные с любезными улыбками наперебой изощрялись в насмешках над прямодушным Седриком. Он побагровел от гнева. Чтобы сгладить ситуацию, Джон попросил Седрика поднять кубок за здоровье какого-нибудь, по мнению Седрика, достойного норманна. Седрик произнес здравицу в честь Ричарда Львиное Сердце. Некоторые, в том числе Фрон де Беф и храмовник, вовсе не притронулись к своим кубкам. Однако никто не дерзнул открыто возразить против тоста в честь законного короля.

Джон позвал Фиц-Урса для беседы с глазу на глаз. Принц крайне обеспокоился тем, с какой готовностью дворяне поддерживали тост за Ричарда. Фиц-Урс, обращаясь к рыцарю де Браси, заметил, что и сам принц порядком струсил. От одного имени брата его трясло как в лихорадке. Фиц-Урс понял, как плохо быть советником принца, которому не хватает твердости и постоянства как в добрых, так и в худых делах.

Глава XV

«Никогда паук не затрачивал столько усилий на восстановление своей разорванной паутины,

сколько затратил Вальдемар Фиц-Урс, чтобы собрать разбежавшихся сторонников клики принца Джона. Немногие из них присоединились к нему, разделяя его стремления, и никто из личной привязанности. Оратор выставлял доводы, стараясь приспособиться к воззрениям каждого. Большинство из дворян согласилось явиться в Йорк, где они должны были окончательно договориться о короновании принца Джона».

О принце Джоне рыцарь де Браси и Фиц-Урс одного мнения. Джон «слишком слабый человек, чтобы стать решительным монархом, слишком деспотичен, чтобы быть приятным монархом, слишком самонадеян и дерзок, чтобы быть популярным монархом, и слишком неустойчив и труслив, чтобы долгое время оставаться монархом. Но это тот монарх, в царствование которого Фиц-Урс и де Браси надеялись возвыситься и процветать», а потому Фиц-Урс помогал ему своей политикой, а де Браси копьями своих вольных дружинников.

Де Браси отметил, что таких знатных саксов, как Седрик и Ательстан, в стране совсем мало, а чтобы довершить дело завоевания, нужно, чтобы ни одного не осталось. Он задумал напасть на них по дороге с турнира под видом разбойника и отнять у них красавицу Ровену. Во всем будут винить разбойников из йоркширских лесов. Этот план составил Бриан де Буагильбер. Он поможет де Браси совершить нападение: сам будет изображать со своими людьми разбойников, а де Браси, переменяя платье, отобьет у них красавицу.

Однако Фиц-Урс посоветовал ему ни на минуту не оставлять Ровену в руках своего сомни-

тельного союзника. Возможно, де Браси посчастливится отнять ее у саксов, вырвать Ровену из когтей Буагильбера будет практически невозможно. «Это такой сокол, который привык сам хватать куропаток и умеет крепко держать свою добычу».

Глава XVI

Черный Лентяй, оказав помощь Айвенго, тотчас покинул арену и скоро углубился в лес, держа путь к северу, избегая проторенных дорог. Рыцарь подъехал к хижине, перед дверью которой воткнуто было в землю очищенное от ветвей деревце с перекладиной наверху, служившее бесхитростной эмблемой креста.

Рыцарь попросил отшельника — обитателя хижины — проявить милосердие и гостеприимство. Отшельник долго не открывал ему дверь, ссылаясь на то, что гостя нечем угостить. Рыцарь ударил в дверь ногой. Дверь распахнулась, и перед рыцарем предстал отшельник — человек высокого роста, крепкого телосложения, в длинной власянице, подпоясанной соломенным жгутом. В одной руке он держал зажженный факел, а в другой толстую и увесистую дубинку. Они уселись и некоторое время внимательно смотрели друг на друга. Каждый из них думал, что редко ему случалось встречать более крепкого и атлетически сложенного человека, чем тот, который в эту минуту сидел перед ним.

Отшельник принес миску с горохом. Он произнес длинную молитву, от латинского языка которой осталось всего лишь несколько слов. По окончании молитвы монах показал гостю пример,

скромно положив себе в рот с белыми и крепкими зубами, похожими на кабаньи клыки, три или четыре горошины. Лицо и могучее сложение отшельника говорили скорее о сочных кусках мяса и окороках, нежели о горохе и бобах, и это сразу бросилось в глаза рыцарю.

Отшельник назвался причетником из Копменхерста. Черный Рыцарь быстро выведал, что на самом деле у мнимого отшельника полно еды в закромах. Чтобы избавить рыцаря от греха излишнего любопытства, отшельник открыл и другой потайной чулан и вынул оттуда два палаша и два щита. Рыцарь обещал, что не станет больше приставать с обидными расспросами. Кроме того, он заметил в шкафу арфу, на которой состязаться с хозяином гораздо сподручнее, чем на мечях.

Глава XVII

Гость привел струны арфы в порядок и спросил хозяина, что ему спеть — сервенту на языке ок, виреле, или балладу на простонародном английском языке (сирвента — жанровая форма поэзии провансальских трубадуров XII в. Сирвенты писались на политические и военные темы. Ок — язык, распространенный в средневековом Провансе, где в XII в. получила большое развитие рыцарская поэзия. Виреле — старофранцузская стихотворная форма, состоящая из трех трехстиший). Отшельник желал услышать балладу. Черный Рыцарь очень выразительно спел балладу «Возвращение крестоносца» — о том, как рыцарь был «подвигнут на славный бой» прекрасными очами своей возлюбленной.

Когда баллада была пропета до конца, пустынный решительно заявил, что песня хороша и спе-

та отлично. По его мнению, однако, саксы слишком долго водились с норманнами и стали на их манер сочинять печальные песенки. С этими словами отшельник взял арфу и позабавил гостя песенкой «Босоногий монах». Содержание ее сводилось к следующему: монах «счастливее всех», потому что «если дама в слезах, утешит ее босоногий монах», «чужое добро он сочтет за свое, за ужином пьет он отменнейший эль, и мягкую стелют монаху постель, хозяина выгонят вон впопыхах, чтоб сладко поспал босоногий монах».

Попойка продолжалась на славу. Много песен было спето Черным Рыцарем и веселым отшельником. Но вдруг их веселую пирушку нарушил сильный стук в дверь лачуги.

Глава XVIII

Когда Седрик Сакс увидел, как его сын упал без чувств на турнире, он вначале хотел послать своих людей позаботиться о нем, но затем передумал. В присутствии такого общества Седрик не мог заставить себя признать сына, которого изгнал из дома и лишил наследства. Толпа разошлась, а Айвенго уже нигде не было видно. Он, по-видимому, находился на попечении друзей. Чувства оскорбленной гордости и негодования, вызванные тем, что Седрик называл «сыновней непочтительностью Уилфреда» (т. е. нежелание следовать обычаям предков), снова взяли верх над родительской привязанностью.

Седрик возвратился с пиршества у принца в плохом настроении, и ему нужен был повод, чтобы выместить на ком-нибудь свой гнев. В этот момент беглый Гурт (который ушел от хозяина,

чтобы стать оруженосцем Айвенго) в первый раз попался на глаза Седрику. Седрик приказал заковать беглого раба в кандалы. Когда же разгневанный Сакс заметил в стороне собаку Гурта, с которой тот пас свиней, он пустил в нее дротик. Дротик задел плечо собаки и едва не пригвоздил ее к земле. Бедный пес взвыл и опрометью кинулся прочь с дороги разгневанного Седрика.

У Гурта сердце облилось кровью при этом зрелище. Гурт заявил Вамбе, чтобы тот передал хозяину, «что Гурт ни из любви, ни из страха не станет больше служить ему. Он может снять с него голову, может отстегать плетью, может заковать в цепи, но он Седрику больше не слуга».

«Между тем Седрик и Ательстан, ехавшие впереди, беседовали о состоянии страны, о несогласиях в королевской фамилии, о расприх и вражде среди норманских дворян; они обсуждали, возможно ли во время приближавшейся междоусобной войны избавиться от норманского ига или по крайней мере добиться большей национальной независимости.

Говоря о подобных предметах, Седрик всегда воодушевлялся. Восстановление независимости саксов было кумиром его души, и этому кумиру он добровольно принес в жертву свое семейное счастье и судьбу своего сына. Но для того чтобы осуществить этот великий переворот в пользу коренных англичан, необходимо было объединиться и действовать под водительством вождя, и этот вождь должен был происходить из древнего королевского рода». На роль такого вождя Седрик прочил Ательстана, прямого потомка последнего саксонского короля. «Но каковы бы ни были до-

стоинства Ательстана, многие из саксов склонны были признавать первенство за леди Ровеной. Она происходила от короля Альфреда, а ее отец настолько прославился своей мудростью, отвагой и благородным нравом, что память его высоко чтили все его соотечественники.

Если бы Седрик захотел, ему бы ничего не стоило стать во главе третьей партии, не менее сильной, чем две другие. За Ательстана и леди Ровену говорило их королевское происхождение, но он мог противопоставить им свою храбрость, деятельный нрав, энергию и, главное, ту страстную преданность делу, которая заставила земляков прозвать его Саксом.

Однако даже тень тщеславного себялюбия была чужда Седрику, и, вместо того чтобы еще более разъединить свой и без того слабый народ созданием собственной партии, Седрик стремился устранить уже существовавший раскол; важной частью его плана было выдать леди Ровену замуж за Ательстана и таким образом слить воедино обе партии. Препятствием к его осуществлению послужила взаимная привязанность леди Ровены и его сына. Это и было главной причиной изгнания Уилфреда из родительского дома. Ровена высказала возмущение и негодование. Она решительно противилась всякому давлению и наотрез отказалась давать кому-либо право направлять ее привязанности. Ровена, одаренная большим здравым смыслом, считала планы Седрика совершенно неосуществимыми, а для себя лично нежелательными».

Сам Ательстан считал, что цель его — восшествие на престол и брак с Ровеной — уже практи-

чески достигнута. «Но лишь только начинали обсуждать планы, как возвести его на королевский престол, тут он оказывался все тем же Ательстаном Неповоротливым, туповатым, нерешительным и непредприимчивым».

Глава XIX

По пути с турнира в Ротервуд Седрик, леди Ровена и Ательстан со свитой должны были углубиться в дремучие леса, которые в то время считались крайне опасными из-за множества разбойников.

Продолжая углубляться в лес, путешественники встревожились, услышав крики о помощи. Подъехав к тому месту, откуда раздавались голоса, они увидели лежащие на земле конные носилки. Рядом с ними на траве сидела молодая женщина в богатой еврейской одежде, а немного подальше метался старик. Это были Исаак из Йорка и его дочь красавица Ревекка. Исаак объяснил, что в Ашби он нанял шесть человек вооруженной стражи на мулах и конные носилки для перевозки больного друга. Нанятые люди взялись проводить его до города Донкастера. До сих пор они ехали вполне благополучно, но встречный дровосек сказал им, что тут, в лесу, засела большая шайка разбойников. Наемные слуги выпрягли лошадей из носилок и бежали, покинув Исаака с дочерью. Теперь они не могли ни защищаться, ни продолжать свой путь, каждую минуту ожидая нападения разбойников, которые могли их ограбить и даже убить.

Седрик и Ровена, несмотря на страх, вызванный упоминанием о разбойниках, согласились

оказать Исааку помощь. Ревекка пробралась сквозь толпу слуг к лошади Ровены, опустилась на колени и, по восточному обычаю, поцеловала край одежды саксонской леди. Ревекка просила ее «во имя откровения на горе Синай, в которое они обе веруют, сжалиться над ними и позволить им ехать под охраной их отряда». Ревекка произнесла загадочную фразу: «Ради этого больного человека, позвольте нам продолжать путь под вашим покровительством. Если с ним приключится беда, то и последние минуты вашей жизни будут отравлены мыслью, что вы не исполнили того, о чем я прошу вас».

Ательстан потребовал, чтобы евреи ехали позади всех: там их будет сопровождать Вамба со своим щитом из свинины. Но шут ответил, что свой щит оставил на ристалище — таков же был удел и многих других рыцарей. Ательстан густо покраснел, так как его самого постигла такая участь на второй день турнира.

Разбойники неожиданно появились перед путешественниками и отважно и быстро расправились с ними. Это были переодетые люди де Браси и де Буагильбера. Вамба улучил удобную минуту, спрыгнул с лошади и скрылся в кустах. Его примеру последовал Гурт. Гурт раздумал покидать своего хозяина, потому что тот попал в беду. Теперь их с Вамбой было только двое, но внезапное нападение смелых людей на разбойников могло изменить многое. Гурт призвал шута немедленно отправляться выручать Седрика.

Посоветовавшись, друзья решили, что все же такое нападение неразумно. В лесу они встретили другую шайку. По роскошной перевязи с велико-

лепным охотничьим рогом, спокойным манерам, повелительному голосу Вамба тотчас узнал в предводителе иомена Локсли, который одержал победу на состязании стрелков. Гурт вначале опасался довериться ему, но шут разубедил его. За последнее время Вамба убедился, что настоящие разбойники не самые плохие люди. Локсли принял решение выручить Седрика из беды при помощи своих товарищей.

Глава XX

Слуги Седрика, следуя за Локсли, часа через три добрались до небольшой поляны среди леса. В центре ее рос огромный дуб. Под деревом на траве лежали четверо или пятеро иоменов, а поблизости медленно расхаживал часовой.

Заслышав приближение шагов, он тотчас поднял тревогу. Спящие проснулись, вскочили на ноги, и разом натянули луки. Шесть стрел легли на тетиву и направились в ту сторону, откуда слышался шорох, но как только стрелки завидели и узнали Локсли, они приветствовали его с глубоким почтением.

Локсли распорядился, чтобы двое из его товарищей отправились к Торклистону, замку рыцаря Фрон де Бефа. Он объяснил, что «отряд перодетых молодцов везет туда несколько человек пленных». За ними необходимо наблюдать. Даже если отряд доберется до замка, прежде чем лесные братья успеют собраться с силами, честь обязывает их покарать обидчиков Седрика Сакса.

Сам Локсли и слуги Седрика, глядевшие на него теперь с величайшим почтением и некоторой боязнью, отправились к часовне урочища

Копменхерст. В эту минуту отшельник и его гость во все горло распевали старинную застольную песенку. Заслышав стук в дверь, мнимый праведник громовым голосом затянул псалом: «Из бездны воззвал...» и принялся уничтожать следы пиршества. Черный Рыцарь, смеясь от души, продолжал облекаться в свои боевые доспехи, усердно подтягивая хозяину всякий раз, как успевал подавить душивший его хохот.

Локсли приказал отпереть дверь. Узнав его, отшельник сразу успокоился. Однако этого нельзя было сказать о самом отважном иомене. Отшельник не должен принимать неизвестного рыцаря, таковы правила «лесных братьев». Отшельник заступился за своего гостя. Тот не устал восхищаться, как быстро отшельник превратился из монаха в разбойника. По словам мнимого отшельника, «стоит исповедать грехи зеленого кафтана моему же серому балахону, и все будет ладно».

Пока отшельник переодевался, Локсли отвел рыцаря в сторону и сказал ему, что догадался, что он тот самый герой, благодаря которому победа осталась за англичанами на второй день турнира в Ашби. Локсли рассказал ему, что шайка переодетых негодяев захватила в плен знатного англичанина по имени Седрик Сакс, а также его воспитанницу и его друга, Ательстана Конингсбургского, и увезла их в один из замков. Рыцарь поверил Локсли и, ни о чем его не спрашивая, согласился помочь освободить пленников.

Глава XXI

Вооруженный отряд, взявший в плен Седрика и его спутников, спешил к укрепленному замку,

где предполагалось держать их в заключении. Но вскоре наступила полная темнота, а лесные тропинки были, очевидно, мало знакомы похитителям. Несколько раз они останавливались и раза два поневоле возвращались назад.

Де Браси заявил, что он передумал и не расстанется с де Буагильбером, пока добыча не будет доставлена в замок Фрон де Бефа. Тогда де Браси предстанет перед леди Ровеной в своем настоящем виде и скажет, что всему виной сила его страсти. Де Браси имел слишком ясное понятие о нравственности рыцарей-храмовников, и не хотел дать возможность де Буагильберу отбить у него красавицу.

Однако де Буагильбер и не собирался воевать за леди Ровену. В числе пленных у него еще лучшая добыча — прелестная еврейка Ревекка. Его привлекают и денежные мешки старого ростовщика Исаака, и черные очи его дочери.

Седрик всячески старался выпытать от окружавшей его стражи, что они за люди и с какой целью совершили нападение. Но ни гневом, ни уговорами он не добился своей цели. Они продолжали быстро везти его вперед, пока впереди не возник Торкилстон — древний замок, принадлежавший Реджинальду Фрон де Бефу. Как только Седрик завидел очертания поросших мхом зубчатых серых стен замка, ему все сразу стало понятно.

Стража сообщила Ательстану и Седрику, что их поместят отдельно от леди Ровены. Сопротивляться было бесполезно. Потом леди Ровену разлучили и с ее служанками и проводили очень вежливо, но не спросив о ее желании, в отдельную комнату.

Такой же сомнительный почет был оказан и Ревекке, невзирая на мольбы ее отца. Старик в отчаянии предлагал даже деньги, лишь бы дочери дозволено было оставаться при нем.

Седрик рассказал Ательстану, что в зале этого замка пировал его дед с Торкилем Вольфгангером, который угощал здесь доблестного и несчастного Гарольда. (Гарольд — последний англосаксонский король, погибший в битве при Гастингсе. Тости — претендент на англосаксонский престол, которого поддерживала Норвегия (XI в.). Гарольд, правивший в то время Англией, нанес поражение войскам Тости, но затем сам был разбит Вильгельмом Завоевателем). Гарольд шел тогда воевать с норвежцами, ополчившимися против него под предводительством своего брата-бунтовщика Тости. В этом самом зале Гарольд принял посла своего восставшего брата. Гарольд дал ему великодушный и благородный ответ, что Тости, если сложит оружие и будет просить мира, может рассчитывать на братскую любовь и на графство Нортумберлендское в придачу. На вопрос же, какие земельные угодья дарует Гарольд Хардреду (норвежскому королю), Гарольд решительно ответил: «Семь футов английской земли!» Смущенный посланец ретировался, унося с собой для Тости и его союзника злоеший ответ оскорбленного брата. И состоялась лютая схватка, во время которой, показав чудеса храбрости, пали и король норвежский и Тости, а с ними десять тысяч лучшего их войска. «И кто бы подумал, что в тот самый день, когда одержана была это великая победа, тот самый ветер, что развеивал победные саксонские знамена, надувал и норманские пару-

са, направляя их суда к роковым берегам Сассекса! Кто бы подумал, что через несколько дней сам Гарольд лишится своего королевства и получит взамен столько английской земли, сколько назначил в удел своему врагу норвежскому королю!»

Седрик продолжал сокрушаться: «Мы принимали этих чужестранцев с распростертыми объятиями. Они нам были и друзья и доверенные слуги, мы учились у них ремеслам, приглашали их мастеров. В конце концов мы стали относиться с пренебрежением к честной простоте наших славных предков; норманское искусство изнежило нас гораздо раньше, чем норманское оружие нас покорило. Лучше было бы нам жить мирно и свободно, питаться домашними яствами, чем привыкать к заморским лакомствам, пристрастие к которым связало нас по рукам и по ногам и предало в неволю иноземцу! Увы, — продолжал он, с сожалением глядя на Ательстана, — как жаль, что такой вялый дух обитает в столь величественной оболочке! И надо же, чтобы великое дело возрождения Англии зависело от работы такого скверного рычага! Если он женится на Ровене, ее возвышенный дух еще может пробудить в нем лучшие стороны его натуры...»

Седрик велел передать Фрон де Бефу, что они с Ательстаном готовы «так же удовлетворить его корыстолюбие, как если бы имели дело с заправским разбойником. Пусть назначит выкуп за освобождение». Кроме того, Ательстан передал Реджинальду Фрон де Бефу вызов на смертный бой.

Не успели пленники позавтракать, как внимание их было отвлечено от этого занятия звуками рога, раздававшимися перед воротами замка.

Глава XXII

Бедного еврея Исаака втолкнули в тюремный подвал замка. В одном конце этого зловещего подземелья находился широкий очаг, над которым была укреплена заржавевшая железная решетка. В темницу вошел барон Реджинальд Фрон де Беф в сопровождении двух сарацинских невольников де Буагильбера.

Фрон де Беф, человек высокого роста и крепкого телосложения, вся жизнь которого проходила на войне или в распрях с соседями, не останавливался ни перед чем ради расширения своего феодального могущества. Чернокожий прислужник подошел, вынул из своей корзинки большие весы, на которых Исаак должен был отвесить беспощадному барону тысячу фунтов серебра.

Сарацины достали из своих корзин древесного угля, мехи и бутылъ с маслом. Один из них высек огонь, а другой разложил угли на широком очаге и до тех пор раздувал мехи, пока уголья не разгорелись докрасна. Над раскаленной железной решеткой Фрон де Беф собирался пытаться старика, пока тот не заплатит.

Исаак попросил, чтобы его дочь Ревекку отпустили в Йорк, откуда она доставит в замок деньги. Барон начал издаваться над родительскими чувствами старого еврея. Мотивируя тем, что не знал, кто такая Ревекка, Фрон де Беф «приставил ее служанкой к сэру Бриану де Буагильберу». Исаак умолял барона пощадить девушку, отпустить ее с честью, без обиды. Если же барон этого не сделает, то старик намерен выдержать любые мучения, но ни одной серебряной монетки

не дать Фрон де Бефу. Тогда незадачливому барону останется только рассказывать, «как еврей, невзирая ни на какие пытки, сумел досадить христианину».

Вдруг раздались звуки трубы, которые трижды повторились так громко, что проникли даже в глубины подземелья. В ту же минуту слышались голоса, призывавшие сэра Реджинальда Фрон де Бефа. Не желая, чтобы его застали за таким «бесовским занятием», как пытки, свирепый барон дал знак невольникам снова одеть Исаака и вместе с прислужниками ушел из темницы, предоставив Исааку или благодарить бога за свое спасение, или же оплакивать судьбу своей дочери.

Глава XXIII

Де Браси явился добиваться руки и приданого леди Ровены. Он успел нарядиться по последней моде того времени. Оскорбленная красавица на его предложение ответила тем, что «дерзкая фамильярность, с которой он обратился к ней на жаргоне трубадура, не оправдывает разбойничьего насилия. Когда учтивые слова прикрывают грубые поступки, они похожи на рыцарский пояс на подлом рабе».

Потеряв терпение, галантный кавалер перешел к угрозам. Если Ровена не станет его супругой, она вовсе не выйдет из замка Фрон де Бефа. Кроме того, у де Браси был еще более сильный довод в свою пользу. Он рассказал Ровене, что в носилках Исаака везли Уилфреда Айвенго, который теперь также находился в одной из потайных комнат замка. Только де Браси знал об этом, и от него зависело, выдать тайну пребывания Айвенго

в замке Реджинальду Фрон де Бефу или нет. Поскольку барон считает себя смертельно обиженным Айвенго (тот победил его на рыцарском турнире), то его ревность будет иметь печальные для Айвенго последствия. Если же Ровена благосклонно посмотрит на сватовство де Браси, раненому рыцарю нечего будет опасаться Реджинальда Фрон де Бефа. В противном случае ей придется его оплакивать, потому что Айвенго «в руках человека, никогда не ведавшего жалости».

«Под величавой самоуверенностью Ровены скрывалась мягкая и нежная душа. Поэтому, когда леди Ровену постигла беда, угрожавшая ей самой, ее возлюбленному и ее опекуну, когда ее воля столкнулась с волей сильного, решительного и бесчестного человека, решившегося воспользоваться своим могуществом, она упала духом и растерялась». Ровена залилась слезами. Де Браси стало жаль ее. Он понимал, что если позволит себе растрогаться слезами девушки, то уже не сможет возместить себе «утрату всех блестящих надежд, ради которых пошел на такой риск. Вдобавок, будут смеяться принц Джон и его веселые приспешники». Но де Браси уже чувствовал, что не годится для взятой на себя роли бессердечного разбойника.

Заслышав звуки охотничьего рога, де Браси покинул красавицу и поспешил в общий зал. Он не жалел об этом: его беседа с леди Ровеной приняла такой оборот, что ему было одинаково трудно как продолжать настаивать на своем, так и отказаться от своих намерений.

Глава XXIV

Ревекка ожидала решения своей участи, запертая в дальней уединенной башне. В ее комнате

сидела древняя безобразная старуха Урфрида. Когда Ревекка вошла, «старуха подняла голову и уставилась на красивую еврейку с той злобной завистью, с какой старость и безобразие, сочетающиеся с болезненным состоянием, взирают на юность и красоту».

Урфрида рассказала, что она из древнего саксонского рода. Она была «молода и красива, когда отец Реджинальда Фрон де Бефа со своими норманнами взял приступом этот замок. Отец Урфриды и его семь сыновей упорно бились, шаг за шагом защищая свое жилище. Не было ни одной комнаты, ни одной ступени на лестницах, где бы не стало скользко от пролитой ими крови. Они пали, умерли все до единого, и не успели тела их остыть, не успела высохнуть их кровь, как Урфрида стала презренной жертвой их победителя». Урфриду выгнали из комнаты, и Ревекка осталась одна.

Если Ровена могла рассчитывать на некоторую вежливость в обращении, то еврейке не на что было надеяться, кроме крайней грубости. Зато на ее стороне были прирожденная сила воли, острый ум и, кроме того, ей уже приходилось бороться с опасностями. С раннего детства она отличалась твердой волей, наблюдательностью и острым умом. Пример и наставления отца приучили Ревекку к ровному и учтивому обхождению со всеми.

Спустя некоторое время к Ревекке вошел мужчина высокого роста. Он прикрывал нижнюю часть лица плащом, чтобы его не узнали слуги, и молча стоял перед испуганной Ревеккой. Казалось, он сам стыдился того, что намерен был сделать. Ревекка протянула разбойнику два драго-

ценных браслета и ожерелье в качестве выкупа. Вошедший открыл лицо. Перед девушкой стоял Бриан де Буагильбер. Он намерен был добиться благосклонности Ревекки. Девушка ответила, что их союз был бы одинаково незаконен в глазах и христианской церкви и еврейской синагоги. Однако де Буагильбер объяснил, что он вовсе не думал вступать с ней в брак. Его «обеты не позволяют ему любить ни одной девушки иначе, как *par amours*, так он хочет любить и Ревекку». Тогда она заявила, что «сделает его низость известной всей Европе. Каждому капитулу ордена храмовников будет известно, что он, как еретик, согрешил с еврейкой». Храмовник отлично сознавал, что она говорит правду: в уставе его ордена действительно существовали правила, запрещавшие под угрозой суровых наказаний интриги вроде той, какую он затеял. Но для того, чтобы обнародовать их связь, Ревекке необходимо было выйти из замка, а этого она сделать без его помощи не могла.

Ревекка вспрыгнула на оконный парапет и стала угрожать, что бросится вниз и разобьется о камни. «Говоря это, она подняла к небу свои сжатые руки, словно молилась о помиловании души своей перед роковым прыжком. Храмовник заколебался. Его решительность, никогда не отступавшая ни перед чьей скорбью и не ведавшая жалости, сменилась восхищением перед ее твердостью».

Де Буагильбер обещал девушке оставить ее в покое, даже дал ей клятву, что не прикоснется к ней без ее на то желания. Он преступал многие законы, нарушал заповеди, но своему слову не изменял никогда. Рыцарь произнес: «Я от природы совсем не таков, каким ты меня видишь, —

жестоким, себялюбивым, беспощадным. Женщина научила меня жестокосердию, а потому я и мстил всегда женщинам, но не таким, как ты. Мои подвиги, перенесенные мной опасности, пролитая кровь прославили имя Аделаиды де Монтемар от королевских дворов Кастилии и до Византии. А как она мне отплатила за это? Когда я воротился к ней с почестями, купленными ценой собственной крови и трудов, оказалось, что она замужем за мелким гасконским дворянином, неизвестным за пределами его жалкого поместья. А я искренне любил ее и жестоко отомстил за свою поруганную верность».

Ревекка попыталась объяснить ему, что возможность мести и огромный простор для честолюбивых замыслов — плохая награда за отречение от всех благ, наиболее драгоценных для человека.

Рыцарю Ревекка нравилась все больше. Она была не просто красива, она была очень умна и находчива. Де Буагильбер объявил Ревекке, что она должна добровольно стать его женщиной. Де Буагильбер далеко не последний из членов мощного ордена храмовников. Впереди у де Буагильбера прекрасная карьера, богатство, власть. Он хотел разделить все это с еврейкой Ревеккой, не взирая ни на какие предрассудки.

«Даже перед лицом страшной смерти, которой Ревекка собиралась себя подвергнуть, она не испытывала такого ужаса, какой ощущала при виде яростного честолюбия отважного злодея, во власть которого попала».

Глава XXV

Де Браси и де Буагильбер встретились и повели друг другу, чем увенчалось сватовство одно-

го и настойчивость другого. Де Браси оказался не в силах вынести потоков слез Ровены — «точно сам водяной бес вселился в прекрасную саксонку». По словам храмовника, «в еврейку вселился, должно быть, целый легион бесов, потому что едва ли один бес мог бы внушить ей столько неукротимой гордости, столько решимости».

Незадачливые женихи спустились в общий зал. Фрон де Беф получил письмо, написанное по-саксонски. Это письмо — формальный вызов на бой. Оно написано Вамбой и Гуртом «при содействии союзников и единомышленников — храброго рыцаря, именуемого Черный Лентяй, и доброго иоме-на Роберта Локсли, по прозвищу Меткий Стрелок». Верные слуги требовали в письме, чтобы пленные были немедленно отпущены. В противном случае они объявляли, что считают сторонников Фрон де Бефа «изменниками и разбойниками», намереваются драться с ними, «донимать осадой, приступом или иначе и чинить всякую досаду и разорение».

Храмовник решил собрать своих людей и сделать вылазку, затем разослать гонцов к соседям, которые поторопятся на выручку к трем рыцарям, осаждаемым шутом и свинопасом в баронском замке. Буагильбер сел к столу и на французском языке сочинил письмо, в котором сообщил, что Фрон де Беф и его единомышленники, не принимают вызова со стороны рабов, крепостных и беглых людей. Что касается пленных, то они, «соблюдая христианское милосердие, просят прислать какое-либо духовное лицо, чтобы исповедать их и примирить с богом, ибо они будут казнены, а головы их выставлены на стенах замка, чтобы по-

казать всем, как мало рыцари считаются с теми, кто взялся их освободить».

Однако силы осаждавших замок Фрон де Бефа становились все серьезнее. Их собралось более двухсот человек, и к ним непрестанно присоединялись все новые и новые отряды «лесных братьев». Помимо этих ватаг на подмогу сходились саксы из ближайших местечек, а также крепостные люди и слуги из обширных поместий Седрика, явившиеся выручать своего хозяина.

Получив письмо, Локсли понял, что де Буагильбер старался выиграть время. Ни он, ни де Браси, ни сам Фрон де Беф не решатся на дело, за которое им придется отвечать своей головой.

Черный Рыцарь предложил, чтобы кто-нибудь из верных людей ухитрился проникнуть в замок. Вамба согласился «исполнить благочестивую обязанность» — предстать в роли исповедника и разведать, что происходит с пленниками. Гурт горячо поддержал товарища: если вдруг Вамба окажется негодным для этой роли, то «это будет первый случай, когда его ум не подоспеет на выручку его глупости». Вамба напялил на себя полное монашеское облачение и, бормоча под нос латинские фразы, смысл которых никому, кроме него не был ясен, отправился в путь.

Глава XXVI

Вамба представился бродячим монахом, которого осаждающие послали в замок «исполнить священную обязанность при двух особах, осужденных на смерть». Барон спросил «монаха», велика ли численность осаждающих. Тот сообщил, что всех — и иоменов и простолюдинов — наберется по крайней мере пятьсот человек.

Вамба проник в покои, где находились Седрик и Ательстан. Шут принялся уговаривать хозяина надеть его рясу и уйти из замка. Седрик же хотел, чтобы вместо него был освобожден Ательстан, потому что его предки были владыками Англии. Но Вамба возразил хозяину. Он желал погибнуть только ради Седрика Сакса. Ательстан пожал Седрику руку. «Каждый раз, когда какие-либо крайние обстоятельства расшевеливали его мысль и деятельность, чувства его и деяния были достойны его высокого происхождения». Он отказался от возможности спастись, «которую придумала преданность слуги для его хозяина». Седрик принял предложение Вамбы и пообещал во что бы то ни стало найти средства спасти Ровену, Ательстана и своего верного шута.

Когда Седрик вышел, его остановила Урфрида, которой во что бы то ни стало необходимо было с ним поговорить. Старуха не хотела умирать без исповеди в своих грехах.

Глава XXVII

Урфрида рассказала Седрику, что она дочь Торкиля Вольфгангера Ульрика, который был другом отца Седрика и его ратным товарищем. Переодетому Седрику тоже пришлось открыть ей свое настоящее имя.

Старуха иступленно повторяла, что «страшные, черные, гнусные преступления тяжким камнем давят ей грудь, их не в силах искупить даже огонь посмертных мучений. В комнатах, запятнанных чистой кровью отца и братьев, она жила любовницей их убийцы, рабой его прихотей, участницей его наслаждений».

Седрик принялся упрекать Урфриду в том, что она не убила старого Фрон де Бефа. Но женщина рассказала, как «долго разгоралась глухая вражда между тираном отцом и его свирепым сыном. Долго и тайно Урфрида раздувала эту противоестественную ненависть. Она вспыхнула в час пьяного разгула, и за своим собственным столом ее обидчик пал от руки родного сына». Седрик со словами ненависти заявил женщине, что ее грехам нет прощения. Тогда старуха поведала ему, что собирается в одиночестве страшно отомстить своим мучителям. Никто не станет ей помогать, но все услышат о том деянии, на которое она отважилась. Презрение Седрика оборвало ее последнюю связь с миром. Урфрида-Ульрика простилась с Седриком и попросила его скорее вести нападающих в атаку. Когда же он увидит красный флаг на боковой башне, в восточном углу крепости, то может наступать еще смелее: норманнам «будет довольно дела и внутри замка».

Барон велел переодетому Седрику наговорить осаждающим замок что угодно, лишь бы они убедились в том, что твердыня непрочна. Фрон де Беф хотел выиграть время. Кроме того, барон отдал мнимому монаху письмо для Филиппа де Мальвуазена.

Фрон де Бефу привели его пленников. Он поинтересовался, много ли они дадут за спасение своей жизни, и сшиб шапку Седрика с головы шута. Когда Фрон де Беф заметил на его шее серебряный ошейник — признак рабства — то сразу понял, что его провели буквально у него под носом. Фрон де Беф решил изменить условия выкупа для Ательстана: он должен дать обя-

зательство «увести с собой толпы бродяг, окруживших замок, подписать отречение от своих прав и вольностей и признать себя вассалом».

Фрон де Бефу доложили, что у ворот стоит монах и умоляет впустить его. Это отец Амвросий, служащий аббату Эймеру. Эймер попал в плен и просил барона заплатить за себя выкуп или же отбить его у разбойников силой оружия. Однако барон сам попал в трудное положение и не мог оказать аббату немедленной поддержки.

Между тем храмовник наблюдал за движениями неприятеля гораздо внимательнее, нежели грубый Фрон де Беф. Он заметил, что люди наступали в таком образцовом порядке, какого трудно было ожидать от них. Де Буагильбер догадался, что ими предводительствует какой-нибудь рыцарь или благородный дворянин, опытный в военном деле.

Неприятель решительно двинулся на приступ замка Фрон де Бефа.

Глава XXVIII

После турнира Ревекка упросила своего отца подобрать Айвенго, оставленного без помощи на арене, и увезти его в занимаемый Исааком дом на окраине города Ашби. Ревекка собственными руками омыла и перевязала раны Айвенго. Она применяла в ходе лечения бальзам старой Мириам, средство уникальной целебной силы, которое могло поставить раненого на ноги за восемь дней. Неизвестно, довольна ли была бы прекрасная Ровена, если бы узнала, с каким чувством ее верный рыцарь взирал вначале на красивые черты и блестящие глаза Ревекки. Но Айвенго был слишком

искренним католиком, чтобы сохранить те же чувства к еврейке.

Когда разбойники де Браси напали на них в лесу, сначала никто не обратил внимания на конные носилки. Однако де Браси в поисках леди Ровены вздумалось заглянуть в них. Думая, что он взят в плен саксонскими разбойниками и надеясь на популярность своего имени среди саксонцев, Айвенго поспешил назвать себя.

Строгие понятия о рыцарской чести, никогда окончательно не покидавшие де Браси, несмотря на все его легкомыслие и распущенность, запрещали ему совершить насилие над рыцарем, находившимся в беспомощном состоянии.

Но в то же время у де Браси не хватило великодушия отпустить на волю своего соперника, тем более что он знал о предпочтении, оказываемом леди Ровеной Айвенго.

Айвенго спрятали в одну из отдаленных комнат замка. Забота о раненом рыцаре была возложена на Урфриду, или Ульрику. Но она в это время терзалась такими жгучими воспоминаниями, была так поглощена сознанием пережитых обид и надеждой на мщение, что очень охотно передала Ревекке обязанность присматривать за раненым.

Глава XXIX

Ревекка сообщила Айвенго, что в замке всем распоряжаются храмовник Буагильбер и барон Фрон де Беф, что снаружи замок осаждают, но кто — неизвестно. Она сказала ему еще, что в замке заходится христианский священник. По просьбе Айвенго, соблюдая величайшую осторожность, Ревекка наблюдала за ходом штурма зам-

ка из окна и передавала рыцарю, что происходит на бастионах.

Яростный натиск осаждающих встретил отчаянный отпор со стороны осажденных. Стрелки, привыкшие в своих скитаниях по лесам мастерски управляться с луком и стрелами, действовали сообща, так что ни один пункт, в котором защитники замка хоть на минуту показывались наружу, не ускользнул от метких длинных стрел. Стрельба была такая частая и ровная, что стрелы падали, как град.

Фрон де Беф схватился с Черным Рыцарем. Они дрались один на один в проломе. Фрон де Беф упал, и его унесли внутрь замка. Во главе осажденных стал храмовник. Нападающие бросились через пролом и взяли башню. Они хватали защитников и бросали в ров с водой.

Ревекка была поражена отвагой Черного Рыцаря. По ее словам, «он бросается в битву, точно на веселый пир. Не одна сила мышц управляет его ударами кажется, будто он всю свою душу вкладывает в каждый удар, наносимый врагу. Это страшное и величественное зрелище, когда рука и сердце одного человека побеждают сотни людей».

Ревекка не могла взять в толк, ради чего рыцари сражаются не на жизнь, а на смерть. Айвенго воскликнул, что наградой им будет слава. «Она позлатит могилы и увековечит имя!» Ревекка с недоумением отозвалась: «Неужели та ржавая кольчуга, что висит в виде траурного герба над темным и сырым склепом рыцаря, или то полустертое изваяние с надписью, которую невежественный монах с трудом может прочесть в назидание страннику, неужели это считается достаточной

наградой за отречение от всех нежных привязанностей, за целую жизнь, проведенную в бедствиях ради того, чтобы причинять бедствия другим?» Гордая девушка «произнесла последние слова таким печальным тоном, который ясно показывал, как глубоко она чувствует унижение своего народа. Быть может, к этому чувству примешивалось еще горькое сознание, что Айвенго считает ее чуждой вопросам чести и не способной ни питать в своей душе высокие чувства, ни высказывать их. “Как мало он меня знает, — подумала про себя Ревекка, — если воображает, что в моей душе живут лишь трусость и низость, раз я себе позволила неодобрительно отозваться о рыцарстве назареян!”»

Глава XXX

Фрон де Беф лежал при смерти. Настала такая минута, когда все земные сокровища начали утрачивать свои прелести, и сердце жестокого барона исполнилось страха. Барону послышался зловеющий скрипучий голос. Ему показалось, что это его злой дух. Дух заставлял Реджинальда Фрон де Бефа «думать о множестве грехов, о своем бунтарстве, о корыстолюбии, об убийствах», обвинял в подстрекательстве распутного Джона против отца и брата.

Фрон де Беф пытался оправдаться. Не он один подстрекал Джона к восстанию. Их было пятьдесят рыцарей и баронов, «цвет всех графств средней Англии». Голос обвинил барона в грехе отцеубийства, заставил вспомнить зал пиршества, где пол был залит кровью старого Фрон де Бефа, пролитой рукой его собственного сына.

Фрон де Беф свалил вину на саксонскую колдунью Ульрику. Она омыла раны старого барона и придала убитому вид умершего естественной смертью. Она соблазнила Реджинальда, уговорила его совершить это отцеубийство. Урфрида-Ульрика подошла к постели барона Фрон де Бефа. Она предложила ему узнать свою печальную участь, которую не могут предотвратить ни могущество, ни сила и отвага. Умиравший почувствовал удушливый запах. Замок объят пламенем. Старуха разложила по замку хворост и дрова и подожгла их.

Глава XXXI

Седрик не умел распоряжаться воинами, но бился в первом ряду, хотя на нем не было ни панциря, ни кольчуги, а вместо ратных доспехов — только щит и меч. Локсли трижды стрелял в де Браси, и всякий раз стрела отскакивала от его непроницаемой брони. Скоро осаждающие увидели красный флаг, выставленный из окна угловой башни, о которой Ульрика говорила Седрику.

Черный Рыцарь ворвался внутрь замка, невзирая на сопротивление де Браси и его воинов. В этот день де Браси постоял за свою рыцарскую честь и показал, что он достоин славы, завоеванной им в междоусобных войнах этого ужасного времени. Де Браси дрался на мечах с самим Черным Рыцарем, получил сильный удар и во весь рост растянулся на каменном полу.

Де Браси отказался сдаваться в плен неизвестному победителю и требовал смерти или определенности. Черный Рыцарь прошептал несколько слов на ухо поверженному противнику. Норманн, переходя от упрямого и вызывающего тона к пол-

ной, хотя и мрачной покорности, сдался. Де Браси сообщил рыцарю, что Уилфред Айвенго находится в горящем замке.

Ревекка отказалась покинуть Айвенго, когда начался пожар. Но дверь распахнулась настежь, и на пороге появился храмовник. Он схватил испуганно кричавшую девушку и унес ее вон из комнаты. Спустя несколько минут в комнату ворвался Черный Рыцарь, подхватил на руки Айвенго и добежал с ним до ворот, а сам бросился обратно в замок выручать остальных пленных. Седрик освободил и вывел из замка Ровену. Находчивость Вамбы обеспечила свободу ему самому и Ательстану.

Ревекка, посаженная на лошадь одного из сарацинских невольников Буагильбера, находилась в самой середине его маленького отряда, и храмовник, невзирая на беспорядочный кровавый бой, все время заботился о ее безопасности. Ательстан, увидев на коне женскую фигуру, так ревностно охраняемую рыцарем Храма, решил, что это леди Ровена. Он схватил с земли палицу и кинулся к отряду храмовника. Де Буагильбер нанес Ательстану сокрушительный удар мечом по голове.

Из окна горящего замка Ульрика пела гимн своей свободе, которая досталась ей ценой жизни. Одна за другой обрушивались высокие башни, сражающиеся были вытеснены со двора замка. Победители с изумлением и даже со страхом взирали на пожар. Иступленная фигура Ульрики еще долго виднелась на верхушке избранного ею пьедестала. Она с воплями дикого торжества взмахивала руками, словно владычица пожарища, зажженного ею. Наконец и эта башня с ужасающим треском рухнула, и Ульрика погибла в пламени, уничтожившем ее врага и тирана.

Глава XXXII

Локсли привел своих доблестных бойцов обратно в лес и занял свое место — трон из дерна. Он объявил, что как только пройдет молва об их смелом деле, отряды де Браси, Мальвуазена и других союзников барона Фрон де Бефа пустятся их разыскивать, так что им лучше убраться подальше.

Седрик со слезами на глазах благодарил своего шута за спасение. В качестве награды Вамба попросил хозяина простить Гурта. Седрик даровал Гурту свободу и участок земли в своем владении.

Леди Ровена выглядела грустной, но в глазах ее светились вновь пробудившиеся надежды на будущее. Она знала, что Айвенго жив, и знала, что Ательстан умер. Седрик просил Черного Рыцаря взять от него любую награду, но тот ответил, что разбогател от самого знакомства с Седриком, который научил его ценить саксонскую добродетель. Черный Рыцарь обещал приехать в Ротервуд и потребовать такой награды, которая подвергнет испытанию даже щедрость Седрика. Черный Рыцарь отпустил на свободу Мориса де Браси.

Отважный иомен Локсли подарил Черному Рыцарю рог, протрубив в который условный сигнал, тот всегда сможет рассчитывать на быструю помощь лесных братьев.

Локсли потребовал выкупа от Исаака и от второго своего пленника — приора Эймера из аббатства Жорво.

Глава XXXIII

Локсли устроил «очную ставку» Эймеру и Исааку и каждого из них спросил о размерах благосостояния другого. Исаак охотно и подробно расска-

зал о богатейшей обители Жорво. Приор же попросту назвал Исаака из Йорка богачом, который «мог бы выкупить из ассирийского плена все десять колен израильских».

Исаак горько сетовал на то, что пропала его дочь. Один иомен вспомнил, что накануне ее увез храмовник. Локсли стало жаль еврея, и он предложил помочь ему в беде. Локсли посоветовал Исааку задобрить Эймера. «Он человек тщеславный и алчный и, кроме того, сильно нуждается в деньгах на удовлетворение своих прихотей». Локсли не поверил уверениям еврея в бедности. Локсли прекрасно знал железный сундук, в котором Исаак держал мешки с деньгами, потайной ход в сводчатый подвал под садом Исаака в Йорке. Ревекка несколько лет назад выкупила больного Локсли из йоркской тюрьмы и держала у себя в доме, пока он совсем не выздоровел. Когда же он поправился и собрался уходить, Исаак дал ему серебряную монету на дорогу.

Аббат Эймер сочинил послание к Бриану де Буагильберу. Он вручил его Исааку, объяснив, что письмо станет тому охранной грамотой и поможет не только найти доступ в прецепторию Темплстоу, где расположен Орден Храмовников, но и добиться освобождения дочери.

Черный Рыцарь начал прощаться с разбойниками. Он не мог не выразить своего удивления по поводу того порядка, какой он видел в среде разбойников. Он понял, что в числе людей, оказавшихся вне закона, без сомнения есть такие, которые пользуются своими вольностями с умеренностью, а иные даже жалеют, что обстоятельства принудили их приняться за такое ремесло.

Принц Джон давал в Йоркском замке большой пир и пригласил на него тех дворян и церковников, с помощью которых надеялся завладеть престолом своего брата. Вальдемар Фиц-Урс, его хитрый и ловкий пособник, тайно орудовал среди собравшихся, стараясь поднять их на открытое выступление. Но дело задерживалось из-за отсутствия нескольких главных заговорщиков.

Прискакал измученный де Браси. Он рассказал, что де Буагильбер бежал, а барон Фрон де Беф погиб. Кроме того, рыцарь объявил во всеуслышание, что король Ричард вернулся в Англию. Де Браси сообщил Фиц-Урсу по секрету, что он предлагал Ричарду услуги своей вольной дружины, но он отказался. Теперь рыцарь решил уехать с ними во Фландрию. Он посоветовал Фиц-Урсу отложить политику в сторону, взяться за копье и отправиться вместе с ним. Но старый Фиц-Урс собрался укрыться в здешнем храме святого Петра.

Принц Джон очнулся от оцепенения, в которое его повергла неожиданная весть о возвращении брата. Он внимательно прислушался к разговору своих сторонников и понял, что они от него отступаются. Принц предложил одолеть Ричарда, который странствует в одиночку, хитростью и заточить его в монастыре.

Де Браси сказал принцу, что готов служить ему, как подобает рыцарскому званию, на турнирах и в ратном поле, но «темные дела противны произнесенным им обетам».

Вальдемар Фиц-Урс взялся сам выполнить «опасное дело» (т. е. захватить и, возможно, убить

Ричарда) и покинул двор принца. Едва Фиц-Урс скрылся, принц принялся нашептывать де Браси, что арестовать Ричарда «не такая великая заслуга, чтобы за нее награждать титулом канцлера», и предложил этот пост, на который метил Фиц-Урс, де Браси.

Глава XXXV

Исаак отправился в прецепторию Темплстоу вести переговоры о выкупе своей дочери. Лука Бомануар, суровый гроссмейстер Ордена Храмовников, прогуливался в это время по саду с Альбертом Мальвуазеном, настоятелем, или, на языке ордена, прецептором, обители Темплстоу, и рассуждал, о том, как изменились нравы в пределах Ордена.

«Устав воспрещает делать одну птицу средством ловли другой, воспрещает убивать животных из лука или арбалета, возбраняет трубить в охотничьи рога и даже прищипоривать коня в погоне за дичью. Кто, как не храмовники, выезжает на охоту с соколами, занимается стрельбой, травлей по лесам и другими суетными забавами! Им воспрещено читать что-либо без особого разрешения настоятеля, воспрещено и слушать чтение каких бы то ни было книг, кроме тех, которые читаются вслух во время общей трапезы. А между тем они преклоняют слух к пению праздных менестрелей и зачитываются пустыми росказнями. Им предписано искоренять колдовство и ересь, а они, по слухам, изучают окаянные кабалистические знаки евреев и заклинания язычников-сарацин. Устав велит им быть умеренными в пище, питаться кореньями, похлебкой, кашей,

есть мясо не более трех раз в неделю, потому что привычка к мясным блюдам — позорное падение, а посмотришь — столы их ломаются от изысканных яств. Им следует пить одну воду, а между тем среди веселых гуляк сложилась уже пословица: «Пить как храмовник».

Воины креста, которые должны бы избегать взгляда женских очей, как змеиного жала, открыто живут во грехе не только с женщинами своего племени, но и с дочерьми проклятых язычников и еще более проклятых евреев.

Нужно вернуться назад, доказать, что мы верные защитники креста и по своему призванию жертвуем не только своими похотями и порочными склонностями, но и всеми удобствами, всеми утехами жизни, даже семейными привязанностями».

Гроссмейстеру доложили, что у ворот стоит еврей и просит дозволения переговорить с братом Брианом де Буагильбером.

Гроссмейстер отобрал у Исаака письмо весьма вольного содержания (потому что оно было напрямую адресовано де Буагильберу) и узнал из него и о похождениях самого Эймера и об интрижке, затеянной де Буагильбером с еврейкой. Гроссмейстер выгнал Исаака, а над Ревеккой порешил устроить суд, как над колдуньей (потому что Ревекка знала тайны врачевания).

Глава XXXVI

«Альберт Мальвуазен был родным братом рыцаря Филиппа Мальвуазена. Подобно своему брату, он был в большой дружбе с Брианом де Буагильбером. Среди развратных и безнравственных

людей, которых немало числилось в ордене Храма, Альберт из Темплстоу по праву занимал одно из первых мест, но, в отличие от смелого Буагильбера, он умел скрывать свои пороки. Во взгляде грос-смейстера прецептор прочел гибель и себе и Буагильберу, в случае если он не сумеет предотвратить надвинувшуюся бурю. Мальвуазен сказал, что принял Ревекку в обитель с той целью, чтобы помешать дальнейшему сближению ее с рыцарем». Мальвуазен якобы решил излечить де Буагильбера состраданием, а не попреками. Раз распутная еврейка занималась колдовством, этим и объяснялось его непонятное и безумное увлечение. Гнусную же волшебницу, околдовавшую рыцаря святого Храма, несомненно, следует предать смертной казни.

Альберт Мальвуазен отправился к Бриану. Тот был в бешенстве от отпора, который он снова получил от еврейки. Де Буагильбер хотел, чтобы девушка с помощью Мальвуазена убежала из аббатства, а он бы увез ее куда-нибудь подальше, в безопасное и потаенное место. Мальвуазен спокойно объяснил ему, что рыцарь попал в серьезный переплет: сознавшись в нарушении обетов, де Буагильберу придется променять то могущество и высокое положение в Ордене, на которые он надеялся в будущем, на судьбу наемного воина, участвующего в мелких столкновениях между Фландрией и Бургундией.

Бриан де Буагильбер после минутного размышления решил не давать «старому изуверу грос-смейстеру» такого сильного оружия против себя. Ревекка не заслужила того, чтобы из-за нее рыцарь жертвовал своей честью и будущим. Де Буагильбер решил отречься от нее.

Суд над колдуньей-еврейкой начался при переполненном зале. Проходя к назначенному ей месту с поникшей головой и со скрещенными на труди руками, Ревекка даже не заметила, как кто-то из толпы сунул ей в руку обрывок пергамента. Она бессознательно взяла его и продолжала держать, ни разу не взглянув на него. Однако уверенность, что в этом страшном собрании у нее есть какой-то доброжелатель, придала ей смелости.

Глава XXXVII

Мальвуазен давал показания очень осмотрительно. Казалось, он всячески старался пощадить чувства Буагильбера, однако по временам вставлял в свой рассказ такие намеки, которые показывали, что он считает рыцаря впадшим в какое-то безумие. Буагильбер не отвечал на заданные ему вопросы.

В толпе появился калека Хигг, которому подсудимая возвратила возможность двигаться, излечив его чудодейственным бальзамом. Этот человек работал столяром у Исаака, внезапно заболел и слег в постель. Тогда Ревекка стала лечить его бальзамом, пахнувшим пряностями, который вернул ему способность двигаться. А когда Хигг немного поправился, она дала ему с собой баночку этой драгоценной мази и денег на возвращение домой. По мнению этого свидетеля, «не может быть, чтобы эта девица имела злой умысел, хотя и правда, на ее беду, что она еврейка».

Гроссмейстер вышел из себя после таких показаний. Он отобрал у калеки маленькую баночку с крышкой, на которой было написано несколько слов еврейскими буквами. Для большинства при-

существующих это было явным доказательством, что сам дьявол стряпал снадобье.

Гроссмейстер задался вопросом, из чего приготовлена эта волшебная мазь. Двое медиков, как они себя называли, один монах, а другой цирюльник, выступили вперед и, рассмотрев бальзам, объявили, что состав этой мази им совершенно неизвестен, а пахнет она мирой и камфарой. Движимые профессиональной ненавистью к успешной сопернице по ремеслу, они стали намекать, что мазь сделана из каких-нибудь таинственных колдовских зелий противозаконным способом; что сами они хотя и не колдуны, но основательно знакомы со всеми отраслями медицины, насколько она совместима с исповеданием христианской веры.

Во время суда Ревекка сидела, опустив на лицо покрывало в соответствии с обычаями своего народа. По приказанию гроссмейстера она открыла лицо. Оно отражало и застенчивость и чувство собственного достоинства. Ее удивительная красота вызвала общее изумление, и те из рыцарей, которые были помоложе, молча переглянулись между собой. Эти взгляды красноречиво свидетельствовали, что необычайная красота Ревекки гораздо лучше объясняет безумную страсть Буагильбера, чем ее мнимое колдовство.

Два лжесвидетеля, подобранные Мальвуазеном, с точностью, которая могла бы показаться подозрительной менее пристрастным судьям, дали целый ряд показаний. Многие из них были целиком вымышлены, другие касались простых, естественных явлений, но обо всем этом рассказывалось в таком таинственном тоне и с такими подробностями и толкованием, что даже самые

безобидные происшествия принимали зловещую окраску. Так, например, свидетели говорили о том, что иногда Ревекка что-то бормочет про себя на непонятном языке, а поет так сладко, что у слушателей начинает звенеть в ушах и бьется сердце; что по временам она разговаривает сама с собою и поднимает глаза кверху, словно в ожидании ответа; что покрой ее одежды странен и удивителен — не такой, как у обыкновенной честной женщины; что у нее на перстнях есть таинственные знаки, а покрывало вышито какими-то диковинными узорами.

Гроссмейстер торжественно спросил Ревекку, что она может сказать против смертного приговора, который он намерен сейчас произнести. Еврейке осталось только взывать к состраданию, хотя это напрасно и унизительно. Объяснять, что лечение больных и раненых не может быть неугодно богу, в данной ситуации было тщетно. В свое оправдание она даже не стала разоблачать своего притеснителя де Буагильбера, который стоял в зале и слышал, как на Ревекку возводят ложное обвинение, а его из тирана превращают в жертву. Она открыто обратилась к нему с требованием сказать, что все эти обвинения ложны, что сказанное — чудовищная клевета, столь же нелепая, как и смертоносная.

Бриан де Буагильбер молчал. Его обуревали противоречивые страсти. Ревекка мельком взглянула на обрывок пергамента, который она продолжала держать в руке, и прочла написанные там по-арабски слова: «Проси защитника». Ревекка заявила, что отрицает все обвинения, объявляет себя невиновной, а показания ложными. Она

потребовала назначения божьего суда, чтобы ее защитник подтвердил ее правоту на честном поединке.

Глава XXXVIII

Даже суровые черты гроссмейстера смягчились, когда он смотрел на стоявшую перед ним прекрасную девушку, одинокую, беспомощную, но защищавшуюся с удивительным присутствием духа и редкой отвагой. Он посоветовал еврейке принять христианство, поступить в одну из женских обителей строжайшего ордена и там замолить свои грехи и подвергнуться достойному покаянию. Ревекка вежливо отклонила такое предложение. Гроссмейстер объявил, что хоть девушка и еврейка и некрещеная, все-таки она существо одинокое и незащищенное. Она прибегла к покровительству законов, и храмовники не могут ответить ей отказом.

В течение двух дней Ревекка должна была найти себе защитника, который сразится с Брианом де Буагильбером на поединке. Если победит защитник девушки, ее оправдают. Ревекка решила просить о помощи рыцаря Айвенго. Но отнести ее письмо к нему оказалось некому, кроме калеки Хигга.

Едва выехав из обители, Хигг встретил своего прежнего хозяина Исаака и раввина Бен-Самуэля. Он передал им письмо Ревекки. Исаак отправился на поиски Айвенго, а раввин поспешил в город Йорк, где собрались многие воины и сильные мужи. Он надеялся найти среди них охотника сразиться за прекрасную Ревекку.

Глава XXXIX

Бриан де Буагильбер вновь предложил Ревекке бежать вместе с ним. Он напомнил еврейке, что

собственной грудью защищал ее от стрел. Он хотел стать ее другом и покровителем, но никак не мог решиться, когда представлял себе, чем он рискует и какому бесславию неминуемо подвергнется. Если он появится на ристалище, то обязан будет поддерживать свою честь и боевую славу. И тогда, будет ли у девушки защитник или нет, все равно она умрет на костре, «ибо не родился еще тот рыцарь, который был бы равен де Буагильберу в бою или одолел его». Только Ричарду Львиное Сердце да его любимцу Уилфреду Айвенго это удавалось. Но Айвенго еще не в силах носить панцирь, а Ричард далеко, в чужеземной тюрьме.

Однако де Буагильбер был готов пожертвовать своими честолюбивыми замыслами. Бросаясь к ногам девушки, он отказался и от славы, и от величия, и от власти, хотя она уже почти была в его руках, лишь бы она согласилась стать его возлюбленной. Рыцарь звал ее в Палестину: «И ты будешь царицей, Ревекка. На горе Кармель создадим мы тот престол, который я завоюю своей доблестью тебе, и вместо гроссмейстерского жезла у меня в руке будет царский скипетр».

Ревекка просила избавить ее от страшной смерти, не требуя вознаграждения, которое превращало великодушие в низкий торг. Какого бы могущества де Буагильбер ни достиг, она не станет разделять его с ним. Для еврейки любовь к Израилю и твердость в вере так много значат, что она не может уважать человека, если он охотно отрывается от родины, разрывает связь с орденом, которому клялся служить, и все это только для того, чтобы удовлетворить страсть к женщине чуждого ему племени.

Де Буагильбер признался, что впервые в жизни, глядя на Ревекку, он пожалел, что не принадлежал к отверженному племени евреев. Девушка мягко напомнила ему, что гнев божий изгнал евреев от отечества, но трудолюбие открыло им единственный путь к власти и могуществу, и на этом одном пути им не поставили преград.

Тщетно старался рыцарь поколебать решимость Ревекки, и сам остался тверд и непреклонен. Ревекка простила его и произнесла: «У тебя сильная душа; иногда в ней вспыхивают благородные и великие порывы. Но она как запущенный сад, принадлежащий нерадивому хозяину: сорные травы разрослись в ней и заглушили здоровые ростки». Храмовник согласился с девушкой: он именно таков — «неукротимый, своевольный и гордый тем, что среди толпы пустоголовых глупцов и ловких ханжей сохранил силу духа, возвышающую его над ними. Он с юности приучался к воинским подвигам, стремился к высоким целям и преследовал их упорно и непоколебимо».

Глава XL

Черный Рыцарь собрался уезжать из монастыря, куда он привез на долечивание Айвенго, взяв с собой в проводники шута Вамбу. Перед отъездом рыцарь обратился к Айвенго и сказал ему, что они увидятся в Конингсбурге, замке покойного Ательстана. Черный Рыцарь взялся примирить Айвенго с отцом.

Айвенго тоже стремился как можно быстрее пуститься в путь. Аббата огорчило его решение. Но Айвенго поделился с ним своими тайными мыслями: «Разве никогда вам не случалось, свя-

той отец, томиться зловещим предчувствием, ожидать какой-то беды, тщетно доискиваясь, какая бы могла быть тому причина? Разве никогда не омрачалась ваша душа, словно зеленый луг в солнечный день, над которым вдруг проходит черная туча, предвестница грозы?.. Сил у меня довольно, и я отлично могу выдержать бой со всяким, кто захочет со мной помериться. Но если бы это и не было нужно, разве я не могу быть ему полезен иными способами, кроме оружия?» Аббат отдал Айвенго свою лошадь, чтобы и она «послужила правому делу на благо старой Англии».

Тем временем Черный Рыцарь и его проводник не спеша подвигались вперед сквозь лесную чащу. Бравый рыцарь то напевал себе под нос песни влюбленных трубадуров, то задавал своему спутнику забавные вопросы. Осанка и манеры рыцаря выражали беззаботное веселье и удаль, изобличая ум, не способный предвидеть опасность, но всегда готовый отразить ее. Мысль об опасностях была ему привычна, как это естественно для того, кто посвятил себя войне и приключениям. Шут был в обычном своем пестром одеянии, но события последнего времени заставили его заменить деревянный меч острым палахом и продолговатым щитом.

Вамба заметил впереди странное шевеление и понял, что в кустах их поджидала засада. Зная, что Черный рыцарь предпочтет сражаться в одиночку и подвергнет свою жизнь смертельной опасности, шут попросил у него, якобы чтобы рассмотреть поближе тот самый рог, что подарил рыцарь Локсли. Вамба протрубил сигнал тревоги. В ту же секунду из придорожных кустов вылетели три

стрелы, пущенные рыцарю в голову и в грудь. Его спасла надежная броня. Воины выхватили мечи и напали на него со всех сторон.

Один из нападавших предательским ударом смертельно ранил лошадь Черного Рыцаря. Конь повалился набок, увлекая седока за собой. В ту же минуту Вамба затрубил в рог. Внезапный звук рога заставил убийц снова попятиться назад, а Вамба, невзирая на то, что был плохо вооружен, не задумываясь ринулся вперед и помог Черному Рыцарю встать.

Рыцарь в синем попытался пригвоздить Черного Рыцаря копьём к дереву. Но Вамба помешал и на этот раз. Не обладая большой силой, но отличаясь ловкостью, шут воспользовался тем, что бойцы не обращали на него внимания, и успел предотвратить нападение Синего Рыцаря, покалечив ноги его лошади ударом палаша.

В ту же минуту на поляну высыпала толпа именов под предводительством Локсли и веселого отшельника. Они немедленно приняли участие в борьбе, и вскоре разбойники все до одного погибли мертвые или смертельно раненные. Черный Рыцарь поблагодарил своих избавителей с таким величавым достоинством, какого они раньше не замечали в нем, принимая его скорее за отважного воина, чем за знатную особу. Он довольно бесцеремонно снял шлем с головы Синего Рыцаря. Это оказался Вальдемар Фиц-Урс. Он знал, что сражался с королем, скрывающимся под видом Черного Рыцаря. Фиц-Урс вслух заявил, что мстил Ричарду то, что тот не захотел жениться на его дочери. Но наедине с королем Фиц-Урс сознался, что это принц Джон подбил его на предательство.

Ричард даровал Фиц-Урсу жизнь с условием, что в течение трех дней тот покинет Англию и никогда не дерзнет упоминать имя Джона в связи с этим вероломным преступлением.

Локсли и его сподвижники чутьем угадали, что обязаны повиноваться Черному Рыцарю. Он объявил им свое настоящее имя — Ричард Английский. Но и предводитель именов попросил больше не звать его Локсли. Он — Робин Гуд из Шервудского леса.

Глава XLI

В этот момент появились Уилфред Айвенго, верхом на кобыле аббата, и Гурт на боевом коне, принадлежавшем самому рыцарю. Велико было изумление Уилфреда, когда он увидел своего монарха в крови, а на поляне вокруг него шесть или семь человек убитых. Не менее удивило его и то, что Ричард был окружен множеством людей, по виду похожих на вольных именов, то есть на разбойников, а в лесу это была довольно опасная свита для короля. Айвенго не знал, как ему следует обращаться с Ричардом: как с королем или как со странствующим Черным Рыцарем. Король вывел его из затруднения. Он рассказал, что недаром скрывал свое пребывание. Некоторое время ему необходимо было оставаться в неизвестности для того, чтобы дать время своим друзьям и верным вассалам собрать свои дружины. К тому времени, когда всем станет известно, что Ричард вернулся, он должен иметь такое войско, чтобы сразу подавить задуманный мятеж.

«Ричард Львиное Сердце ничего так не любил, как заводить новые знакомства и пускаться в

неожиданные приключения; если при этом встречались серьезные опасности, для него было высшим наслаждением преодолевать их. Король, наделенный львиным сердцем, был образцом рыцаря, совершающего блестящие, но бесполезные подвиги, описываемые в романах того времени; слава, добытая собственной доблестью, была для него гораздо дороже той, какую он мог бы приобрести мудростью и правильной политикой своего правления. Поэтому его царствование было подобно полету стремительного и сверкающего метеора, который, проносясь по небу, распространяет ненужный и ослепительный свет, а затем исчезает, погружаясь в полную тьму. Его рыцарские подвиги послужили темой для бесчисленных песен бардов и менестрелей».

Ричарду и Уилфреду Айвенго не терпелось отправиться в дальнейший путь. В сопровождении Айвенго, Гурта и Вамбы он без всякой помехи достиг замка Кониингсбург. Большой черный флаг, поднятый на вершине главной башни, возвещал о том, что похоронные торжества по Ательстану все еще продолжаются и тело хозяина дома еще не предано земле.

Появление рыцарей было довольно редким случаем на саксонских торжествах и считалось большой честью для покойника и его семейства.

Глава XLII

Короля Ричарда и его верного Айвенго повели в круглый зал, занимавший весь третий этаж. Пока они медленно подвигались по крутым лестницам, Уилфред постарался так закутаться в плащ, чтобы скрыть свое лицо. Он считал неумест-

ным показываться отцу, пока король не подаст ему знака.

Седрик был главным лицом в этом зале. Когда вошел Ричард (известный ему лишь как храбрый Черный Рыцарь), Седрик важно встал с места и, подняв кубок, произнес приветствие. Затем Седрик провел Ричарда и Уилфреда в часовню, где стоял гроб Ательстана. Там они пробормотали краткую молитву об упокоении его души. Затем Седрик проводил гостей в небольшую молельню, где они выразили свои соболезнования матери Ательстана Эдит.

В другом зале четыре девушки, с Ровеной во главе, пели гимн душе умершего. Обойдя с гостями все покои замка, где происходили погребальные торжества, Седрик провел их в небольшую комнату, предназначенную для почетных гостей. Там Черный Рыцарь напомнил гостеприимному саксу, что тот обещал ему подарок. В тот час, когда опустят в могилу Ательстана, гостю было бы желательно похоронить вместе с его останками некоторые предрассудки и несправедливые суждения. Рыцарь открыл Седрику свое настоящее имя — Ричард Плантагенет. После кончины Ательстана (последнего отпрыска саксонских королей) никто, даже пристрастный Седрик, не сможет больше оспаривать прав Ричарда на английский престол.

Ричард потребовал, в качестве подарка, чтобы Седрик простил рыцаря Айвенго и снова даровал ему свою родительскую любовь. Айвенго бросился к ногам отца. Седрик охотно выполнил требование короля, но сразу же заявил, что сын должен носить одежду своих саксонских предков, а леди Ровена два года будет ходить в трауре по Ательстану.

Только он успел это произнести, как дверь распахнулась, и на пороге явился Ательстан в длинном саване, бледный, худой, похожий на выходца с того света. Его появление произвело на всех потрясающее впечатление. Седрик попятился к стене. Айвенго крестился, произнося молитвы, по-саксонски, по-латыни и на нормано-французском наречии. А Ричард попеременно то читал молитву, то ругался по-французски.

Ательстан рассказал, что удар меча храмовника пришелся плашмя и не причинил ему особого вреда, только оглушил. Однако очнулся Ательстан в гробу, по счастью не заколоченном. Перед ним стояли сильно испуганные пономарь с аббатом. Они очень удивились, но совсем не обрадовались, когда увидели живым того человека, наследством которого собрались поживиться. Ательстан забылся сном, а когда пришел в себя, то обнаружил, что руки и ноги у него связаны веревками. В течение трех дней церковники скрывали, что Ательстан жив, подносили ему, обожающему вкусно покушать, ячменный хлеб и воду из канавы. Ательстан поклялся больше не оказывать благодеяний церкви, а «выкурить монахов аббатства из гнезда». Все же могучему Ательстану удалось выбраться из гроба, пробраться в конюшню, взять лучшего скакуна и примчаться в замок.

Седрик вновь заговорил, что готов «немедленно взяться за осуществление смелых замыслов, касающихся завоевания чести и свободы», т. е. поставить Ательстана во главе войска, которое займется «освобождением саксонского племени», вступить в борьбу с Ричардом Львиное Сердце и женить Ательстана на Ровене.

Но Ательстан придерживался другого мнения. Хлеб, вода и тюрьма, по его словам, — великолепные укротители честолюбия. Он встал из могилы гораздо более разумным человеком, чем сошел в нее. Ательстан отказался от своих притязаний на престол. От всего сердца он засвидетельствовал Ричарду свою верность и готовность служить. Зная, что леди Ровена к нему совсем не расположена, Ательстан объявил, что отказывается и от брака с ней.

Тут обнаружилось, что Айвенго исчез. Выяснилось, что за ним приходил какой-то еврей, и после короткого разговора с ним Уилфред позвал Гурта, потребовал свой панцирь и вооружение и уехал из замка.

Король тоже скрылся. Он сошел во двор, позвал того еврея, с которым разговаривал Айвенго, и после минутной беседы сам вскочил в седло, заставил еврея сесть на другую лошадь и помчался в неизвестном направлении.

Глава XLIII

Все было готово к поединку между де Буагильбером и предполагаемым защитником Ревекки, который до сих пор не появился на ристалище. На одном конце ристалища стоял врытый в землю столб. Вокруг него лежали дрова, между которыми оставался проход в роковой круг для жертвы, предназначенной к сожжению. К столбу были привинчены цепи, которыми должны были ее привязать.

Собралось множество зрителей. Между ними ходил менестрель. Он казался не простого звания: на нем была богато вышитая нижняя курт-

ка, а на шее висела серебряная цепь с ключом для натягивания струн на арфе. На правом рукаве, повыше локтя, была серебряная пластинка, на которой было выгравировано слово: «Шервуд». Толстый монах-отшельник Тук рассказывал, что произошло в их обители, когда Ательстан восстал из гроба. Тук жалел, что такая молодая и красивая девушка погибнет из-за того, что некому за нее подраться. Будь она хоть десять раз колдунья, но только христианской веры, его «дубинка отзвонила бы полдень на стальном шлеме свирепого храмовника».

«Бриан де Буагильбер выехал на ристалище в блестящих боевых доспехах, но без копья, щита и меча, которые несли за ним оруженосцы. Лицо его отражало жестокую внутреннюю борьбу гордости с нерешительностью. За ним шел отряд пешей стражи в черных одеждах, а в середине виднелась бледная фигура подсудимой, тихими, но твердыми шагами подвигавшейся к месту, где должна была решиться ее судьба. С нее сняли все украшения, опасаясь, что среди них могут быть амулеты. Вместо ярких восточных тканей на ней была белая одежда из самого грубого полотна. Но на ее лице запечатлелось трогательное выражение смелости и покорности судьбе, и даже в этой одежде, без всяких украшений, кроме распущенных длинных черных волос, она внушала такое сострадание, что никто не мог без слез смотреть на нее».

Гроссмейстер занял свое место. «Дабы не помешать торжеству правды», он согласился подождать прихода защитника Ревекки до наступления темноты. Де Буагильбер пытался поговорить

с Ревеккой, последний раз предлагал ей бежать с ним. Ограда, ристалище, вязанки хвороста казались ему страшным видением. В голове у него мутилось.

На поле показался рыцарь, скакавший во весь опор по направлению к арене. Сотни голосов приветствовали заступника Ревекки. Лошадь его, проскакавшая много миль во весь дух, казалось, падала от усталости, да и сам всадник, так отважно примчавшийся на арену, еле держался в седле от слабости.

Айвенго объявил, что явился «оправдать мечом и копьем девицу Ревекку, дочь Исаака из Йорка, доказать, что приговор, против нее произнесенный, несправедлив и лишен основания, объявить сэра Бриана де Буагильбера предателем, убийцей и лжецом».

Де Буагильбер отказался драться с Айвенго, пока тот не залечит раны и не достанет лучшего коня. Хотя он знал, что Айвенго всегда был врагом ордена храмовников, рыцарь все-таки хотел бы обойтись с ним честно. Даже несчастная Ревекка уговаривала Айвенго не биться с де Буагильбером. Он так слаб, что неминуемо погибнет.

Измученная лошадь Айвенго и сам ослабевший всадник упали, не выдержав удара меткого копья храмовника и напора его могучего коня. Все предвидели такой исход состязания. Но несмотря на то, что копье Уилфреда едва коснулось щита его противника, к общему удивлению всех присутствующих, Буагильбер покачнулся в седле, потерял стремяна и упал на арену. Айвенго высвободил ногу из-под лошади и быстро поднялся, стремясь попытать счастья с мечом в руках. Но

противник его не вставал. Айвенго наступил ногой ему на грудь, приставил конец меча к его горлу и велел ему сдаваться, угрожая иначе немедленной смертью. Буагильбер не отвечал.

Гроссмейстер сам сошел на ристалище и приказал снять шлем с побежденного рыцаря. Его глаза были закрыты. Румянец сошел с лица и сменился мертвенной бледностью. «Не поврежденный копьем своего противника, он умер жертвой собственных необузданных страстей. “Вот поистине суд божий”, — промолвил гроссмейстер, подняв глаза к небу».

Глава XLIV

Гроссмейстер признал победу за Айвенго и объявил Ревекку свободной и неповинной. Оружием, доспехами и телом умершего рыцаря волен был распорядиться по своему желанию победитель. Но рыцарь Айвенго не хотел ни пользоваться доспехами де Буагильбера, ни предавать его тело на позор. По словам Айвенго, «храмовник сражался за веру христианскую, а ныне он пал не от руки человеческой, а по воле божьей».

Тут примчался Черный Рыцарь, а за ним многочисленный отряд конных воинов и несколько рыцарей в полном вооружении. Ричард арестовал государственного изменника Альберта Мальвуазена. Гроссмейстер, оскорбленный в лучших чувствах, предпочел не затевать сражения с королем, а увести своих доблестных храмовников прочь.

Ревекка умоляла отца покинуть это злое место. Исаак не понимал, как можно не поблагодарить мужественного человека, который, рискуя собственной жизнью, выступил с копьем и щитом,

чтобы освободить ее из плена. Но Ревекка обещала сделать это позже, и они скрылись, никем не замеченные.

Всеобщее внимание устремилось на Черного Рыцаря. Как настоящий странствующий рыцарь, Ричард мчался сюда, желая самолично решить судьбу поединка и тем самым завершить историю еврейки и храмовника. Сам принц Джон принес ему известие о том, что заговорщики, им предводительствуемые, разбежались.

Морис де Браси бежал за море и поступил на службу к Филиппу, королю Франции. Филипп Мальвуазен и его брат Альберт были казнены. Вальдемар Фиц-Урс, являвшийся душою заговора, отделался изгнанием из Англии, а принц Джон, в пользу которого он был составлен, не получил даже выговора от своего добродушного брата. Седрик Сакс был приглашен ко двору Ричарда.

Ательстан занялся войной с местным духовенством. Седрик дал согласие на брак леди Ровены со своим сыном Уилфредом Айвенго. Свадьба проходила в кафедральном соборе города Йорка. Сам король присутствовал на бракосочетании, Гурт, нарядно одетый, исполнял должность оруженосца при молодом хозяине. Но, помимо домашней свиты, свадьба была отмечена присутствием множества знатных норманнов и саксонских дворян, приветствовавших в союзе этой четы залог будущего мира и согласия двух племен.

Прошло два дня после бракосочетания. Леди Ровене доложили, что какая-то девица просит позволения поговорить с ней без свидетелей. Ревекка пришла «законно и достойно отдать долг

благодарности, которой обязана Уилфреду Айвенго». Они с отцом собрались навсегда покинуть Англию. Перед отъездом девушка попросила позволения посмотреть на лицо Ровены, «увидеть черты, столь прославленные молвою». Ревекка подарила жене Айвенго ожерелье и серьги из бриллиантов. Она сама больше не будет носить драгоценностей. «Среди дочерей Израиля всегда были женщины, посвящавшие свои мысли богу, а дела подвигам любви к людям. Они ухаживают за больными, кормят голодных, помогают бедным. Ревекка будет делать то же».

Айвенго долго и счастливо жил с Ровеной, ибо с ранней юности их связывали узы взаимной любви. Он успешно служил при Ричарде и пользовался милостью короля. Вероятно, он достиг бы самых высших почестей, если бы этому не мешала преждевременная смерть Львиного Сердца. С кончиной этого великодушного, но опрометчивого и романтического монарха погибли все честолюбивые мечты и стремления Уилфреда Айвенго.

М. Твен

Сведения об авторе:

Марк Твен (1835—1910) — имя, знаменитое на весь мир. Однако это вовсе не имя, а литературный псевдоним американского писателя, которого на самом деле звали Сэмюэл Ленгхорн Клеменс.

Марк Твен всегда считался своеобразной иллюстрацией жизненного успеха, воплощением «американской мечты». Однако путь к успеху был долгим и тернистым. Родился Сэмюэл Ленгхорн Клеменс в маленьком провинциальном городке

во Флориде. Отец его был судьей, но рано умер. В двенадцать лет Сэмюэл без особого сожаления оставил школу и поступил учеником в типографию. В двадцать лет, бросив «сухопутную жизнь», он ушел в лоцманские «щенки» (так называли на «великой американской реке» Миссисипи взятых на выучку парней). Уже через пару лет Сэмюэл знал реку вдоль и поперек и с полным правом стоял у штурвала.

Однако вскоре началась гражданская война между Севером и Югом. Некоторое время Сэмюэл пребывал в армии южан, но буквально через несколько недель дезертировал из нее, отправившись на серебряные рудники и золотые прииски в Неваду и Калифорнию. Но старательская судьба не принесла ему богатства. Скоро Сэмюэл Клеменс стал репортером в небольшой провинциальной газете. А всего через несколько лет он (уже избрав себе литературный псевдоним Марк Твен) стал известнейшим журналистом в Сан-Франциско. Тогда же начинают появляться его первые рассказы, сразу же ставшие невероятно популярными. Читателей подкупал буйный, стопроцентно американский, немного грубоватый юмор.

Твен публикует рассказы, путевые очерки и даже роман. А еще через несколько лет появляется книга, которой было суждено завоевать мировую популярность — «Приключения Тома Сойера». Книга была переведена едва ли не на все языки мира, принесла автору и славу, и богатство.

За «Томом Сойером» последовали новые сборники рассказов, историческая сказка «Принц и нищий», роман-воспоминание «Жизнь на Миссисипи» и, конечно же, «Приключения Гекльберри

Финна», которые являлись продолжением «Приключений Тома Сойера». Окрыленный успехом, Твен основывает собственную издательскую фирму, которая начинает приносить немалые доходы. Однако ему еще не раз пришлось испытать превратности судьбы.

В один прекрасный день «испарились» миллионы, которые Твен щедро вкладывал в разные чудеса техники. Издательство было вынуждено признать себя неплатежеспособным, а сам писатель почти до конца жизни попал в настоящую кабалу, выплачивая бесчисленные долги. Но он выплатил все до последнего цента. Это было для него делом чести. Смерть жены и двух дочерей подтачивает и без того надорванные силы писателя. Это отражается и на творчестве. Из «самого веселого писателя Америки» Твен превращается в беспощадного сатирика, ядовито высмеивающего как человеческие, так и общественные пороки.

Марк Твен прожил 75 лет, но его книгам была уготована куда более продолжительная жизнь.

Приключения Гекльберри Финна

Лица, которые попытаются найти в этом повествовании мотив, будут отданы под суд; лица, которые попытаются найти в нем мораль, будут сосланы; лица, которые попытаются найти в нем сюжет, будут расстреляны.

По приказу автора, генерал-губернатор, начальник артиллерийского управления.

Глава первая

Гек Финн вернулся к вдове Дуглас. Жить Геку таким образом тяжело. Он мечтает о воле.

Вдова читает Геку притчу про Моисея, и мальчик просто разрывается от любопытства. Однако вдова «проговаривается, что этот самый Моисей давным-давно помер». Геку сразу становится неинтересно, поскольку он все воспринимает слишком непосредственно, а про покойников слушать не любит.

Сестра вдовы, мисс Уотсон, «порядком усохшая старая дева в очках», пристаёт к Геку с букварем. Он учится читать, отчаянно скучает. Мисс Уотсон постоянно критикует поведение Гека, одергивает его. Она рассказывает мальчику про рай — «будто бы делать там ничего не надо знай прогуливайся целый день с арфой да распевай, и так до скончания века». Гек спрашивает, попадет ли в рай Том Сойер. Старая дева отвечает категорическим «нет». Гек теряет интерес к раю.

Ночью под окнами вдовы раздается кошачий вопль. Это Том Сойер поджидает Гека. Мальчики отправляются на поиски ночных приключений.

Глава вторая

Том и Гек спускаются с горы, разыскивают своих друзей — Джо Гарпера с Беном Роджерсом и еще двух или трех мальчиков. Они прячутся на старом кожевенном заводе.

Том говорит, что они соберут шайку разбойников и назовут ее «Шайка Тома Сойера». Кто захочет с ними разбойничать, тот должен будет принести клятву и подписаться своей кровью.

Клятва призывает «всех мальчиков дружно стоять за шайку и никому не выдавать ее тайн; а если кто-нибудь обидит мальчика из их шайки, то тот, кому велят убить обидчика и всех его род-

ных, должен не есть и не спать, пока не убьет их всех и не вырежет у них на груди крест — знак шайки. И никто из посторонних не имеет права ставить этот знак. А если кто-нибудь из шайки выдаст тайну, то ему перережут горло, а после того сожгут труп и развеют пепел по ветру, кровью вычеркнут его имя из списка и больше не станут о нем поминать, а проклянут и забудут навсегда».

Мальчики наперебой повторяют, что клятва замечательная, и спрашивают Тома, сам он ее придумал или нет. Оказалось, кое-что он придумал сам, а остальное взял из книжек про разбойников и пиратов. Члены шайки интересуются, как быть с мезтью родственникам. Например, у Гека Финна никаких родных нет. Гек предлагает им для мести мисс Уотсон. Все соглашаются. Затем мальчики колют себе пальцы булавкой и расписываются кровью, и Гек тоже ставит свой значок на бумаге.

Бен Роджерс спрашивает, чем же шайка будет заниматься. У Тома готов ответ — грабежами и убийствами. Пленников Том намерен держать в пещере, пока те не дадут выкупа. Никто из ребят не понимает значения слова «выкуп». Том тоже не знает, как происходит процесс выкупа, но, по его мнению, «так уж полагается». Том про это читал в книжках, и членам его шайки тоже придется держать пленных, «пока они не выкупятся». Убивать женщин Том запрещает, потому что в книжках ничего подобного нет. Женщин полагается приводить в пещеру и обращаться с ними как можно вежливее, «а там они в тебя мало-помалу влюбляются и уж сами больше не хотят домой».

Один из мальчиков возражает, что при таком подходе скоро в пещере нельзя будет пройти: столько набьется женщин и всякого народу, который дожидается выкупа, а самим разбойникам деваться будет некуда.

Глава третья

Почти целый месяц мальчики играют в разбойников, но потом им это надоедает, потому что, вопреки обещаниям красноречивого Тома, они никого не грабят и не убивают. Они только выбегают из леса и бросаются на погонщиков свиней или на женщин, которые везли на рынок зелень и овощи. Том Соьер называет свиней «слитками», а репу и зелень «драгоценностями». Вернувшись в пещеру, мальчики хвастаются тем, сколько человек убили и ранили. Но у Гека не такая бурная фантазия, он никак не может взять в толк, какой смысл в игре, где нет реального выигрыша.

Однажды Том заявляет, что, по его сведениям, на следующий день около пещеры остановится целый караван богатых арабов и испанских купцов, с двумя сотнями слонов, шестью сотнями верблюдов и тысячей вьючных мулов, нагруженных алмазами, а охраняют их всего-навсего четыреста солдат. Том предлагает шайке устроить засаду, перебить всех и захватить добычу.

Мальчики выполняют приказ своего атамана. Но никаких испанцев и арабов у пещеры нет. Оказывается, что это всего-навсего экскурсия воскресной школы. Юные разбойники разгоняют малышей по всей долине. Гек, рассуждая логически, пытается разоблачить вранье Тома. Тогда тот заявляет, что во всем виноваты их враги-ча-

родеи. Это они превратили караван в учеников воскресной школы. Том рассказывает Геку о всемогущих джиннах, томящихся в бутылках и по воле повелителя совершающих чудеса. Спорить с Томом — неблагоприятное занятие, поэтому Гек молча остается при своем мнении. А его мнение заключается в том, что если бы он был всемогущим джинном, то бы ни за что не стал подчиняться какому-то повелителю, а жил бы в свое удовольствие и совершал чудеса для себя.

Глава четвертая

Отца Гека в городе не видно уже больше года, и мальчик совсем успокаивается. Гек видеть его совсем не хочет. Трезвый, отец постоянно колодил Гека.

Пока Гек живет у вдовы Дуглас, он почти каждый день ходит в школу, учится читать, писать и считать. Старое житье Геку больше по вкусу, но и к новому он тоже начинает привыкать.

Как-то утром Гек опрокидывает за завтраком солонку. Мальчик поскорей хватает щепотку соли, чтобы перекинуть ее через левое плечо и отвести беду (он верит в множество примет). Однако мисс Уотсон останавливает его. Приунывший Гек отправляется шататься по городу и ждать беды. Он видит на песке следы, решает, что его отец вернулся в город. Гек бежит к судье Тэчеру, который распоряжается его капиталом (Том и Гек нашли сокровища, а судья поместил их деньги в банк). Гек, напуганный тем, что отец все равно отберет у него все деньги, просит судью взять себе его шесть тысяч долларов. Смекнув, что мальчик неспроста обратился к нему со столь странной

просьбой, судья придумывает остроумный ход. Он выдает Геку расписку, что купил у него капитал «за вознаграждение» (один доллар).

Гек отправляется к Джиму, негру мисс Уотсон. У того есть большой волосяной шар величиной с кулак; он его вынул из бычьего сычуга и теперь гадает на нем. Геку надо знать, что старый Финн собирается делать в городе. Джим отвечает за шар очень уклончиво. В раздумьях Гек бредет домой и застаёт там своего отца.

Глава пятая

Отцу Гека «лет около пятидесяти, и на вид не меньше того. Волосы у него длинные, нечесанные и грязные, висят космами, и только глаза светятся сквозь них, словно сквозь кусты. В лице, хоть его почти не видно из-за волос, нет ни кровинки оно совсем бледное; такое, что смотреть страшно и противно, как рыбе брюхо или как лягва. А одежда сплошная рвань, глядеть не на что».

Отец принимается ругать Гека за то, что, по настоянию вдовы, мальчик ходит в школу. В семействе Финнов отродясь не было грамотеев, и старик не собирается позволять сыну «задирать нос перед родным отцом». Отец требует, чтобы Гек отдал ему деньги, но тот предъявляет расписку и объясняет, что денег у него больше нет.

На другой день отец напивается, идет к судье Тэчеру, ругается и требует, чтобы тот отдал деньги Гека. Ничего из этого не выходит; тогда старик грозит, что заставит отдать деньги по суду.

Вдова с Тэчером подают просьбу в суд, чтобы Гека у отца отобрали и кого-нибудь из них назначили в опекуны. Но судья в городке новый, он

недавно приехал и еще не знал старика Финна. Судья заявляет, что не следует без особой надобности вмешиваться в семейные дела и разлучать родителей с детьми.

Отец радуется, обещает отодрать Гека ремнем до полусмерти, если он не достанет ему денег. Гек занимает три доллара у судьи, а старик их отнимает и напивается. В пьяном виде он шатается по всему городу, орет, безобразничает, ругается и колотит в сковородку чуть ли не до полуночи. Его сажают под замок, а наутро ведут в суд.

После того как отец Гека выходит из тюрьмы, новый судья объявляет, что намерен сделать из него человека. Он приводит старика к себе в дом, одевает его с головы до ног, сажает за стол вместе со своей семьей. После ужина он заводит разговор насчет трезвости. Старик твердит, что хочет начать новую жизнь, чтобы никому не стыдно было вести с ним знакомство, и надеется, что судья ему в этом поможет. Судья готов обнять его за такие слова.

Однако ночью старику Финну до смерти хочется выпить. Он вылезает на крышу, спускается на крыльцо, обменивает новый скюртук на бутылку водки. Наутро его ночной дебош обнаруживается. Судья обижается и заявляет, что старика, пожалуй, можно исправить только пулей из ружья.

Глава шестая

Отец выслеживает Гека, увозит его в лодке вверх по реке и селит в старой бревенчатой хибарке в чаще леса. Он не отпускает Гека ни на минуту. Старый Финн пьет беспробудно. Периодически у него начинается пьяный бред, повсюду

мерещатся змеи. Гек придумывает оригинальный способ сбежать от отца. Он берет ружье, прицеливается из него, потом засыпает.

Глава седьмая

Утром старик Финн ничего не помнит из того, что вытворял накануне. Гек говорит ему, что ночью кто-то к ним ломился, вот Гек и подстерегал его с ружьем. Старик очень недоволен таким поворотом событий.

Гек отправляется рыбачить, обнаруживает на берегу пустой челнок, прячет его, а потом решает спуститься вниз по реке и пожить там одному. Затем Гек придумывает, как бы ему обмануть отца и вдову, чтобы они его не искали.

Отец уезжает в город за продуктами. Он запирает Гека. Гек принимается пилить бревно под стеной хижины, после чего выбирается на волю через подкоп. Мальчик забирает продукты, порох и дробь и остальные вещи — все, что стоило хотя бы цент. Следы своего бегства (подкоп под стеной) Гек хорошенько засыпает сверху землей, чтобы не видно было опилок. Гек отправляется в лес, стреляет дикого поросенка. Затем он возвращается, топором взламывает дверь в хижину, кладет поросенка на землю, чтобы вытекла кровь. Гек берет мешок с камнями, тащит его от убитого поросенка к дверям, а потом по лесу к реке и бросает в воду. В результате сразу бросается в глаза, что здесь что-то тащили по земле. Напоследок Гек вырывает у себя клоч волос и, намочив топор в крови, прилепляет волосы к лезвию. Потом он бросает поросенка в реку. Получается очень достоверная картина убийства — убийства самого Гека Финна.

Гек решает отправиться жить на остров Джексона. Он этот остров хорошо знает: там никогда никого не бывает.

Глава восьмая

Обосновавшись на острове, Гек видит, как по реке плывет пароход. Это ищут его. На пароходе стоят почти все, кого Гек знал: отец, судья Тэчер, Бекки Тэчер, Джо Гарпер, Том Соьер со старухой тетей Полли, Сидом и Мэри. Все разговаривают про убийство. Гек понимает, что теперь можно успокоиться. Больше никто его искать не станет.

Гек устраивает себе уютное жилье в чаще леса. Из одеял он сооружает что-то вроде палатки, для того чтобы вещи не мочило дождем. Гек обходит кругом весь остров и вдруг наступает прямо на головни чужого костра. Он решает узнать, кто, кроме него живет на острове. Это оказывается Джим, негр мисс Уотсон. Хозяйка собралась продать Джима, и он не стал дожидаться, когда его насильно увезут работоторговцы, и сам сбежал. Гек клянется не выдавать Джима.

Гек и Джим весело проводя время на острове. Джим знает массу примет. Если у человека волосатые руки и волосатая грудь — он разбогатеет. Птенцы вспорхнули — к дождю. Пересчитываешь, сколько чего готовится к обеду, — это не к добру. То же самое, если вытряхивать скатерть после захода солнца. А еще если у человека есть пчелы и этот человек умрет, то пчелам непременно нужно об этом сказать на следующее утро, до того как взойдет солнце, а не то они ослабеют, перестанут работать и передохнут. Джим сказал, будто пчелы не жалят дураков, только Гек этому

не поверил: он сам сколько раз пробовал, и пчелы Гека не кусали.

Глава девятая

Джим и Гек находят на острове хорошую, просторную пещеру. При дневном свете они носу не показывают оттуда, а ночью плавают в челноке или на плоту по реке. Однажды, перед самым рассветом, они причаливают к верхнему концу острова и вдруг видят, что по реке к ним плывет целый дом. Внутри мертвец. Джим уговаривает Гека не смотреть мертвому в лицо. Друзья обыскивают дом, находят массу полезных вещей, перевозят на остров.

Глава десятая

Джим и Гек осматривают одежду, которая им досталась, и находят восемь долларов серебром, зашитые в подкладку старого пальто. Гек ругает Джима за вранье. Тот говорил, будто хуже нет приметы, как взять в руки змеиную кожу. А что плохого случилось оттого, что Гек накануне пошел в пещеру за табаком и наткнулся там на гремучую змею? Они с Джимом только разбогатели.

Гек ту змею убил, свернул кольцом и положил Джиму на одеяло: думал, вот будет потеха, когда Джим найдет у себя на постели змею. К вечеру Гек про нее совсем забывает. Джим садится на одеяло, пока Гек разводит огонь, а там оказывается подружка убитой змеи. Она кусает Джима. Ступня у него сильно распухает. Джим лечится виски и поправляется.

Гек решает переправиться за реку и разузнать, что делается в городке. Джиму эта мысль прихо-

дится по вкусу; он только советует, чтоб Гек дождал до темноты, а в городе держал бы ухо востро. Подумав еще немножко, он рекомендует Геку переодеться девочкой.

Гек переправляется в город. В одном доме ему дает приют женщина лет сорока. Она недавно приехала в эти места.

Глава одиннадцатая

Гек, переодетый в платье, представляется женщине как Сара Уильямс. Женщина принимается рассказывать, как Гека «убили». Некоторые в городе думают, что мальчика убил сам старик Финн. Другие считают, что это сделал беглый негр по имени Джим, так что за него обещают награду триста долларов. Сама женщина считает, что старик Финн на редкость хитер. Он скрылся из города. Если он еще год не вернется, то ничего ему за убийство не будет. Доказать ничего нельзя; все тогда успокоится, и он заберет себе денежки Гека без всяких хлопот.

Геку хочется чем-нибудь занять руки. Он берет со стола иголку и начинает вдевать в нее нитку. Дело у него не ладится. Женщина замолкает, смотрит на Гека странно и улыбается. Она переспрашивает Гека, уточняя его имя. Он забывает то, что сказал вначале, и называет себя Мери. Как ни в чем не бывало, женщина принимается жаловаться, что крысы обнаглели и разгуливают по всему дому, говорит, что нарочно держит под рукой всякие вещи, чтобы бросать в крыс. Она показывает Геку свинцовую полосу, скрученную узлом, потом просит Гека швырнуть ее в крысу, при этом внимательно смотрит, как он это делает.

Женщина бросает Геку кусок свинца. Гек сдвигает колени и ловит его.

Женщина разоблачает Гека. Он признается, что он мальчик, и рассказывает очередную жалостливую выдуманную историю про себя и свои невзгоды. Женщина обещает не выдавать его, но советует больше девочкой не наряжаться: «Ты держишь нитку неподвижно и насаживаешь на нее иголку, а надо иголку держать неподвижно и совать в нее нитку. Женщины всегда так и делают, а мужчины всегда наоборот. А когда швыряешь палкой в крысу или еще в кого-нибудь, встань на цыпочки и занеси руку над головой, да постарайся, чтобы это вышло как можно нескладней, и промахнись этак шагов на пять, на шесть. Бросай, вытянув руку во всю длину, будто она у тебя на шарнире, как бросают все девочки, а не кистью и локтем, выставив левое плечо вперед, как мальчишки; и запомни: когда девочке бросают что-нибудь на колени, она их расставляет, а не сдвигает вместе, как ты сдвинул, когда ловил свинец».

От женщины Геку удастся узнать, что ее муж и его товарищ отправились искать Джима на остров Джексона. Гек поспешно возвращается к Джиму. Не теряя ни минуты, друзья отчаливают от острова.

Глава двенадцатая

Джим устраивает на плоту уютный шалаш, чтобы отсиживаться в жару и в дождь и чтобы вещи не промокли. Потом он укрепляет на плоту короткую палку с развилиной, чтобы вешать на нее фонарь. Каждую ночь Гек и Джим проплывают мимо городов. Гека поражает множест-

во огней. Гек и Джим замечают впереди пароход, который разбился о скалу. Они добираются до парохода, слышат на нем голоса. Джим обращается в бегство.

Гек, в поисках приключений в стиле Тома Сойера, ползет к корме. Он видит, что в салоне лежит на полу человек, связанный по рукам и ногам, а над ним стоят двое; один из них держит в руке тусклый фонарь, а другой револьвер. Последний целится в голову человека на полу. Это шайка бандитов, они хотят унести деньги, а человека на полу застрелить, потому что боятся, что он на них донесет. Однако затем они решают сделать дело без шума — пойти по каютам и забрать вещи, какие еще остались, а потом отплыть в лодке на берег и спрятать товар. Пройдет не больше двух часов, как пароход развалится и затонет.

Гек бесшумно возвращается на свой плот, рассказывает Джиму, что на пароходе целая шайка убийц, и если они с Джимом не отыщут, где лодка, и не пустят ее вниз по реке, чтоб те не могли сойти с парохода, одному из шайки придется плохо. А если они найдут лодку, то бандитов заберет шериф.

Глава тринадцатая

Гек перерезает веревку, на которой привязана лодка бандитов, и вместе с Джимом отчаливает от парохода. Лодка до половины завалена добром, которое воры награбили на разбитом пароходе.

Через пару миль Гек видит паром и уговаривает паромщика за несуществующее вознаграждение отправляться на помощь людям на пароходе. К этому времени разбитый пароход почти совсем затонул. Геку даже немного жалко бандитов.

Глава четырнадцатая

Проснувшись, Гек перебирает все добро, награбленное шайкой на разбитом пароходе. Такими богачами они с Джимом еще никогда в жизни не были. До вечера они валяются в лесу и разговаривают; Гек читает книжки и рассказывает Джиму обо всем, что произошло на пароходе и на пароме. Он сообщает ему кстати, что это и называется приключением, а Джим отвечает, что не желает больше никаких приключений.

Гек долго читает Джиму про королей, про герцогов и про графов, про то, как пышно они одеваются, в какой живут роскоши и как называют друг друга «ваше величество», «ваша светлость» и т. д. Гек утверждает, что король получает денег, сколько хочет, а вся его работа — «сидеть себе на троне, вот и все». Друзья обсуждают проблемы гарема. Гек припоминает, что у мудрейшего царя Соломона гарем тоже был, а жен у него было чуть не миллион. Но Джим придерживается на этот счет своеобразного мнения. Разве умный человек станет жить в таком кавардаке, как гарем? Разве прав был Соломон, когда, чтобы выяснить, кто из женщин настоящая мать младенца, велел разрубить ребенка пополам (та, что готова была отдать ребенка, лишь бы он остался жив, и оказалась настоящей матерью)? По мнению Джима, «это все равно, что разрубить пополам доллар. Куда годится половинка доллара? Ведь на нее ничего не купишь. А на что годится половина ребенка? Словом, ни от одного негра Соломону так не доставалось».

Глава пятнадцатая

Гек дурачит Джима. Они подплывают к острову в тумане и теряют друг друга. Гек пытается

разыграть Джима. Утром, добравшись до плота, на котором сидя спит Джим, Гек заявляет, что не видел тумана, ни островов и вообще никакой путаницы не было. Просто Джим уснул. Но Джим, искренне сокрушавшийся всю ночь о том, что Гек пропал, говорит, что «дрянь те люди, которые своим друзьям сыплют грязь на голову и поднимают их на смех». Он плетется в шалаш, залезает туда и больше с Геком не разговаривает. Гек чувствует себя таким подлецом, что готов целовать Джиму ноги, лишь бы он взял свои слова обратно. Проходит около пятнадцати минут, прежде чем Гек переломив себя, отправляется «унижаться перед негром».

Глава шестнадцатая

Джим надеется пристать к берегу в городе Каире, потому что, по его сведениям, в Каире все негры свободны. Но Гек и Джим никак не могут добраться туда. Джим говорит, что его бросает то в жар, то в холод оттого, что он так скоро будет на свободе.

Гек чувствует свою вину за то, что помогает беглому негру. Мальчик старается себе внушить, что он тут не при чем: ведь не он увел Джима от его законной хозяйки. Совесть нашептывает Геку, что он сделал таким образом гадость мисс Уотсон, которая учила его грамоте, учила, как надо себя вести, была к нему добра, как умела. Гек решает при первой возможности донести на Джима. Но негр так ласков к нему, так искренне благодарен за то, что Гек помогает ему стать свободным, что у мальчика опускаются руки. К тому же Джим постоянно твердит, что такого друга, как Гек, у него никогда не было.

Гек замечает, что к их плоту гребет лодка, а в ней двое мужчин. Он понимает, что сейчас они схватят Джима и закуют его в цепи. Гек решает на хитрость. Он сам плывет к мужчинам в челноке и представляет дело так, будто на плоту находится его отец, больной черной оспой. Перепуганные мужчины мигом теряют интерес к плоту и даже дают Геку денег, чтобы он обратился за помощью к кому-нибудь другому.

Ночью прямо на плот плывет пароход. Не заметив сигнального огня, он проходит прямо по плоту. Гек и Джим успевают спрыгнуть с плота и нырнуть в глубину. Гек выныривает, много раз окликает Джима, но не может добиться ответа. Гек хватается за доску и плывет к берегу, толкая доску перед собой. На берегу он впотьмах натывается на большой старинный бревенчатый дом. Гека окружают собаки, и сбежать мальчику не удается.

Глава семнадцатая

Хозяева впускают Гека в дом. Все мужчины вооружены. Обитателей дома, Грэнджерфордов, интересует лишь один вопрос — не знаком ли их ночной гость с некими Шепердсонами. Когда они удостоверяются, что нет, то тепло принимают Гека, кормят его, одевают в чистую одежду, которой делится с Гekom его ровесник, Бак.

«Семья была очень хорошая, и дом тоже был очень хороший. Гек еще никогда не видал в деревне такого хорошего дома, с такой приличной обстановкой... По всем четырем углам стола ровными стопками были разложены книги. Одна из них была большая семейная Библия с картинка-

ми; другая «Путь паломника»... Картины одна из дочерей сама нарисовала, когда ей было пятнадцать лет; теперь она уже умерла. На одной была нарисована женщина в узком черном платье и в большой черной шляпе вроде совка с черной вуалью. Она стояла под плакучей ивой, задумчиво опираясь правым локтем на могильный памятник, а в левой руке держала белый платок и сумочку, и под картинкой было написано: «Ах, неужели я больше тебя не увижу?!» На другой молодая девушка плакала в платок, держа на ладони мертвую птичку лапками вверх, а под картинкой было написано: «Ах, я никогда больше не услышу твоего веселого щебетанья!» Была и такая картинка, где молодая девица стояла у окна, глядя на луну, а по щекам у нее текли слезы; в одной руке она держала распечатанный конверт, с черной печатью, другой рукой прижимала к губам медальон на цепочке, а под картинкой было написано: «Ах, неужели тебя больше нет?! Да, увы, тебя больше нет!»

Когда эта девочка была еще жива, она завела себе альбом и наклеивала туда из «Пресвитерианской газеты» объявления о похоронах, заметки о несчастных случаях и долготерпеливых страдальцах и сама сочиняла про них стихи. Стихи были очень хорошие. Она особенно не разбиралась и с удовольствием писала стихи о чем угодно, лишь бы это было что-нибудь грустное. Стоило кому-нибудь умереть, будь это мужчина, женщина или ребенок, покойник еще и остыть не успеет, а она уж тут как тут со своими стихами. Она называла их «данью покойному». Соседи говорили, что первым являлся доктор, потом Эмелина, а потом уже гробовщик».

«Полковник Грэнджерфорд был, что называется, джентльмен. Как говорится, в нем была видна порода. Полковник был очень высокого роста, худой, смуглый, но бледный, без единой капли румянца; каждое утро он брил начисто все лицо; губы у него были очень тонкие, топкий нос с горбинкой и густые брови, а глаза черные-пречерные, и сидели они так глубоко, что смотрели на вас как будто из пещеры. Лоб у него был высокий, а волосы седые и длинные, до самых плеч. Руки худые, с длинными пальцами. И каждый божий день он надевал чистую рубашку и полотняный костюм такой белизны, что смотреть больно. А по воскресеньям одевался в синий фрак с модными пуговицами. Он носил трость красного дерева с серебряным набалдашником. Шутить он не любил, и говорил всегда тихо. А доброты он был такой, что и сказать нельзя, всякий сразу это видел и чувствовал к нему доверие. Улыбался он редко, и улыбка была приятная. Но уж если, бывало, выпрямится и начинает метать молнии из-под густых бровей, то сначала хотелось поскорей залезть на дерево, а потом уже узнавать, в чем дело. Ему не приходилось никого одергивать: при нем все вели себя как следует. Все любили его общество, когда он бывал в духе... Боб был самый старший сын, а Том второй, оба высокие, широкоплечие молодцы, загорелые. Они одевались с головы до ног во все белое. Еще была мисс Шарлотта (лет двадцати пяти), высокая, гордая, величественная, но такая добрая, что и сказать нельзя, если ее не сердили. Ее сестра, мисс София, была красавица: кроткая и тихая, как голубка; ей было всего

двадцать лет... У старика было много ферм и около сотни негров. Иногда наезжали целой толпой гости верхом, гостили пять-шесть дней, пировали, катались по реке, днем устраивали пикники в лесу, а вечером танцевали в доме. По большей части это были все родственники. Мужчины приезжали в гости с ружьями.

В этих местах жил еще один аристократический род, семей пять или шесть; почти все они были по фамилии Шепердсоны. Это были такие же благородные, воспитанные, богатые и знатные господа, как и Грэнджерфорды». Однако две уважаемых семьи не могут жить в мире. Причиной тому — кровная вражда, которая началась лет тридцать назад. По словам Бака, который становится верным товарищем Геку, «была какая-то ссора, а потом из-за нее судились; и тот, который проиграл процесс, пошел и застрелил того, который выиграл, да так оно и следовало, конечно. Всякий на его месте сделал бы то же... Среди Шепердсонов нет трусов. И среди Грэнджерфордов тоже нет».

В воскресенье Грэнджерфорды, взяв с собой Гека, отправляются в церковь верхом. Мужчины берут с собой ружья и держат их между коленями или ставят к стенке, чтобы были под рукой. Шепердсоны делают то же самое.

Вернувшись обратно, Гек видит, что тихая София стоит на пороге своей комнаты. Она зовет Гека к себе в комнату, просит исполнить одну ее просьбу и никому об этом не говорить. София говорит, что забыла Евангелие в церкви. Она просит Гека сбегать потихоньку за этой книгой. Когда Гек подбирает Евангелие, из него выпадает записка «В половине третьего».

Один из негров Грэнджерфордов зовет Гека на болото под предлогом показать водяных змей. Отправившись за ним, Гек видит, что прямо на земле спит человек. Это Джим. Он чуть не плачет — до того рад Геку. Джим сообщает, что отремонтировал плот, и они могут вновь плыть дальше.

Гек возвращается к Грэнджерфордам. В доме непривычно тихо. Негры рассказывают, что София сбежала, чтобы обвенчаться с молодым Гарни Шепердсоном. Мужчины схватили ружья, вскочили на лошадей, а женщины кинулись поднимать родню. В результате погони полковник и три его сына погибают. Геку особенно жаль Бака, который был так добр к нему. Гек и Джим пускаются в дальнейшее плавание.

Глава девятнадцатая

Гек и Джим подбирают двоих мужчин, за которыми гонятся с собаками. «Одному из бродяг на вид лет семьдесят, а может, и больше, он лысый и с седыми баками. На нем старая, рваная шляпа, синяя грязная шерстяная рубаша, рваные холщовые штаны, заправленные в высокие сапоги, и подтяжки домашней вязки. Оба они волокли тяжелые, битком набитые ковровые саквояжи. Другому бродяге было лет тридцать, и одет он был тоже неважно». Первый рассказывает, что «продавал одно снадобье, для того, чтобы счищать винный камень с зубов, счищать-то оно, положим, счищает, но только и эмаль вместе с ним сходит». Другой «около недели проповедовал трезвость, и все женщины нахвалиться не могли, и дело шло все лучше да лучше, как вдруг кто-то пустил слух, что он и сам потихоньку прикладывается к бутылочке».

Вообще же первый жулик признается, что «по ремеслу он наборщик; случается, торгует патентованными лекарствами, выступает на сцене; при случае занимается внушением мыслей, угадывает характер по руке, для разнообразия дает уроки пения и географии; бывает, и лекцию прочтет, да мало ли что еще! Берется за все, что ни подвернется, лишь бы не работать». Второй «в свое время много занимался врачеванием. Исцелял возложением рук паралич, раковые опухоли и прочее; мог недурно гадать, если разузнает от кого-нибудь всю подноготную».

Вскоре первый мошенник, чтобы произвести впечатление на окружающих, заявляет, что по происхождению он герцог. Гек и Джим принимают прислуживать ему. Второй, старик, надувается и совсем перестает с ними разговаривать. В заключение он признается, что он «покойный дофин», т. е. король Людовик Семнадцатый. Гек с Джимом начинают звать его «величеством». Это ему очень помогает, он вполне успокаивается. Зато обижается герцог.

Гек довольно скоро соображает, что бродяги не герцог и не король, а просто-напросто обманщики и мошенники самого последнего разбора. Но только Гек ничего им не говорит, даже и виду не подает, а благоразумно помалкивает.

Глава двадцатая

Гек и Джим всегда плыли только ночью, чтобы их не заметили и не поймали Джима. Герцог обещает придумать способ, чтобы им плыть днем. Скоро Гек убеждается в том, что герцог действительно мастер на различные выдумки. Тот доста-

ет из саквояжа груды афиш, где он выступает в самых различных амплуа под самыми невероятными именами: например, отыскивает воду и золото с помощью орехового прута, снимает заклятия и так далее.

Герцог рассказывает королю, кто такие Ромео и Джульетта, вытаскивает два-три костюма из занавесочного ситца и объясняет, что это средневековые доспехи для Ричарда Третьего и его противника, и еще длинную ночную рубашку из белого коленкора и чепец с оборками. Король и герцог репетируют на плоту сцену из «Ромео и Джульетты» и монолог Гамлета (видимо, написанный самим герцогом, потому что он состоит из бессмысленного набора цитат из Шекспира).

В ближайшем городке герцог отправляется в типографию, а Гек с королем на молитвенное собрание. Проповедь священника пользуется большим успехом — прихожане рыдают в экстазе. «Из-за криков и рыданий уже нельзя было разобрать, что говорит проповедник. То там, то здесь люди поднимались со своих мест и изо всех сил старались пробиться к скамье кающихся, заливаясь слезами; а когда все кающиеся собрались к передним скамейкам, они начали петь, выкликать и бросаться плашмя на солому, как полоумные. Не успел Гек опомниться, как король тоже присоединился к кающимся и кричал громче всех, а потом полез на помост. Проповедник попросил его поговорить с народом, и король изъявил согласие. Он рассказал, что тридцать лет был пиратом и плавал в Индийском океане, но этой весной большую часть его шайки перебили в стычке, вот он и приехал на родину набрать новых лю-

дей, да, слава богу, его обокрали вчера ночью и высадили с парохода без единого цента в кармане, и он очень этому рад; лучше этого с ним ничего не могло случиться, потому что он стал теперь новым человеком и счастлив первый раз в жизни. Как он ни беден, он постарается опять добраться до Индийского океана и всю свою жизнь положит на то, чтобы обращать пиратов на путь истины. И тут он залился слезами, а вместе с ним заплакали и все прочие». В конце концов кто-то кричит, что для раскаявшегося пирата надо собрать деньги. Король очень прилично зарабатывает за один день.

Герцог печатает в типографии объявление о поимке Джима. Теперь, если понадобится, они могут плыть и днем. Как только они завидят, что кто-нибудь к ним подъезжает, следует сейчас же связать Джима по рукам и по ногам веревкой, положить его в шалаш, показать это объявление и сказать, что они его поймали и теперь едут получать награду.

Глава двадцать первая

В захудалом городишке герцог снимает залу суда и расклеивает афиши. Гек гуляет по городу, слышит, что приехал старик Богс (он всегда приезжает из деревни раз в месяц, чтобы нализаться как следует, а потом кричать, что убьет полковника Шерборна). Шерборн предупреждает Богса, чтобы он держался в рамках, но тот продолжает грязно ругаться. Полковник Шерборн убивает Богса из пистолета. Собирается толпа. Кто-то кричит, что Шерборна надо линчевать. Толпа валит к дому Шерборна с ревом и криком, обрывая по

дороге веревки для белья, чтобы повесить на них полковника.

Глава двадцать вторая

Шерборн с дустволкой в руках выходит перед толпой. Он произносит презрительным тоном речь: «Подумать только, что вы можете кого-то линчевать! Это же курам на смех. С чего это вы вообразили, будто у вас хватит духу линчевать мужчину? Уж не оттого ли, что у вас хватает храбрости вывалить в пуху какую-нибудь несчастную заезжую бродяжку, вы вообразили, будто можете напасть на мужчину? Да настоящий мужчина не побоится и десяти тысяч таких, как вы, пока на дворе светло и вы не прячетесь у него за спиной... Средний человек всегда трус. Он позволяет всякому помыкать собой, а потом идет домой и молится богу, чтобы тот послал ему терпения. Почему ваши судьи не вешают убийц? Потому что боятся, как бы приятели осужденного не пустили им пулю в спину, да так оно и бывает. Вот почему они всегда оправдывают убийцу; и тогда настоящий мужчина выходит ночью при поддержке сотни замаскированных трусов и линчует негодяя. Средний человек не любит хлопот и опасности. Самое жалкое, что есть на свете, это толпа; вот и армия толпа: идут в бой не оттого, что в них вспыхнула храбрость, им придает храбрости сознание, что их много и что ими командуют. Но толпа без человека во главе ничего не стоит. Теперь вам остается только поджечь хвост, идти домой и забиться в угол». Толпа действительно покорно расходится.

На представление герцога и короля народу приходит немного. Трагедия Шекспира в испол-

нении актеров-мошенников успехом не пользуется. Зрители смеются, а герцог злится. Наконец он решает, что местные обыватели не доросли до Шекспира, и им нужна только самая пошлая комедия. Герцог вывешивает новые объявления о представлении, на которое не допускаются женщины и дети.

Глава двадцать вторая

Вечером зал битком набит мужчинами. Король выбегает из-за кулис на четвереньках, совсем голый; он весь размазан разноцветными полосами. Зрители хохочут от души. На этом представление заканчивается. Собравшиеся решают, что их одурачили. Обозлившись, они вскакивают с мест, лезут ломать сцену и бить актеров. Однако один господин уговаривает окружающих уйти спокойно, хвалить представление и обмануть весь город. На другой день по всему городу только и разговоров, что про замечательный спектакль. Вечером зал оказывается битком набит зрителями, и опять король с герцогом всех обманывают и недурно зарабатывают. На третье представление приходят не новички, а те же, кто был на первых двух спектаклях, с тухлыми яйцами и гнилой капустой в оттопыренных карманах.

Однако ни король, ни герцог не собираются давать представление и благополучно улетучиваются из города.

Глава двадцать четвертая

Герцог одевает Джима в костюм короля Лира — длинный халат из занавесочного ситца, седой парик и бороду из конского волоса. Он мажет Джи-

му шею, лицо, руки густой синей краской такого тусклого и неживого оттенка, что негр становится похож на утопленника. Потом герцог пишет на дощечке: «Бешеный араб. Когда в себе, на людей не бросается». Он приколачивает эту дощечку к палке, а палку ставит перед шалашом на плоту.

Король с Геком натыкаются на простоватого с виду деревенского паренька. Король расспрашивает его о местных новостях и узнает, что в ближайшем городке недавно умер некто Питер Уилкс, состоятельный человек, и теперь весь город ждет приезда его братьев из Англии (причем один брат глухонемой). Королю скоро удастся разузнать всю подноготную про городок и про Уилксов.

Король с герцогом отправляются в городок и представляются братьями Питера Уилкса. Все сочувствуют им.

Глава двадцать пятая

Три девушки — дочери покойного Питера Уилкса — ждут самозванцев в дверях. Геку особенно нравится Мэри Джейн. Девушки кидаются на шею мнимым дядюшкам, а те играют свою роль очень естественно, обливаются слезами и целуют «племянниц».

Для достоверности король ухитряется расспросить «чуть ли не про всех в городе, до последней собаки, называя каждого по имени и упоминая разные происшествия, какие случались в городе, или в семье Джорджа, или в доме у Питера. Он, между прочим, всегда давал понять, что все это Питер ему писал в письмах, только это было вранье: все это, до последнего словечка, он выудил у

молодого дуралея, которого они подвезли к парходу».

Мэри Джейн приносит письмо, по которому жилой дом и три тысячи долларов золотом достаются ей и сестрам, а кожевенный завод, который дает хороший доход, и другие дома с землей (всего тысяч на семь) и три тысячи долларов золотом — братьям. Еще в письме было говорится, что эти шесть тысяч зарыты в погребке.

Демонстративно при людях мнимые дядюшки дарят «племянницам» весь капитал покойного. Их план состоит в том, чтобы быстро продать с аукциона завод и дома с землей, а деньги поделить и скрыться. Если же они сделают широкий жест, отдав золото сироткам, то никому не придет в голову заподозрить их в мошенничестве. Однако это не мешает доктору, который лечил покойного Питера, во всеуслышание заявить, что перед ним — самозванцы. Мэри Джейн не верит доктору, передает мешок с деньгами королю и, не требуя расписки, просит поместить их для нее и сестер куда угодно. Король и герцог забирают деньги, прячут их в тюфяк.

Глава двадцать шестая

Гек решает украсть для Мэри Джейн эти деньги, спрятать их, а потом, когда уедет вниз по реке, написать девушке письмо и рассказать, где он спрятал мешок. Гек обыскивает комнаты «дядюшек». Те торопятся поскорей удрать с теми деньгами, что у них уже есть. Ничего отнимать у девочек, кроме денег, они не будут. По американским законам пострадают покупатели завода: как только выяснится, что имущество не принадлежит

самозванцам, продажа окажется недействительной, и все имущество вернется к законным владельцам, т. е. Мэри Джейн и ее сестрам.

Гек вытаскивает мешок с деньгами из тюфяка, где его прятали мошенники, и прячет в открытый гроб Питера Уилкса.

Глава двадцать седьмая

Король продает с аукциона не только завод, но и негров, живших в доме Уилкса, при этом разлучая семью. Мэри Джейн очень огорчена этим. «Дядюшки», стараясь загладить свою вину, приглашают девочек пожить «у себя» в Англии. Те успокаиваются и принимаются паковать чемоданы.

Глава двадцать восьмая

Гек признается Мэри Джейн в том, что герцог и король мошенники, рассказывает ей всю правду об их похождениях, ссылаясь на жителей того городка, где они давали представления, которые могли бы подтвердить его слова. Он уговаривает Мэри Джейн поехать ненадолго к каким-нибудь знакомым за городом. Королю же с герцогом Гек сообщает, что Мэри Джейн уехала хлопотать для аукциона.

Аукцион затягивается, и появляется «еще парочка наследников Питера Уилкса».

Глава двадцать девятая

Настоящие братья Уилкса сразу получают активную поддержку доктора. Он затевает расследование с целью вывести короля с герцогом на чистую воду. «Он заставил короля рассказать все по-своему; а потом приезжий старичок расска-

зал все по-своему; и тут уж всякий, кроме разве самого предубежденного болвана, увидел бы, что приезжий старичок говорит правду, а король врет». Тут выясняется, что все наличные деньги, которые король с герцогом прятали в тюфяке, исчезли. Король с герцогом сваливают вину на негров.

Доктор и адвокат принимаются сличать почерки присутствующих с письмами от братьев, которые хранил Питер Уилкс. Но тут расследование заходит в тупик, потому что писал письма глухонемой Уильям, а теперь он сломал руку. Тогда приезжий старичок рассказывает, какая у Питера была татуировка на груди. Но те, кто обряжал покойного, не помнят, какая у него была татуировка. Чтобы доказать правоту старичка, все отправляются на кладбище откапывать Уилкса. Геку удастся сбежать, но король с герцогом нагоняют его и снова плывут вместе с Геком и Джимом на плоту.

Глава тридцатая

Король и герцог затевают драку, в результате которой король сознается, что это он украл деньги из тюфяка. Геку становится гораздо легче.

Глава тридцать первая

Дальнейшие попытки герцога и короля заработать ни к чему не приводят, и по целым дням они валяются на плоту хмурые и злые. Вскоре, в отсутствие Гека, они продают Джима на плантацию некоего мистера Фелпса за сорок долларов. Гек решает освободить Джима.

Глава тридцать вторая

Гек пробирается на плантацию Фелпса. Его встречают радушно. Оказывается тетя Салли и

ее муж с минуты на минуту ожидали приезда племянника — Тома Сойера, и приняли Гека за Тома. Гек охотно рассказывает им про семью Сойеров. Быть Томом Сойером оказывается легко и приятно.

Глава тридцать третья

Гек отправляется в город перехватить Тома. Встретив старого приятеля, он рассказывает ему, как помогал бежать Джиму. Том вызывается помочь Геку его освободить.

Том прикидывается своим братом Сидом Сойером и остается жить у тети Салли вместе с Геком.

Джим рассказывает Фелпсам, что представление короля и герцога, которое они намерены дать в городке, просто возмутительное. Новость моментально распространяется по городку, и скоро жители уже тащат короля с герцогом верхом на шесте, обваленных в смоле и в перьях. Геку неприятно на это глядеть и даже жалко несчастных жуликов.

Глава тридцать четвертая

Гек предлагает Тому освободить Джима как можно быстрее. Но, по мнению Тома, освобождение обещает быть уж очень простым, ничего в нем особенного нет. Что это за план, считает Том, если с ним никакой возни не требуется? Грудной младенец и тот справится. Не будет ни шума, ни разговоров, все равно что после кражи на мыловаренном заводе.

Том предлагает новый план, на первый взгляд абсолютно идиотский и с массой искусственно созданных трудностей, которые обещают тянуть-

ся достаточно долго. Зато мальчишки довольны — шику будет куда больше, да еще, может, их и пристрелят.

Глава тридцать пятая

Том, который бредит приключениями и разбойничьими романами, несколько раздосадован тем, что ему самому приходится выдумывать всякие трудности. Гек утешает друга, говоря, что гораздо больше чести выручать Джима из разных затруднений и опасностей, когда никто этих опасностей для их не приготовил и они сами должны все придумывать из головы, хоть это вовсе не их обязанность. Например, цепь с ноги Джима легко снимается, надо только приподнять ножку кровати, на которой он спит. Однако Том уверяет, «что надо ножку перепилить надвое и так оставить, а опилки проглотить, чтоб никто не заметил, а ножку замазать грязью и салом, чтобы даже самый зоркий тюремщик не мог разглядеть, где пилили, и думал, что ножка совсем целая. Потом, в ту ночь, когда ты совсем пригодишься к побегу, пнешь ее ногой она и отлетит, и снимешь цепь. Больше и делать почти нечего: закинешь веревочную лестницу на зубчатую стену, соскользнешь в ров, сломаешь себе ногу, потому что лестница коротка — целых девятнадцати футов не хватает, а там уж тебя ждут лошади, и верные слуги хватают тебя, кладут поперек седла и везут в твой родной Лангедок, или в Наварру, или еще куда-нибудь.

Многие авторитеты так и делали. Они не могли снять цепь, отрубили себе руку и тогда бежали. А ногу было бы еще лучше. Но придется обой-

тись без этого. Особой необходимости нет, а кроме того, Джим негр, и не поймет, для чего это нужно; ему ведь не растолкуешь, что в Европе так принято». Веревочную лестницу Том предлагает сделать, разорвав свои простыни, а переслать ее в пироге, поскольку «уж это всегда так делают».

Том заставляет Гека украсть не только простыни тети Салли, но и чистую рубашку. Он объясняет, что на рубашке Джим будет вести дневник. Тома не смущает то обстоятельство, что Джим и писать-то не умеет. Том решает, что негр сможет вместо букв ставить какие-нибудь значки, если они с Геком сделают ему перо из оловянной ложки или из старого обруча с бочки. На замечание Гека, что проще сделать перо просто подобрав с земли гусиное, Том резонно замечает, что «у узников гуси по камере не бегают. Они всегда делают перья из чего-нибудь самого твердого и неподходящего, вроде обломка медного подсвечника. И на это у них уходит много времени — недели, а то и месяцы, потому что перо они оттачивают об стенку. Гусиным пером они писать ни за что не станут, хоть бы оно и оказалось под рукой. Это не принято».

Чернила Том советует сделать из ржавчины со слезами или писать кровью.

Глава тридцать шестая

Том и Гек принимаются делать подкоп под стену сарая. Они копают ножами чуть ли не до полуночи, устают и натирают руки до волдырей. Тогда Том принимает непростое решение — копать мотыгами, но вообразить, будто это ножи. Точно так же Гек советует другу влезть к Джиму

по лестнице, а вообразить, будто это громоотвод. Дело освобождения негра начинает продвигаться несравненно быстрее, чем прежде.

Том доказывает Джиму, что убежать легко и просто «будет не по правилам», рассказывает, какие у них с Геком планы и как они все это переменяют в один миг, если поднимется тревога, и что бояться ему нечего, они его освободят обязательно. Джим соглашается глядеть в оба и ничему не удивляться. Том очень радуется, говорит, что еще никогда у него не было такой веселой игры и такой богатой пищи для ума. Если бы он знал, как это сделать, он бы всю жизнь так играл, а потом завещал бы своим детям освободить Джима, потому что Джим, конечно, со временем привыкнет. Том утверждает, что игру можно растянуть лет на восемьдесят и поставить рекорд. И тогда все, кто в ней участвовал, прославятся.

Том и Гек пекут в лесу «заколдованный пирог». Заколдованный он потому, что Тому удастся заморочить голову негру, который носит Джиму еду, и представить дело так, что по дому летают ведьмы. Чтобы отпугнуть их, требуется колдовство. Колдовство для Тома с Геком заключается в том, что в пирог они запекают лестницу из простынь.

Глава тридцать седьмая

Тем временем тетя Салли обнаруживает, что пропала рубашка, ложка, полдюжины свечей и еще много всего. Она намерена искать пропавшие вещи. Чтобы отвести от себя подозрение, Том с Геком несколько раз подкидывают тете Салли ложку, когда она пересчитывает посуду, и несколько раз прячут ее. Та совершенно запутывается,

принимается даже корзину считать вместе с ложками. Затем мальчики то вешают пропавшую простыню на веревку, то снимают, пока тетя Салли не сбивается со счета и не заявляет, что ей наплевать, сколько у нее простынь.

Глава тридцать седьмая

Делать перья из оловянной ложки оказывается сущим мучением. Пока Гек с Джимом точат перья на кирпиче, Том придумывает узнику герб. Значение аллегорических фигур на нем, правда, Том не может растолковать. Зато он предлагает на выбор несколько вариантов прощальной надписи на стене, которую, по его плану, Джим перед побегом должен выцарапать на камне.

1. Здесь разорвалось сердце узника.

2. Здесь бедный пленник, покинутый всем светом и друзьями, влачил свое печальное существование.

3. Здесь разбилось одинокое сердце и усталый дух отошел на покой после тридцати семи лет одиночного заключения.

4. Здесь, без семьи и друзей, после тридцати семи лет горестного заточения погиб благородный незнакомец, побочный сын Людовика Четырнадцатого.

Так как стены сарая были деревянными и надпись на них скоро бы стерлась, Том и Гек крадут с лесопилки жернов. Дотащив его до полдороги, они выбиваются из сил и зовут на помощь Джима. Он приподнимает свою кровать, снимает с ножки цепь, обматывает ее вокруг шеи и выходит из сарая. Гек с Джимом наваливаются на жернов и катят его, как перышко, а Том распоряжа-

ется. «Распоряжаться-то он был мастер, куда до него всем другим мальчишкам!»

Глава тридцать девятая

Том и Гек решают, что Джиму необходима какая-то живность в его заточении. Они ловят «штук пятнадцать крыс, а также самых отборных пауков, лягушек, жуков, гусениц и прочей живности; хотели было захватить с собой осиное гнездо, а потом раздумали: осы были в гнезде... десятка два ужей и медяниц они посадили в мешок и положили в комнате. А когда они вернулись, ни одной змеи в мешке не было: они ухитрились как-то вылезти и все уползли. Только это было не важно, потому что все они остались тут, в комнатах. Но еще долго после этого змей в доме было сколько угодно! То и дело они валились с потолка или еще откуда-нибудь и обыкновенно норовили попасть в тарелку или за шиворот, и всегда не вовремя. Они были такие красивые, полосатые и ничего плохого не делали, но тетя Салли в этом не разбиралась: она терпеть не могла змей какой бы ни было породы и совсем не могла к ним привыкнуть, сколько ее ни приучали... То-то веселье начиналось у Джима в хибарке, когда он, бывало, заиграет на дудке, а они все так и полезут к нему! Джим не любил пауков, и пауки тоже его недолюбливали, так что ему приходилось от них солоно. И он говорил, что ему даже спать негде из-за всех этих крыс и змей, да еще и жернов тут же в кровати; а если бы даже и было место, все равно не уснешь такое тут творится; и все время так, потому что все эти твари спят по очереди: когда змеи спят, тогда крысы на палубе;

а крысы уснут, так змеи на вахте; и вечно они у него под боком, мешают лечь как следует, а другие скачут по нему, как в цирке; а если он встанет поискать себе другого места, так пауки за него принимаются. Он сказал, что если когда-нибудь выйдет на свободу, так ни за что больше не сядет в тюрьму, даже за большое жалованье».

Проходит три недели. Все готово к побегу. Том решает набить женское платье соломой и уложить на кровати Джима, будто бы это его переодетая мать, пишет анонимное письмо следующего содержания: «Целая шайка самых отчаянных злодеев с индейской территории собирается нынче ночью украсть беглого негра».

Глава сороковая

В доме тети Салли все ходят перепуганные и встревоженные. Том с Гekom запасают провизию для побега. Неожиданно Том обнаруживает, что Гек забыл масло, и посылает его в подвал. Гека ловит тетя Салли, препровождает в гостиную, где наготове сидят пятнадцать фермеров с ружьями. Они пришли защищать соседей от нападения индейцев. Один из фермеров предлагает засесть в сарае. От страха Гека бросает в жар. Масло, спрятанное под шапкой, начинает таять и течь у Гека по лбу. Тетя Салли решает, что у него воспаление мозгов.

Геку удастся улизнуть из гостиной. Вместе с Томом и Джимом они благополучно вылезают в подкоп. Том цепляется штаниной за щепку. Она отламывается и трещит. Фермеры выскакивают из дому и бросаются в погоню за неизвестными.

Том, Гек и Джим добираются до плота. Гек поздравляет Джима со счастливым освобожде-

нием. Больше всех радуется Том, потому что у него в ноге засела пуля. Когда Гек с Джимом слышат это, то сразу перестают веселиться. Том настаивает, чтобы они бежали без него, но Джим считает, что так поступать не годится. Гек отправляется за доктором. Побелевший от боли Том разрешает это сделать, если Гек «запрет дверь, свяжет доктора по рукам и по ногам, наденет ему на глаза повязку, а потом сунет ему в руку кошелек, полный золота, и ведет его не прямо, а в темноте, по задворкам; привезет его в челноке; да не забудет обыскать его и отобрать мелок, а то он наставит мелом крестов, чтобы можно было найти плот».

Глава сорок первая

Гек привозит доктора к Тому, а сам возвращается к тете Салли. У нее полон дом соседей. Все уже знают, при каких невероятных обстоятельствах бежал Джим. Все сходятся во мнении, что этот негр полоумный. Ни один нормальный человек не стал бы так пышно обставлять свое бегство, а напротив, сделал бы все незаметно и тихо.

Тетя Салли сильно горюет о пропавшем Томе (она по-прежнему думает, что Том — это Сид, а Гек — это Том). Она нежно ухаживает за Геком. Ему очень неудобно перед ней, но он сдерживает себя и не сбегает из дому, чтобы проведать Тома на плоту.

Глава сорок вторая

На другое утро по улице движется процессия во главе со старичком доктором. Тома Сойера несут на носилках, а Джима в ситцевом платье, которое для него украли мальчишки, ведут со связанными за спиной руками. Фермеры ужасно злы, а неко-

которые даже предлагают «повесить Джима, в пример всем здешним неграм, чтобы им было неповадно бегать, как Джим убежал, устраивать такой переполох и день и ночь держать в страхе целую семью». Джима отводят в тот же сарай, переодевают в старую одежду и опять приковывают на цепь. Но за него вступается доктор, рассказывает, как трогательно ухаживал Джим за раненым Томом, как не бросил мальчика одного, хотя мог бы сбежать.

Тома укладывают в постель. Тетя Салли не отходит от него ни на шаг. Том быстро идет на поправку. Гек пробирается к нему. Тому кажется будто он дома, у тети Полли в Санкт-Петербурге. Он вслух рассказывает, как они с Геком организовали побег Джима. Тетя Салли все слышит. Она вне себя. Том понимает, что попал впросак, и теперь расплачиваться за его фантазии придется Джиму. Мальчик рассказывает, что мисс Уотсон умерла, но в своем завещании освободила Джима. Тете Салли совершенно непонятно, зачем тогда Тому, который знал, что Джим — свободный человек, понадобилась вся эта канитель с невероятным побегом. Том в недоумении замечает: «Вот это вопрос, это как раз похоже на женщин! А как же приключения-то?»

Приезжает тетя Полли, рассказывает, кто такой Гек и откуда он взялся. Геку приходится объяснить, что он не знал, как выйти из положения, когда миссис Фелпс приняла его за Тома Соьера.

Глава последняя

Том и Гек зовут Джима в комнату больного для серьезного разговора. Том дарит ему сорок долла-

ров за то, что он был узником, все терпел и так хорошо себя вел.

После этого Том предлагает отправиться на поиски приключений к индейцам, на индейскую территорию, недельки на две, на три. Гек отвечает, что у него нет денег на индейский костюм, потому что отец, должно быть, уже вернулся, забрал все его средства у судьи Тэчера и пропил их.

Джим торжественно объявляет, что старик Финн больше никогда не вернется. Он напоминает Геку, что они видели дом, который плыл по реке. Мертвец, прикрытый одеялом, и был его отец.

Том давно поправился, носит свою пулю на цепочке вместо брелока и то и дело лезет поглядеть, который час.

Р. Л. Стивенсон

Сведения об авторе:

Роберт Льюис Стивенсон (1850—1894) родился 13 ноября в Эдинбурге в семье шотландских инженеров, знаменитых строителей маяков. В детстве мальчик много болел (туберкулез), и отец — сэр Томас — сидя у постели сына, рассказывал ему увлекательные истории об отважных разбойниках, отчаянных плаваниях, зарытых кладах. Интерес к литературе у Стивенсона пробудился рано, и он мечтал о карьере писателя. Однако родители не считали это серьезной профессией, и, сдавшись на их уговоры, Стивенсон поступил на юридический факультет Эдинбургского университета. Окончив его, он получает право заниматься юридической практикой (однако правом этим он так и не воспользовался).

Стивенсон мечтает о путешествиях. Но слабое здоровье не позволяет Льюису осуществить свои планы. Впрочем, он совершает путешествия, но иного рода — сначала, по настоянию врачей, — в мягкий климат Франции, Голландии и Бельгии, затем — в Калифорнию за своей невестой, американкой Фанни Осборн, а под конец жизни, — на острова архипелага Самоа.

Одной из первых напечатанных книг Стивенсона была «Путешествие вглубь страны». Однако она не вызвала интереса у читателей.

Знаменитый роман «Остров сокровищ», прославивший имя Стивенсона на весь мир, появился совершенно случайно. Играя со своим приемным сыном Ллойдом Осборном, Стивенсон начертил карту острова. «Как называется эта земля?» — спросил мальчик. «Остров сокровищ», — ответил автор первое, что ему пришло в голову. Так из игры родилась идея написать приключенческую книгу. В создании романа приняли деятельное участие и отец писателя, и, конечно, Ллойд Осборн (именно по желанию мальчика Стивенсон не включил в повествование женщин, кроме матери Джима Хокинса). Именно Ллойд был первым слушателем и строгим судьей всего написанного.

Впервые роман увидел свет в 1883 году и приобрел неслыханную популярность. Роман был написан так живо, а характеры действующих лиц выписаны столь правдоподобно, что многие читатели пребывали в полной уверенности, что все описанное в романе — чистая правда, и даже присылали Стивенсону письма с просьбой назвать точные координаты острова, где осталась невывезенная часть сокровищ.

Хотя «Остров сокровищ» — самое знаменитое произведение Стивенсона, его литературное наследие насчитывает около 40 томов — именно столько он написал за 15 лет напряженной работы. Среди его произведений есть и роман о средневековой Англии «Черная стрела», и фантастическая повесть «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда», большой реалистический роман «Владелец Баллантрэ», новеллы и рассказы. Кроме того, Стивенсон был прекрасным поэтом. Его перу принадлежит поэтический сборник «Детский цветник стихов».

Работать Стивенсон продолжал до последних дней своей недолгой жизни, которые он провел на тихоокеанском острове Уполу (там был идеальный климат для больного туберкулезом человека). Исполняя последнюю волю Стивенсона, родные похоронили его над морем, а на могильном камне написали строки, написанные много лет назад самим Стивенсоном:

На камне моем вы напишете так:
Здесь его дом, его давний маяк,
Из долгих скитаний вернулся моряк,
Охотник — из чащи лесной.

Остров сокровищ

Часть первая

Старый пират

Автор пишет об острове сокровищ по просьбе своих знакомых. Указать точное местонахождение острова он не может, поскольку на нем все еще остались сокровища, которые не вывезла экспедиция, участником которой был автор.

Автор был еще ребенком, взрослые звали его Джимом, когда началась эта история. Его отец держит трактир «Адмирал Бенбоу», где в один прекрасный день поселяется старый загорелый моряк с сабельным шрамом на щеке. Моряк любит петь матросскую песню:

Пятнадцать человек на сундук мертвеца,
Йо-хо-хо, и бутылка рому!

Постоялец интересуется, много ли народу останавливается в таверне. Отец Джима отвечает, что, к сожалению, очень немного. Моряка это известие радует, видно, что он избегает общества. Старый пират платит несколько золотых монет вперед и велит уведомить его, когда надо будет платить в следующий раз.

«Хотя одежда у него была плоховата, а речь отличалась грубостью, он не был похож на простого матроса. Скорее его можно было принять за штурмана или шкипера, который привык, чтобы ему подчинялись. Чувствовалось, что он любит давать волю своему кулаку... Человек он был молчаливый. Целыми днями бродил по берегу бухты или взбирался на скалы с медной подзорной трубой. По вечерам он сидел в общей комнате в самом углу, у огня, и пил ром, слегка разбавляя его водой. Он не отвечал, если с ним заговаривали. Только окинет свирепым взглядом и засвистит носом, как корабельная сирена в тумане. Вскоре ... посетители научились оставлять его в покое. Каждый день, вернувшись с прогулки, он справлялся, не проходили ли по нашей дороге какие-нибудь моряки». Джим понимает, что старый пират, которого он про себя окрестил капитаном, кого-то

боится. Его подозрения подтверждаются, когда однажды он отводит парнишку в сторону и обещает платить ему первого числа каждого месяца по четыре пенса серебром, если тот будет «в оба глаза смотреть, не появится ли где моряк на одной ноге», и сообщит ему сразу же, как только увидит такого.

Мальчика «одноногий моряк преследовал ... даже во сне.

Бурными ночами, когда ветер сотрясал все четыре угла дома, а прибой ревел в бухте и в утесах, он снился ему на тысячу ладов, в виде тысячи разных дьяволов». Но как ни страшен был для него одноногий моряк, самого капитана Джима боится гораздо меньше, чем все остальные. В иные вечера старый моряк выпивает столько рому с водой, что распевает свои старинные, дикие, жестокие морские песни, не обращая внимания ни на кого из присутствующих. Иногда он приглашает всех к своему столу и рассказывает о морских приключениях. «Ужасные рассказы о виселицах, о хождении по доске (вид казни; осужденного заставляли идти по неприбитой доске, один конец которой выдавался в море), о штормах, о разбойничьих гнездах и разбойничьих подвигах. Судя по его рассказам, он провел всю свою жизнь среди самых отъявленных злодеев, какие только бывали на море».

Несмотря на свое обещание и на неоднократные напоминания, капитан ничего не платит хозяевам.

Отец Джима при смерти. Больного часто посещает доктор Ливси, изящный, щегольски одетый, черноглазый, учтивый человек. Он недоволен пове-

дением капитана и единственный осмеливается ему перечить. Доктор заявляет, что он не только врач, но и судья, обещает установить за капитаном неусыпный надзор и арестовать, если на него поступит хоть малейшая жалоба. В заключение доктор Ливси настоятельно советует капитану бросить пить, иначе ему угрожает скорая смерть.

Однажды в трактир входит незнакомый человек. Он объясняет, что ищет своего дружка Билли, т. е. капитана. Мальчик понимает, что капитан вряд ли будет рад встрече, но, поскольку это не одноногий моряк, за которым ему было приказано следить, решает не вмешиваться. Капитан неприятно поражен визитом. Он называет гостя Черный Пес. Старые знакомые выгоняют мальчика из комнаты. Через некоторое время Джим видит, как Черный Пес улепetyвает по берегу, а капитан гонится за ним с обнаженным кортиком. Скоро капитан возвращается. Он ранен, требует рому. Пока мальчик наливает стакан, с капитаном случается удар. На его счастье в этот момент приезжает доктор Ливси (осмотреть отца Джима). Доктор пускает капитану кровь и строго-настрого запрещает пить и вставать с постели в течение нескольких дней.

Капитана водворяют в его комнату. Джим ухаживает за ним, уговаривает больше не пить. Но капитан слабым голосом ругает доктора, жалуется, что ему мерещатся ужасы, и без рома ему с собой не справиться. Капитан рассказывает мальчику, что не может долго валяться в постели: если он будет лежать неделю, «они успеют прислать черную метку». На этот случай капитан предупреждает Джима, что его враги охотятся за его

сундуком. Он рассказывает, что был штурманом у капитана Флинта, и один знает, «где это место». Капитан даже обещает мальчику «разделить с ним все пополам», если он не проворонит врагов старого пирата. Джим обещает помощь, хотя практически ничего из сказанного капитаном не понимает.

Умирает отец Джима, и за скорбными хлопотами мальчику некогда уделять капитану много внимания. На другой день после похорон он замечает, что по дороге медленно бредет слепой нищий. Он просит мальчика проводить его до трактира, но, когда тот подходит ближе, хватает его за руку мертвой хваткой. Джим сразу понимает, что надо ждать беды. Его страх перед слепым нищим оказывается сильнее страха перед капитаном, и Джим послушно выполняет все требования слепого. Слепой передает капитану Черную Метку и уходит. Капитан читает на записке, что ему дан срок до десяти часов. Он объявляет Джиму, что «еще покажет им», но с ним случается второй удар, и капитан замертво падает на пол трактира.

Джим зовет мать, рассказывает ей подробности своих разговоров с капитаном. Мать и сын отправляются в ближайшую деревню за помощью, но никто из жителей не отваживается ввязываться в это темное дело и помогать матери Джима. Несолоно хлебавши, они возвращаются в пустой трактир. Джим обыскивает мертвое тело, находит ключ от сундука, чтобы взять деньги, которые им задолжал капитан. В этот момент раздается стук в дверь. За дверью стоит слепой нищий, хотя до назначенного срока еще несколько часов. Дверь заперта на

засов, поэтому слепому приходится убраться ни с чем. Но Джим понимает, что скоро он вернется, и не один. Мальчик торопит мать, уговаривает ее взять все деньги и как можно скорее покинуть дом. Мать его, женщина, хотя и жадная, но честная, отказывается бежать из трактира, пока не отсчитает нужную сумму. Она спорит с сыном, пока не слышит тихий свист с отдаленного холма. Мать и сын вскакивают на ноги. Джим берет с собой пачку бумаг капитана, завернутых в кленку. Они выбегают на дорогу, направляются прочь от трактира, стараясь держаться в тени. Мать слышит, что их кто-то догоняет. Она просит Джима взять деньги и убегать, потому что чувствует, что вот-вот упадет в обморок. Джим тащит ее на себе, прячется под арку моста.

Из своего укрытия Джим видит, как к трактиру подходит слепой и несколько его молодчиков. Они обыскивают мертвого капитана, потом его сундук. Слепой (все зовут его Пью) отчаянно ругается на своих приятелей, которые выгребают из сундука оставшиеся там деньги и поспешно улепetyвают прочь. Со стороны деревушки доносится топот лошадей. Это таможенный надзиратель Данс, за которым съездил один из жителей деревни. Разбойники бросаются врассыпную. Пью падает под копыта лошади и больше не двигается. Джим выбирается из укрытия, просит, чтобы его мать отвезли в деревню. Мальчик решает отдать карту доктору Ливси.

Доктор Ливси в этот момент находится в гостях у своего друга, сквайра Трелони, богатого и чрезвычайно общительного человека. Оба они хвалят Джима за необыкновенную отвагу, кото-

рую мальчик проявил в этот вечер. Когда они разворачивают принесенные им документы, становится ясно, что речь там идет о сокровищах капитана Флинта. По замечанию сквайра, «это был самый кровожадный пират из всех, какие когда-либо плавали по морю». Сквайр говорит, что если бы только в их руках находился ключ к сокровищам, надо было бы немедленно снаряжать экспедицию и ехать добывать это несметное богатство, хотя бы его пришлось искать целый год.

В пакете, который принес Джим, оказывается пиратская приходная книга, в которой покойный Билли Бонс вел свои записи в течение почти двадцати лет, пока он плавал с Флинтом. Кроме того, там находится «карта какого-то острова, с широтой и долготой, с обозначением глубин моря возле берегов, с названием холмов, заливов и мысов... все, что может понадобиться, чтобы без всякого риска подойти к неведомому острову и бросить якорь... две гавани, хорошо укрытые от бурь, и холм посередине, названный "Подзорная Труба"... Возле крестика... было написано: "Главная часть сокровищ здесь"».

Сквайр решает не откладывая взяться за покупку судна и подбор команды. Он приглашает в путешествие Ливси в качестве судового врача, а Джима Хокинса — юнгой. Доктор отвечает согласием, но говорит, что в составе команды есть один человек, на которого он боится положиться, — сам сквайр. Трелони до крайности болтлив и не умеет хранить вообще никаких секретов, тогда как о сокровищах капитана Флинта известно многим разбойникам, и они могут заинтересоваться экспедицией. Трелони обещает молчать.

Часть вторая
Судовой повар

Трелони покупает и снаряжает корабль «Испаньола». Он знакомится со старым моряком Джоном Сильвером, который потерял в дальних странствиях ногу, осел на берегу и открыл таверну. Он помогает сквайру набрать моряков в команду. Действует Сильвер очень обходительно, между прочим почтительным тоном дает Трелони совет рассчитать тех матросов, которых сквайр набрал без его помощи, доказав ему, что они — «пресноводные увальни».

Джим готовится к отплытию. Он навещает мать, которая снова трудится в «Адмирале Бенбоу». Сквайр отремонтировал ей дом, подарил кое-какую мебель, нанял в подмогу мальчика, который будет исполнять обязанности Джима.

Джим отправляется в порт Бристоль. Хотя он всю жизнь прожил на берегу моря, здесь оно удивляет его так, будто он видит его впервые. Его восхищает запах дегтя и соли, резные фигурки на носах кораблей, побывавших за океаном, лица «старых моряков с серьгами в ушах, с завитыми бакенбардами, с просмоленными косичками, с неуклюжей морской походкой».

Джим отправляется в трактир «Подзорная труба», чтобы встретиться с Джоном Сильвером. «Левая нога его была отнята по самое бедро. Под левым плечом он держал костыль и необыкновенно проворно управлял им, подпрыгивая, как птица, на каждом шагу. Это был очень высокий и сильный мужчина, с широким, как окорок, плоским и бледным, но умным и веселым лицом».

До того, как Джим увидел Сильвера, он с ужасом думал, не тот ли это одноногий моряк, которого он так долго выслеживал по просьбе покойного Билли Бонса. Но стоит Джиму взглянуть на Сильвера, все его подозрения рассеиваются. Опрятный и добродушный хозяин трактира нисколько не похож на разбойника.

Сильвер ласково разговаривает с мальчиком, моментально находит к нему подход, обращаясь с ним как с взрослым, льстя его отваге и силе. В этот момент Джим замечает, что за одним из столиков в трактире Сильвера сидит Черный Пес. Когда тот понимает, что Джим узнал его, разбойник опрометью бросается прочь из трактира. Сильвер громогласно приказывает догнать его, поскольку он как бы не заплатил. Несколько человек пускаются вдогонку за разбойником, но вскоре возвращаются и объясняют, что упустили его. Сильвер напускается с руганью на того матроса, что сидел за одним столом с Черным Псом, восклицает, что ему не следует путаться с такими негодьями. Сам Сильвер очень натурально притворяется, что пытается вспомнить, кто же такой Черный Пес, но потом уверенно заявляет, что впервые слышит это имя. Сильвер всячески подчеркивает, что его больше всего огорчило, что посетитель ушел, не заплатив. Со смехом Сильвер говорит Джиму, что они с ним будут хорошей парой — ведь будущий корабельный кок на сей раз повел себя не лучше юнги.

В компании Джима Сильвер отправляется к сквайру, чтобы честно признаться в том, что случилось в его таверне. Сильвер оказывается необыкновенно увлекательным собеседником. О каждом корабле, мимо которого они проходят с мальчи-

ком, он сообщает Джиму множество сведений: какие у него снасти, сколько он может поднять груза, из какой страны он прибыл, объясняет, что делается в порту. Он рассказывает веселые истории о кораблях и морях. Джиму кажется, что лучшего товарища, чем Сильвер, в морском путешествии не найдешь.

Сильвер так правдиво и с таким сожалением рассказывает сквайру и доктору о бегстве Черного Пса, что всякие сомнения относительно его порядочности и у взрослых, и у Джима рассеиваются.

Сквайр явно не ладит с капитаном Смоллетом. Смоллет категорично заявляет, что ему не нравится экспедиция, не нравятся матросы и его помощник, который много пьет и фамильярничаает с подчиненными. Капитан рассказывает, что последний матрос на судне знает о цели экспедиции больше, чем он. Всем и каждому известно, что шхуна отправляется в плавание за сокровищами капитана Флинта. Смоллет дает понять, что опасается идти в море с командой, рекомендованной Сильвером. Команду должен набирать капитан. Смоллет настаивает на том, чтобы сквайр и доктор так спрятали карту острова, чтобы ни одна живая душа не знала, где она. Капитан требует прекратить лишние разговоры и устроить крепость в кормовой части судна, где расположены каюты (переместить туда порох и оружие и четверых слуг сквайра). Суровый капитан Смоллет никому не нравится, но доктор считает его распоряжения очень разумными и заставляет Трелони выполнить требования капитана.

Скоро выясняется, что помощник капитана не пользуется у матросов никаким авторитетом, и

его никто не слушает. К тому же он все время пьет, причем невозможно дознаться, где он берет ром. Дело кончается тем, что он падает за борт корабля. Боцман Джон Эндерсон начинает вместо него исполнять обязанности штурмана. Мистер Трелони, бывалый мореход, тоже стоит на вахте. Больше всех матросы уважают Сильвера, «называют его Огороком. Он привязывал свой костыль веревкой к шее, чтобы руки у него были свободны. Стоило посмотреть, как он, упираясь костылем в стену, покачиваясь с каждым движением корабля, стряпал, словно находился на твердой земле! Еще любопытнее было видеть, как ловко и быстро пробежал он в бурную погоду по палубе, хватаясь за канаты, протянутые для него в самых широких местах. С каждым он умел поговорить, каждому умел угодить». Сильвер везет с собой попугая, которого назвал Капитаном Флинтом. Попугай часто повторяет с необыкновенной быстротой: «Пиастры! Пиастры! Пиастры!»

К Джиму Сильвер относится очень ласково, много разговаривает с ним, умело льстит пареньку, так что Джим почитает его за благороднейшего человека.

Команда работает исключительно слаженно, ведет себя образцово, на судне железная дисциплина. Причиной этому — строгость и требовательность Смоллета и умение Сильвера вовремя появиться в нужном месте и уладить назревающий конфликт. Сквайр балует команду, часто выдает матросам грог, на палубе постоянно стоит большая бочка с яблоками, лакомиться содержимым которой может любой матрос.

Однажды вечером Джим решает съесть яблоко, но обнаруживает, что в бочке осталось только

одно, на самом дне. Чтобы достать его, мальчику приходится залезть в бочку. Убаюканный плеском воды, Джим едва не засыпает, но тут кто-то грузно опускается на палубу рядом с бочкой.

Джим оказывается невольным свидетелем разговора Сильвера с одним из матросов. Мальчик узнает, что на судне готовится бунт. Новым капитаном станет Сильвер. Затем к бочке подходит боцман Израэль Хендс. Он уговаривает Сильвера поторопиться с началом бунта. Команде до смерти надоел капитан Смоллет. Однако Сильвер придерживается другого мнения: «Капитан Смоллет, первостепенный моряк, для нашей же выгоды ведет наш корабль. У сквайра и доктора имеется карта, но разве я знаю, где они прячут ее! И ты тоже не знаешь. Так вот, пускай сквайр и доктор найдут сокровища и помогут нам погрузить их на корабль. А тогда мы посмотрим... Была бы моя воля, я позволил бы капитану Смоллетту довести нас на обратном пути хотя бы до пассата... Придется расправиться с ними на острове, чуть только они перетащат сокровище сюда, на корабль». Сильвер призывает матросов не спешить. Ему хочется съесть яблоко, и Джим внутри бочки замирает от ужаса. Но Хендс уговаривает Сильвера выпить рому, и тот дает ему ключ от бочонка. Джим сразу понимает, при каких обстоятельствах спился и утонул помощник капитана.

Шхуна пристает к острову Скелета. Капитан мастерски ставит корабль на якорь. Обнаруживается, что Сильвер бывал на острове прежде, когда они с Флинтom брали тут пресную воду. Самую высокую гору на острове называют Подзорной трубой — так же, как и бристоальскую таверну

Сильвера. Сильвер теперь внушает Джиму ужас своей двуличностью и жестокостью.

Джим улучшает момент, чтобы незаметно попросить доктора собрать в своей каюте сквайра и капитана Смоллета, потому что ему надо сообщить им нечто важное. Капитан объявляет, что команде приказано выдать изрядную порцию грога, потому что он доложил сквайру об образцовой работе матросов во время плавания. Матросы сердечно и дружно кричат «ура!» сквайру и Смоллету.

За закрытыми дверями Джим кратко пересказывает сквайру и доктору с капитаном то, что слышал, сидя в бочке. Сквайр извиняется перед капитаном, признает, что чутье не подвело старого моряка, тогда как сам сквайр оказался глупым и самонадеянным. Капитан принимает на себя командование «верными людьми», которых на судне осталось крайне мало. Он решает соблюдать осторожность и выжидать, вести себя, как будто ничего не случилось. Путь к отступлению им отрезан, и надо выиграть время и хорошо подготовиться, прежде чем вступать с шайкой Сильвера в бой. Доктор просит Джима быть как можно более наблюдательным — ведь матросы его не стесняются и могут при нем проговориться.

«Из двадцати шести человек можно положиться только на семерых. И один из этих семерых — мальчик. Если считать только взрослых... шестеро против девятнадцати».

Часть третья

Мои приключения на суше

Одного вида острова оказывается достаточно, чтобы дисциплина на судне ослабела. Матросы

выполняют приказы неохотно, угрюмо и недовольно. Сильвер, как может, старается их успокоить. Он сам стоит у рулевого колеса, помогает вести корабль, поддерживает порядок, лезет из кожи вон, чтобы оставаться со всеми любезным и услужливым. Он поет песни, чтобы угрюмость команды не так бросалась в глаза.

Капитан, видя что бунт вот-вот вспыхнет, решает довериться Сильверу. Он отпускает команду на берег, предоставив Сильверу распоряжаться сборами. Вообразив, что они немедленно найдут там сокровища, матросы повинуются моментально. В последний момент в одну из шлюпок, на которых мятежники отправляются на остров, прыгает Джим. У самого берега мальчик выскакивает из лодки и бросается бежать без оглядки. Впервые мальчик испытывает «радость исследователя неведомых стран. Остров был необитаем».

Однако через некоторое время Джим слышит впереди голоса и прячется. Джон Сильвер пытается переманить на сторону бунтовщиков еще одного матроса. Но тот взывает к его совести, не поддается на лесть, повторяет, что останется верен своему долгу и капитану Смоллету. Сильвер закалывает матроса ножом с удивительным для калеки проворством. Перепуганный Джим снова бросается бежать и оказывается у подножия невысокой горы с двуглавой вершиной.

С обрывистого каменистого склона сыплется гравий и Джим видит странное существо, темное и косматое. Это Бен Ганн, островитянин, отшельник поневоле. Когда-то он плавал на одном корабле с Флинтсом, Билли Бонсом и Сильвером. Тогда корабль зашел на этот остров, и Флинт со-

шел на берег, чтобы зарыть сокровища, в сопровождении шестерых матросов. Обратно он вернулся один, поскольку шесть человек были убиты жестоким капитаном. Флинт не открыл тайну сокровищ своим спутникам. В другой раз на другом корабле Бен Ганн подошел к берегам этого острова и предложил товарищам поискать сокровища. Сокровища они не нашли и сильно рассердились. Ганна оставили на необитаемом острове, где он и прожил три года, откопал сокровища и перенес их в свою пещеру. Джим и Бен слышат пушечный выстрел, видят, как неподалеку от них, в форте, некогда построенном на острове, поднимается британский флаг. Дело в том, что Смоллет, доктор, сквайр со своими слугами и матрос Грей, который не изменил своему капитану, высадились на остров, перевезли туда запас провизии и оружие и заперлись в форте, окруженном частоклом. Пока лодка плывет от шхуны к берегу, бунтовщики под предводительством Хендса заряжают пушку и стреляют из нее, чтобы подать сигнал своим товарищам на берегу. Сквайр, самый меткий на судне стрелок, выстрелом из мушкета убивает одного из мятежников.

Часть четвертая

Частокол

Трелони, доктор, капитан и слуги обороняют форт. Старый верный слуга сквайра смертельно ранен. Сквайр рыдает, на коленях просит у старика прощения. Капитан приказывает готовиться к долгой и серьезной осаде, интересуется у доктора, когда друзья сквайра, забеспокоившись, могут прислать за ними другой корабль. Доктор отве-

чает, что это дело затяжное, так что на помощь извне им не приходится рассчитывать.

В этот момент мятежники начинают обстреливать форт из пушки. Они не могут видеть его со шхуны, а метят в поднятый флаг. Но капитан Смоллет, в соответствии с гордым морским обычаем, отказывается опустить флаг своей страны. Это считается хорошей тактикой — доказать врагам, что их ядра совершенно не страшны осажденным.

Джим возвращается в форт, рассказывает доктору о своей встрече с Беном Ганном. Поскольку Бен Ганн сильно одичал на острове и никому не доверяет, он просит доктора самого прийти побеседовать с ним. Бен Ганн готов поделиться сокровищами, если джентльмен, каковым, безусловно, является доктор Ливси, пообещает не наказывать его за прошлые прегрешения и отвезет на родину.

Над «Испаньолой» же в это время поднимается черный пиратский флаг.

Капитан Смоллет быстро организывает своих подчиненных. Кого-то он отправляет в лес за дровами, кому-то велит копать могилу для погибшего слуги, доктора назначает поваром и т. д. Доктор признается Джиму, что Смоллет — замечательный человек, лучше их всех. Он уверен, что под руководством капитана они обязательно одержат победу. К тому же у них есть два серьезных союзника — ром (мятежники пьют до бесчувствия) и климат (лагерь пиратов разбит возле болота, лекарств у них нет, через неделю половина будет валяться в лихорадке).

Наутро к частоколу является Сильвер с белым флагом. Он выдвигает капитану условия — сквайр

отдает им карту, чтобы они могли найти сокровища, капитан и его подчиненные перестают подстреливать моряков и разбивать им головы, когда они спят. Капитан не подает виду, что не понимает о чем идет речь. На самом деле он здесь не при чем. Ночью в лагерь бунтовщиков прокрался Бен Ганн и убил одного из мертвецки пьяных матросов. Сильвер предлагает Смоллету на выбор два выхода. Выход первый: погрузив сокровища, мятежники позволяют капитану и компании вернуться на корабль, и высаживают их где-нибудь на берег. Второй выход заключается в том, чтобы оставить капитана на острове и послать за ними первый же встречный корабль.

Смоллет не позволяет Сильверу запугать себя. Он ведет себя с ним твердо и решительно, словно по-прежнему остается его капитаном — отдает ему приказания. Смоллет выставляет свои условия: если мятежники придут к нему безоружные поодиночке, он обязуется заковать их в кандалы, отвезти в Англию и предать справедливому суду. В противном случае он обещает «всех отправить к дьяволу». Капитан заявляет, что сокровищ бунтовщикам не найти. Уплыть на корабле им не удастся, потому что никто из них не умеет управлять кораблем. Сражаться мятежники тоже не мастера. На этом капитан прерывает переговоры и велит Сильверу убираться. Он даже не подает одноному моряку руки, чтобы помочь ему подняться. «Отвратительно ругаясь, Сильвер прополз до крыльца, ухватился за него, и только тут ему удалось подняться».

Когда Сильвер удаляется, капитан обнаруживает, что вся его немногочисленная команда, вместо

того, чтобы нести вахту с мушкетами в руках, стоит, столпившись за его спиной, и внимательно слушает, о чем он беседует с Сильвером. Капитан в ярости отчитывает своих подчиненных, включая сквайра. Все молчат, краснеют от стыда.

Капитан разрабатывает детальный план обороны форта. Они с Джимом, как никуда не годные стрелки, будут заряжать ружья.

Скоро бандиты начинают атаку на форт. В результате двое слуг сквайра погибают, а капитан Смоллет опасно ранен. У мятежников выбывают из строя четверо.

Часть пятая

Мои приключения на море

Доктор активно лечит капитана, и вскоре тот снова принимается отдавать своей команде распоряжения лежа на земле. Доктор исчезает в лесу. Джим понимает, что он отправился на встречу с Беном Ганном. Мальчику тоже хочется как-то себя проявить. Набив карманы сухарями, он решается на отчаянный поступок.

Джим знает, где Бен Ганн прячет свою примитивную самодельную лодку. Мальчик задумывает на ней добраться до шхуны и перерезать якорный канат, чтобы «Испаньолу» выбросило на берег. Джиму кажется, что получив серьезный отпор утром, разбойники немедленно снимутся с якоря и уйдут в море. С великими предосторожностями Джим на неуклюжей лодке добирается до шхуны, заглядывает в окно каюты. Вдребезги пьяные Израэль Хендс и матрос в красном колпаке ругаются, затем затевают драку.

Джим перерезает ножом якорный канат. Шхуна поворачивается, увлекая за собой и крохотный ялик. Бурное течение неумолимо относит их в открытое море. Сил у Джима, чтобы повернуть свое утлое суденышко к берегу, не хватает. Джим ложится на дно ялика и, несмотря на весь ужас его положения, засыпает.

Утром Джим определяет, что его лодочку несет вдоль юго-западного берега Острова Сокровищ. Приблизиться к берегу ему по-прежнему не удастся. Совсем рядом мальчик замечает «Испаньолу» и скоро догадывается по ее беспорядочному движению и поворотам, что шхуной никто не управляет. Джим задумывает пробраться на корабль, пришвартовать его к острову и, возможно, спасти его для капитана Смоллета.

Джим перебирается на палубу. Там лежит потерявший сознание Хендс и его мертвый товарищ. Хендс приходит в себя, просит Джима дать ему бренди. Мальчик опускает пиратский флаг, швыряет его за борт. Хендс начинает уговаривать Джима объединиться. Он твердит, что проиграл, что нуждается в помощи и станет слушаться Джима. Мальчик перевязывает его рану. Он почти готов поверить Хендсу. Но то, с каким издевательским видом боцман неотступно следит за ним, наводит Джима на подозрения.

Однако все время думать о плохом мальчик не может. Ему нравится управлять кораблем. Он наслаждается прекрасной солнечной погодой и живописными берегами. Еды и питья у него вдоволь, совесть больше не укоряет Джима за то, что он «дезертировал» из крепости, потому что в конце концов он одержал большую победу.

Скоро Джим понимает, что Хендс ищет любого предложения, чтобы остаться на палубе одному, а его на время отослать куда-то. Джим притворяется, что спускается вниз за вином, а сам, притаившись, наблюдает за Хендсом. Боцман проворно придвигается к убитому им матросу, вытаскивает из его тела кортик и прячет за пазуху. Джим понимает, что Хендс задумал убить его, и решает удвоить бдительность. Мальчик может доверять Хендсу в том, в чем их интересы совпадают: они оба хотят привести шхуну в безопасное место, откуда ее можно было бы вывести без особого труда и риска. Пока это еще не сделано, жизнь Джима в безопасности.

Джим приносит боцману вина, и тот принимается откровенничать. Он тридцать лет плавал по морям, «видел и плохое и хорошее, и штили и штормы, и голод, и поножовщину, и мало ли что еще, но ни разу не видел, чтобы добродетель приносила человеку хоть какую-нибудь пользу. Прав тот, кто ударит первый. Мертвые не кусаются».

Остается только пришвартовать шхуну. Действия маленького экипажа слаженны. Джим толковый исполнитель, а Хендс — превосходный командир. Они искусно лавируют, ловко обходят все мели. Боцман отдает приказы, которые юнга быстро и четко выполняет, совсем позабыв, какая ему угрожает опасность. Неожиданно обернувшись, Джим видит Хендса. Он стоит совсем недалеко от него, с кинжалом в правой руке.

Заревев от ярости, боцман кидается вперед, но падает. Джим долго уворачивается от Хендса, потом карабкается на мачту, заряжает два пистолета. Ободренный, он немного ослабляет вни-

мание, потому что Хендс снова начинает улещивать его, каяться.

Пока мальчик «упивался его словами и радостно посмеивался», Хендс взмахивает рукой. «Что-то просвистело в воздухе, как стрела. Джим почувствовал удар и резкую боль. Плечо его было пригвождено к мачте. От ужасной боли и от неожиданности он нажал оба курка. Пистолеты выстрелили и выпали у Джима из рук. Но они упали не одни: с приглушенным криком боцман выпустил ванты и вниз головой полетел прямо в воду».

Джим вытаскивает кинжал. Рана его сильно кровоточит, но она не опасна, и мальчик даже может двигать рукой. Он сбрасывает в воду мертвое тело матроса в красном колпаке. Затем Джим убирает паруса и удаляется с «Испаньолы», оставив ее лежать на боку. Он знает, что опытному капитану Смоллету ничего не стоит снять шхуну с мели, когда она ему понадобится.

Наступает ночь. Джим пробирается в форт, готовится рассказывать друзьям о своих приключениях и победах. Издалека он видит, что возле форта горит большой костер. Джим удивлен: по приказу капитана, они никогда зря не тратили топливо и уж тем более не ложились спать, не погасив огня. Джим начинает тревожиться, не случилось ли за время его отсутствия в форте беды. Однако, когда он подползает поближе, то слышит громкий дружный храп. Джим терпеть не может храпа; но на этот раз громкий и мирный храп друзей кажется ему музыкой. Однако Джима коробит, что они спят без всякой охраны. Если бы вместо него к ним подкрадывался Сильвер со своей шайкой, никто «не увидел бы рассвета».

Джим входит внутрь, ложится на свое обычное место, но спотыкается о чью-то ногу. В темноте раздается резкий крик: «Пиастры! Пиастры!» Это Капитан Флинт, зеленый попугай Сильвера.

Часть шестая
Капитан Сильвер

Внутри форта оказываются шестеро пиратов, один из которых ранен. Сильвер принимается «обрабатывать» Джима. Он твердит, что всегда мечтал, чтобы Джим перешел на его сторону, «получил свою долю сокровищ и умер в роскоши, богатым джентльменом».

Джим просит рассказать, где его друзья. Сильвер с учтивостью объясняет, что к ним «явился доктор Ливси с белым флагом. «Вы остались на мели, капитан Сильвер, — сказал он, — корабль ушел, давайте заключать договор». Сильвер и доктор заключают договор, по которому пираты получают съестные припасы, бренди, крепость, дрова, а команда Смоллета уходит в неизвестном направлении. Сильвер не забывает добавить, что доктор крайне негативно отзывался о пропавшем Джиме.

Выслушав Сильвера, Джим выступает с речью: «Я не так глуп и знаю, на что иду. Делайте со мной что хотите, мне все равно. С тех пор как я встретился с вами, я привык смотреть смерти в лицо. Но прежде я хочу вам кое о чем рассказать. Положение ваше скверное: корабль вы потеряли, сокровища вы потеряли, людей своих потеряли. Ваше дело пропащее. И если вы хотите знать, кто виноват во всем этом, знайте: виноват я, и больше никто. Я сидел в бочке из-под яблок в ту ночь, когда мы подплывали к острову, и я

слышал все, что говорили вы, Джон, и ты, Дик Джонсон, и что говорил Хендс, который теперь на дне моря. И все, что я подслушал, я в тот же час рассказал. Это я перерезал у шхуны якорный канат, это я убил людей, которых вы оставили на борту, это я отвел шхуну в такое потайное место, где вы никогда не найдете ее. Вы в дураках, а не я, и я боюсь вас не больше, чем мухи. Можете убить меня или пощадить, как вам угодно. Но я скажу еще кое-что, и хватит. Если вы пощадите меня, я забуду все прошлое и, когда вас будут судить за пиратство, попытаюсь спасти вас от петли. Теперь ваш черед выбирать. Моя смерть не принесет вам никакой пользы. Если же вы оставите меня в живых, я постараюсь, чтобы вы не попали на виселицу».

Спутники Сильвера наперебой требуют убить Джима, но Сильвер запрещает это делать. Тогда мятежники бунтуют уже против капитана Сильвера, удаляются на совет и приносят одноногому Черную Метку. Но Сильвер легко подавляет бунт. Он последовательно и доходчиво объясняет матросам, почему он не убивает Джима (им пригодится заложник), почему заключил договор с доктором (матросы, испугавшись сами умоляли его об этом). Сильвер показывает пиратам карту капитана Флинта с крестиками, которые отмечают места захоронения сокровищ. Бунт моментально сходит на нет. Сильвера вновь единогласно избирают капитаном.

Джим долго не может сомкнуть глаз. Он думает о человеке, которого убил, о своем опасном положении и прежде всего о той замечательной игре, которую ведет Сильвер, «одной рукой удерживая»

живавший шайку разбойников, а другой хватавшийся за всякое возможное и невозможное средство, чтобы спасти свою ничтожную жизнь». Дело в том, что когда разбойники уходили на совет, Сильвер вполголоса уговаривал Джима держаться вместе, обещал защиту от пиратов в обмен на то, что Джим «замолвит за него словечко», если дело не выгорит.

Утром приходит доктор. Он невозмутимо оказывает пиратам врачебную помощь, словно ничего не случилось, и он по-прежнему их корабельный врач. Доктор шутит, что с тех пор как он «стал врачом у мятежников, или, вернее, тюремным врачом, то считает своим долгом» сохранить мятежников «в целости для короля Георга да для петли». Доктор диагностирует практически у всех разбойников лихорадку — начинают сбываться его мрачные пророчества относительно местного климата.

В заключении «обхода» Ливси просит у Сильвера позволения побеседовать с Джимом. Вопреки недовольству разбойников, Сильвер дает доктору такую возможность, видимо, выслуживаясь и перед доктором. Сильвер настаивает, чтобы Джим рассказал Ливси, о том, как ночью бывший корабельный кок спас ему жизнь. Доктор с грустью ругает Джима за его опрометчивое бегство из форта, но он боится за жизнь ребенка и предлагает ему скрыться сейчас вместе с ним. Однако Джим дал Сильверу честное слово, и не нарушит его. Джим рассказывает доктору, зачем отлучался из форта, указывает место, где пришвартована «Испаньола».

Доктор уходит, напоследок дав Сильверу странный совет: не торопиться искать сокровище и,

отыскав тайник, держать ухо востро. Он требует, чтобы кок держал Джима при себе и звал доктора, если понадобится помощь. Если Джим останется жив, Ливси обещает поспособствовать тому, чтобы Сильвера не повесили.

Джима поражает безалаберность, беспечность и расточительность пиратов. Она жарят слишком много свинины, а потом бросают ее в костер, засыпают, когда несут караул, разводят огонь, который может легко запалить весь форт, и проч.

Сильвер объявляет пиратам, что подслушал разговор доктора с Джимом, выведал, что корабль где-то около острова. Теперь осталось только найти сокровища и погрузить их на корабль.

Пираты отправляются в путь. Сильвер тащит Джима за собой на веревочке. Мальчик совсем приуныл и пал духом. Если план Сильвера, будет приведен в исполнение, «этот двойной предатель не станет колебаться ни минуты. Он ведет игру на два фронта и, без сомнения, предпочтет свободу и богатство пирата той слабой надежде освободиться от петли, которую доктор мог предложить ему».

Дорогой начинаются споры о карте. Красный крестик слишком велик и не может служить точным указателем места. Пираты долго ищут высокое дерево, но набредают на странный скелет человека. Скелет лежит в неестественной позе, навывтяжку. Ноги его показывают в одну сторону, а руки, поднятые у него над головой, — в другую. Пиратов удивляет то, что карманы одежды скелета пусты. Они твердо уверены, что убивший его Флинт был не такой человек, чтобы шарить по карманам.

Сильвер заявляет, что это компас, потому что руки мертвеца показывают точно на восток. «Вид скелета и воспоминание о Флинте так подействовали на этих людей, что они стали разговаривать все тише и тише и дошли наконец до еле слышного шепота, почти не нарушавшего лесной тишины. И вдруг из ближайшей рощи чей-то тонкий, резкий, пронзительный голос затянул хорошо знакомую песню:

Пятнадцать человек на сундук мертвеца.
Йо-хо-хо, и бутылка рому!

Смертельный ужас охватил пиратов. У всех шестерых лица сделались сразу зелеными. Одни вскочили на ноги, другие судорожно схватились друг за друга. Морган упал на землю и пополз, как змея. «Это Флинт!» — воскликнул Мерри».

Сильвер первый овладевает собой. Он узнает голос Бена Ганна. Пираты доходят до места, обозначенного на карте, как хранилище основных сокровищ. Но яма пуста, в ней валяется рукоятка заступа.

Сильвер понимает, что сейчас гнев пиратов обрушится на него, и потихоньку сует Джиму пистолет. Джима такое двуличие возмущает. Они стоят, двое против пятерых. Ни одна из сторон не решается нанести первый удар. Хладнокровный и спокойный Сильвер наблюдает за врагами, опираясь на свой костыль. Он действительно очень смелый человек.

В этот момент из-за кустов начинается пальба. Двое пиратов убиты, трое кидаются наутек. Появляются доктор, Грей и Бен Ганн. Все, включая Джима и Сильвера, бросаются в погоню. Сильвер

ведет себя так, словно и ждал, когда появится доктор и все это время подготавливал его приход.

«По словам доктора, во время своих долгих одиноких скитаний по острову Бен отыскал и скелет и сокровища. Это он обобрал скелет и выкопал из земли деньги, это его рукоятку от заступа видели мы на дне ямы. На своих плечах перенес он все золото из-под высокой сосны в пещеру двуглавой горы в северо-восточной части острова. Эта тяжкая работа, требовавшая многодневной ходьбы, была окончена всего лишь за два месяца до прибытия «Испаньолы»... Увидев, что корабль исчез, доктор пошел к Сильверу, отдал ему карту, которая теперь не имела уже никакого значения, и предоставил ему крепость со всеми припасами, так как пещера Бена Ганна была в изобилии снабжена соленой козлятиной, которую Бен Ганн заготовил своими руками».

Все отправляются в пещеру, причем увидев сквайра, Сильвер громче всех кричит «ура!» и не смущаясь отдает честь ему и капитану. В пещере «перед пылающим костром лежал капитан Смоллетт. А в дальнем углу тускло сияла громадная груда золотых монет и слитков. Это были сокровища Флинта — те самые, ради которых погибли семнадцать человек из экипажа «Испаньолы». А скольких человеческих жизней, скольких страданий и крови стоило собрать эти богатства! Какая пальба из орудий, сколько лжи и жестокости! На острове все еще находились трое — Сильвер, старый Морган и Бен, — которые некогда принимали участие во всех этих ужасных злодействах и теперь тщетно надеялись получить свою долю богатства».

Каждый день команда Смоллета перетаскивает на корабль груды сокровищ. Трех мятежников, снабдив их запасами пороха и продовольствия, решено оставить на необитаемом острове. Бен Ганн отплывает на «Испаньоле». В одном из портов он помогает Сильверу удрать.

Каждый получил свою долю сокровищ. Одни распорядились богатством умно, а другие, напротив, глупо, в соответствии со своим темпераментом. О Сильвере больше никто ничего не слышал.

Д. Лондон

Сведения об авторе:

Джек Лондон (1876—1916) — имя, знаменитое на весь мир. Он является одним из «беспорных» классиков американской и мировой литературы. Родился он 12 января в Сан-Франциско в не совсем обычной семье. Мать его была спириткой (так назывался обладавший магнетическими свойствами человек, руководящий спиритическими сеансами), отец — астрологом. Официально они не состояли в браке, к тому же вскоре расстались, и мальчик со своим отцом никогда не встречался и носил фамилию отчима — Джона Лондона, фермера (настоящее имя Джека Лондона было Джон Гриффит). Дела Джона Лондона шли с переменным успехом, бывали и трудные времена, так что его пасынок, едва окончив начальную школу, устроился на консервную фабрику. Дальнейшая жизнь Джека Лондона — вполне достойный сюжет для приключенческого романа. Каких только профессий не перепробовал Джек Лондон! После

своего «крещения» на консервной фабрике, он был «устричным пиратом» в заливе Сан-Франциско. Он совершил океанское плавание на шхуне «Софи Сазерленд» (к берегам Японии), потом бродяжничал, сидел за это в тюрьме. Постоянно занимаясь самообразованием, Лондон самостоятельно подготовился и успешно сдал экзамены в Калифорнийский университет, но, не имея достаточных средств, был вынужден уйти после 3-го семестра. В разгар «золотой лихорадки» зимовал на Клондайке. С Клондайка Джек вернулся без единой унции золота и с полной решимостью добывать средства к существованию писательским трудом. Таланта, впечатлений и усердия ему было не занимать. Он положил себе за правило вырабатывать тысячу слов в день. Вскоре в журналах начали появляться его рассказы, а еще через некоторое время автор приобрел известность. Он черпал материал для своих книг из реальной жизни. Например, для того, чтобы написать книгу «Люди бездны» о жизни людей со «дна общества», Джек Лондон три месяца провел в лондонских трущобах, выдавая себя за списанного на берег матроса. В начале 1904 года он отправился корреспондентом на русско-японскую войну. В 1907 году Лондон по собственному проекту построил яхту «Снарк», на которой совершил двухгодичное плавание к островам Океании.

Одна за другой появляются все новые и новые сборники рассказов («Сын волка», «Морской волк», «Рассказы южных морей» и др.), романы («Дочь снегов», «Мартин Иден», «Смок Беллью»), повести о животных («Зов предков», «Белый клык»), пьесы, репортажи, очерки. Произведения

Лондона переводятся на многие языки мира, в том числе и на русский. В 1919 году В. В. Маяковский даже снял фильм по роману «Мартин Иден» (фильм назывался «Не для денег родившийся»), в котором сам сыграл главную роль.

В последние годы Лондон отходит от общественной и политической деятельности.

Слава его как писателя продолжает крепнуть, доходы Лондона от издания произведений возрастают, но увеличиваются и траты. Писатель строит «Дом Волка», задуманный им как «родовой замок» для будущих поколений Лондонов. Однако, едва выстроенный, дом сгорел. Долгожданный наследник так и не появился на свет. Последние годы жизни Лондон страдал тяжелой болезнью. Прожил он всего 40 лет, однако его книги и по сей день остаются одними из самых читаемых в приключенческом жанре.

Белое безмолвие

Мэйлмют Кид, его товарищ Мэйсон и жена Мэйсона, индианка Руфь, пробираются по ледяным просторам Севера. Впереди двести миль по непроложенному пути, еды хватит всего дней на шесть, а для собак совсем ничего нет. Отощавшие животные звереют, временами набрасываются на людей, едва не вцепляются хозяевам клыками в горло. Люди понимают, что, очевидно, скоро собак придется резать и съедать самим.

Оба охотника и женщина останавливаются на короткую дневную стоянку, разводят костер и принимают за скудный завтрак. Собаки лежат в упряжке и завистливо следят за каждым куском, что исчезает во рту людей. Мэйлмют Кид

решает, что со следующего дня следует отменить завтраки, а также не спускать глаз с собак: те совсем отбились от рук, того и гляди, набросятся на хозяев всей сворой.

Мэйсон утешает Руфь. По его словам, петлять по снежной пустыне им осталось совсем недолго: еще немного, и им не придется больше голодать и носить мокасины. Глаза женщины светятся любовью к ее «белому господину — первому белому человеку, которого она встретила, первому мужчине, который показал ей, что в женщине можно видеть не только животное или вьючную скотину». Муж разговаривает с Руфью на «условном языке». Он обещает, что они поплывут на «лодке белого человека» (корабле), доберутся до города, Руфь поедет в Форт Юкон, а он сам — в Арктик-сити, расстояние до которого — «двадцать пять снов». Мэйсон позвонит жене по телефону («длинная веревка оттуда сюда») и даст ей добрый совет, как печь хлеб. Руфь улыбается, не верит мужу.

Мэйсон возглавляет шествие, Руфь следует за ним со второй упряжкой, а Мэйлмют Кид замыкает процессию. Сильный и суровый человек, способный свалить быка одним ударом, он не может бить несчастных собак и по возможности щадит их, что погонщики делают редко. Мэйсон же жесток к животным.

Разговоры смолкают. «Трудный путь не допускает такой роскоши. А езда на севере — тяжелый, убийственный труд. Счастлив тот, кто ценою молчания выдержит день такого пути, и то еще по проложенной тропе.

Но нет труда изнурительнее, чем прокладывать дорогу. На каждом шагу широкие плете-

ные лыжи проваливаются, и ноги уходят в снег по самое колено.

Кто сумеет за весь день ни разу не попасть под ноги собакам, тот может с чистой совестью и с величайшей гордостью забираться в спальный мешок; а тому, кто пройдет двадцать снов по великой Северной Тропе, могут позавидовать и боги.

День клонился к вечеру, и подавленные величием Белого Безмолвия путники молча прокладывают себе путь. У природы много способов убедить человека в его смертности: непрерывное чередование приливов и отливов, ярость бури, ужасы землетрясения, громовые раскаты небесной артиллерии. Но всего сильнее, всего сокрушительнее — Белое Безмолвие в его бесстрастности. Ничто не шелохнется, небо ярко, как отполированная медь, малейший шепот кажется святотатством, и человек пугается собственного голоса. Единственная частица живого, передвигающаяся по прозрачной пустыне мертвого мира, он страшится своей дерзости, остро сознавая, что он всего лишь червь. Сами собой возникают странные мысли, тайна вселенной ищет своего выражения. И на человека находит страх перед смертью, перед богом, перед всем миром, а вместе со страхом — надежда на воскресение и жизнь и тоска по бессмертию — тщетное стремление плененной материи; вот тогда-то человек остается наедине с богом».

День клонится к вечеру. Русло реки, вдоль которой следует маленькая процессия, делает крутой поворот, и Мэйсон, чтобы срезать угол, направляет свою упряжку через узкий мыс. Но собаки никак не могут взять подъем. Вожак тянет упряжку вправо, и нарти наезжают на лыжи Мэй-

сона. Мэйсона сбивает с ног, одна из собак падает, запутавшись в постромках, и нарты катятся вниз по откосу, увлекая за собой упряжку.

Мэйсон принимается бить животных бичом. Больше всех достается упавшей собаке — Кармен. Мэйлмют Кид пытается заступиться за несчастное животное. Мэйсон дожидается, когда тот кончит говорить, — и снова длинный бич обвивается вокруг хребта провинившейся собаки. Она жалобно визжит, зарывается в снег.

«То была трудная, тягостная минута для путников: издыхает собака, ссорятся двое друзей. Кармен из последних сил тащилась позади. Пока собака может идти, ее не пристреливают, у нее остается последний шанс на жизнь: дотащиться до стоянки, а там, может быть, люди убьют лося».

Раскаиваясь в своем поступке, но из упрямства не желая сознаться в этом, Мэйсон идет впереди, не оглядывается и не подозревает о надвигающейся опасности. На небольшом расстоянии от него высится старая сосна. Мэйсон останавливается завязать ремень на мокасине.

«Вокруг стояла зловещая тишина, ни единого движения не было в осыпанном снегом лесу; холод и безмолвие заморозили сердце и сковали дрожащие уста природы. Вдруг в воздухе пронесся вздох; они даже не слышали, а скорее ощутили его как предвестника движения в этой неподвижной пустыне».

Огромное дерево, склонившееся под бременем лет и тяжестью снега, играет «свою последнюю роль в трагедии жизни. Мэйсон услышал треск, хотел было отскочить в сторону, но не успел он выпрямиться, как дерево придавило его, ударив по плечу.

Внезапная опасность, мгновенная смерть — как часто Мэйлмют Кид сталкивался с тем и другим! Еще дрожали иглы на ветвях, а он уже успел отдать приказание женщине и кинуться на помощь. Индианка тоже не упала без чувств и не стала проливать ненужные слезы, как это сделали бы многие из ее белых сестер. По первому слову Мэйлмюта Кида она всем телом налегла на приспособленную в виде рычага палку, ослабляя тяжесть и прислушиваясь к стонам мужа, а Мэйлмют Кид принялся рубить дерево топором».

Кид кладет на снег жалкие останки того, что так недавно было человеком. Но страшнее мучений товарища — немая скорбь в лице женщины и ее взгляд, исполненный и надежды и отчаяния. Руфь ничего не говорит: «жители Севера рано познают тщету слов и неоценимое благо действий». Несчастного Мэйсона кутают в звериные шкуры и кладут на подстилку из веток. Он страшно искалечен. Никакой надежды спасти его нет.

Медленно тянется безжалостная ночь. Руфь встречает утро «со стоическим отчаянием, свойственным ее народу; на бронзовом лице Мэйлмюта Кида прибавилось несколько морщин. Мэйсон... перенесся в Восточный Теннесси, к Великим Туманным Горам, и вновь переживал свое детство.

Трогательно звучала мелодия давно забытого южного города: он бредил о купании в озерах, об охоте на енота и набегах за арбузами. Для Руфи это были только невнятные звуки, но Кид понимал все, и каждое слово отдавалось в его душе — так может сочувствовать только тот, кто долгие годы был лишен всего, что зовется цивилизацией».

Утром умирающий приходит в себя. Мэйсон шепчет другу, что Руфь была ему хорошей же-

ной. Он просит Кида не отправлять ее назад к ее племени. Ей будет трудно там. Почти четыре года Руфь ела с ними «бобы, бекон, хлеб, сушеные фрукты — и после этого опять рыба да оленина! Узнать более легкую жизнь, привыкнуть к ней, а потом вернуться к старому» невыносимо. Мэйсон просит друга позаботиться о Руфи, которая ждет ребенка, дать сыну хорошее образование и сделать так, чтобы мальчик «не возвращался сюда. Здесь не место белому человеку».

Мэйсон приказывает Киду и Руфи идти дальше. Мэйлмют Кид умоляет друга подождать три дня — возможно, Мэйсону станет легче. После решительного торга Мэйсон соглашается и дает другу один день. В заключение Мэйсон просит у Кида прощения за Кармен.

Оставив плачущую женщину подле мужа, Кид уходит в лес с ружьем, надеясь подстрелить лося.

«Если рассуждать отвлеченно, это была простая арифметика — три жизни против одной, обреченной. Но Мэйлмют Кид колебался. Пять лет дружбы связывали его с Мэйсоном — в совместной жизни на стоянках и приисках, в странствиях по рекам и тропам, в смертельной опасности, которую они встречали плечом к плечу на охоте, в голод, в наводнение. Так прочна была их связь, что он часто чувствовал смутную ревность к Руфи, с первого дня, как она стала между ними. А теперь эту связь надо разорвать собственной рукой».

Вернувшись ни с чем, Кид видит, что индианка отбивается топором от окружившей ее рычащей своры. Собаки набросились на запас съестных припасов. Кид спешит женщине на помощь. Избитые собаки уползают подальше от костра,

зализывают раны и жалобно воют. Весь запас вяленой рыбы уничтожен, и на дальнейший путь в двести с лишком миль остается не более пяти фунтов муки.

Голодные собаки набрасываются на умирающую Кармен и не успокаиваются, пока от несчастной не остается ни костей, ни клочка шерсти.

Медлить больше нельзя. Но Мэйсон все не умирает. Кид мастерит ему «могилу». Он быстро нагибает верхушки двух сосенок почти до земли и связывает их ремнями из оленьей кожи. Затем, ударами бича смирив собак, запрягает их в нарты и грузит туда все, кроме шкур, в которые был закутан Мэйсон. Товарища Кид обвязывает ремнями, прикрепив концы их к верхушкам сосен. Один взмах ножа — и сосны выпрямятся и поднимут тело высоко над землей.

Руфь безропотно слушает волю мужа. Она должна уйти, не видеть его последние минуты. «Бедняжку не надо учить послушанию. Еще девочкой она вместе со всеми женщинами своего племени преклонялась перед властелином всего живущего, перед мужчиной, которому не подобает прекословить». Руфь с упряжкой скрывается за деревьями.

Раздается короткий выстрел. Мэйсон взлетает ввысь, в свою воздушную гробницу, а Мэйлмют Кид, нахлестывая собак, во весь опор мчится прочь по снежной пустыне.

Любовь к жизни

Двое людей, прихрамывая, спустились к реке. Второй вошел в воду вслед за первым. Они не разулись, хотя вода была холодная, как лед. Второй путник поскользнулся на гладком валуне и

едва не упал. Он громко вскрикнул от боли, потому что вывихнул ногу.

Он пытался крикнуть вслед своему спутнику Биллу, что с ним случилось несчастье. Однако тот ковылял дальше и ни разу не оглянулся. Второй смотрел ему вслед, и в глазах у него появилась тоска, словно у раненого оленя. Это была отчаянная мольба человека, попавшего в беду, но Билл не повернул головы. Скоро он скрылся из виду.

Человек, который вывихнул ногу, «окинул взглядом тот круг вселенной, в котором остался теперь один. Картина была невеселая. Низкие холмы замыкали горизонт однообразной волнистой линией. Ни деревьев, ни кустов, ни травы, — ничего, кроме беспредельной и страшной пустыни, — и в его глазах появилось выражение страха. Он пересилил свой страх, собрался с духом и, опустив руку в воду, нашарил ружье, потом передвинул тюк ближе к левому плечу, чтобы тяжесть меньше давила на больную ногу, и медленно и осторожно пошел к берегу, морщась от боли.

Он шел не останавливаясь. Не обращая внимания на боль, с отчаянной решимостью, он торопливо взбирался на вершину холма, за гребнем которого скрылся Билл.

Оставшись один, он не сбился с пути. Он знал, что еще немного — и он подойдет к тому месту, где сухие пихты и ели, низенькие и чахлые, окружают маленькое озеро Титчинничили, что на местном языке означает: «Страна Маленьких Палок»... Потом... он спустится до реки Диз и там найдет свой тайник под перевернутым челноком, заваленным камнями. В тайнике спрятаны патроны, крючки и лески для удочек и маленькая сеть —

все нужное для того, чтобы добывать себе пропитание. А еще там есть мука — правда, немного, и кусок грудинки, и бобы».

Человеку казалось, что Билл подождет его там, и они вдвоем спустятся по реке Диз до Большого Медвежьего озера. «Как ни трудно было ему идти, еще труднее было уверить себя в том, что Билл его не бросил, что Билл ждет его у тайника. Он должен был так думать, иначе не имело никакого смысла бороться дальше, — оставалось только лечь на землю и умереть.

Он ничего не ел уже два дня, но еще дольше он не ел досыта. То и дело он нагибался, срывал бледные болотные ягоды, клал их в рот, жевал и проглатывал. Ягоды были водянистые и быстро таяли во рту, — оставалось только горькое жесткое семя».

Человек остановился и сосчитал, сколько у него спичек. Их было шестьдесят семь. Он разделил их на три кучки и каждую завернул в пергамент; один сверток он положил в пустой кيسет, другой — за подкладку изношенной шапки, а третий — за пазуху.

Человек продолжал свой многодневный путь. Голод жестоко терзал его. Он пытался найти любое пропитание. Один раз он совсем близко увидел оленя. Ему сразу представился запах и вкус оленины, шипящей на сковородке. Он невольно схватил незаряженное ружье, прицелился и нажал курок. Олень всхрапнул и бросился прочь, стуча копытами по камням.

«Ни деревьев, ни кустов — ничего, кроме серого моря мхов, где лишь изредка виднелись серые валуны, серые озерки и серые ручьи. Небо тоже было серое.

Ни солнечного луча, ни проблеска солнца! Он потерял представление, где находится север, и забыл, с какой стороны он пришел».

Человек сильно ослабел. Теперь ему все тяжелее нести привычную ношу. Он выбросил все лишнее, остановился в раздумье над плоским, туго набитым мешочком из оленьей кожи. Внутри лежали слитки золота и золотой песок. Пока он принял решение не бросать таким трудом доставшееся ему богатство.

Нога у него одеревенела, он стал хромать сильнее, но эта боль ничего не значила по сравнению с болью в желудке. Голод мучил его невыносимо.

Прошло несколько дней. На болоте человек наткнулся на белых куропаток, бросил в них камнем, но промахнулся. Потом, положив тук на землю, стал подкрадываться к ним ползком. Его попытки поймать птицу оказались тщетными.

Навстречу ему попалась черно-бурая лисица с куропаткой в зубах. Он закричал. Крик был страшен, но лисица, отскочив в испуге, все же не выпустила добычи.

Он искал лягушек в озерах, копал руками землю в надежде найти червей, хотя знал, что так далеко на Севере не бывает ни червей, ни лягушек.

Он увидел в луже одну-единственную рыбку величиной с пескаря. Он опустил в воду правую руку по самое плечо, но рыба от него ускользнула. Тогда он стал ловить ее обеими руками и поднял всю муть со дна. От волнения он оступился, упал в воду и вымок до пояса. Он так замутил воду, что рыбку нельзя было разглядеть, и ему пришлось дожидаться, пока муть осядет на дно. Отвязав жестяное ведро, он начал вычерпывать воду. Но рыбка исчезла.

Он развел костер и согрелся, выпив кипятку. Начался мокрый снег, который вскоре перешел в ледяной дождь. Все одеяла были израсходованы на обмотки для ног, стертых в кровь, укрыться стало фактически нечем. Он уже не думал ни о Стране Маленьких Палок, ни о Билле, ни о тайнике у реки Диз. Им владело только одно желание: есть!

«Наступил день — серый день без солнца. Дождь перестал. Теперь чувство голода у путника притупилось. Осталась тупая, ноющая боль в желудке, но это его не очень мучило. Мысли у него прояснились, и он опять думал о своем тайнике у реки Диз... Он знал, что сбился с пути.

Язык у него распух, стал сухим, и во рту был горький вкус. А больше всего его донимало сердце. После нескольких минут пути оно начинало безжалостно стучать, а потом словно подскакивало и мучительно трепетало, доводя его до удушья и головокружения, чуть не до обморока.

Боль в желудке все слабела, становилась все менее острой, как будто желудок дремал». Время от времени ему попадались неглубокие лужи и удавалось поймать несколько пескарей. Путник «ел рыбок сырыми, старательно их разжевывая, и это было чисто рассудочным действием. Есть ему не хотелось, но он знал, что это нужно, чтобы остаться в живых».

У путника осталось мало сил, даже легкая ноша теперь казалась ему неподъемной. Образумившись наконец, он развязал ремешок, стягивающий кожаный мешочек с золотым песком и самородками. Он разделил золото пополам, одну половину спрятал, а другую всыпал обратно в мешок.

Путник продолжал путь. Он давно сбился со счета, сколько дней находился в пути. Однажды он свалился прямо на гнездо куропатки. Там было четыре только что вылупившихся птенца, не старше одного дня; и он съел их с жадностью, запихивая в рот живыми: они хрустели у него на зубах, как яичная скорлупа. Однако насытиться ими ему не удалось. Он пустился догонять мать-куропатку, перешиб ей крыло, почти ухватил ее за хвост, но сил ему не хватило, и раненая птица упорхнула. Погоня за куропаткой привела его в болотистую низину, и там он заметил человеческие следы на мокром мху.

«Его начали мучить навязчивые мысли. Почему-то он был уверен, что у него остался один патрон, — ружье заряжено, он просто этого не заметил. И в то же время он знал, что в магазине нет патрона. Эта мысль неотвязно преследовала его... По временам рассудок его мутился, и он продолжал брести дальше бессознательно, как автомат... Однажды его привело в себя зрелище, от которого он тут же едва не упал без чувств... Перед ним стояла лошадь. Лошадь! Он не верил своим глазам. Их завлакивал густой туман, пронизанный яркими точками света. Он стал яростно тереть глаза и, когда зрение прояснилось, увидел перед собой не лошадь, а большого бурого медведя... Если бы человек бросился бежать, медведь погнался бы за ним. Но человек не двинулся с места, осмелев от страха; он тоже зарычал, свирепо, как дикий зверь.. Медведь отступил в сторону, угрожающе рыча, в испуге перед этим таинственным существом, которое стояло прямо и не боялось его».

Еще через несколько дней обезумевший от голода человек набрел на кости олененка, которого

задрали волки. «Может быть, к концу дня и от него останется не больше? Ведь такова жизнь, суетная и скоропреходящая.

Только жизнь заставляет страдать. Умереть не больно. Умереть — уснуть.

Смерть — это значит конец, покой. Почему же тогда ему не хочется умирать? Но он не долго рассуждал. Вскоре он уже сидел на корточках, держа кость в зубах, и высасывал из нее последние частицы жизни, которые еще окрашивали ее в розовый цвет. Сладкий вкус мяса, еле слышный, неуловимый, как воспоминание, доводил его до бешенства. Он стиснул зубы крепче и стал грызть. Иногда ломалась кость, иногда его зубы.

Он больше не боролся, как борются люди. Это сама жизнь в нем не хотела погибнуть и гнала его вперед. Он не страдал больше. Нервы его притупились, словно оцепенели, в мозгу теснились странные видения, радужные сны».

Путник вышел на равнину. Внизу, текла широкая, медлительная река. Она была ему незнакома, и это его удивило. Вслед за тем он увидел корабль, стоявший на якоре посреди блистающего моря. Он закрыл глаза на секунду и снова открыл их. Человек был уверен, что это мираж, бред, что в этих широтах не может плавать никакое судно.

Обернувшись на странный шорох, путник увидел серую голову волка. Уши не торчали кверху, глаза помутнели и налились кровью, голова бесильно понурилась. Волк, верно, был болен: он все время чихал и кашлял.

Внезапно в мозгу человека забрезжила надежда. Эта широкая, медлительная река называлась

Коппермайн. «Это блистающее море — Ледовитый океан. Этот корабль — китобойное судно, заплывшее далеко к востоку от устья реки Маккензи, оно стоит на якоре в заливе Коронации. Он вспомнил карту Компании Гудзонова залива, которую видел когда-то, и все стало ясно и понятно.

Он был спокоен и в полном сознании. Несмотря на страшную слабость, он не чувствовал никакой боли. Есть ему не хотелось. Мысль о еде была даже неприятна ему, и все, что он ни делал, делалось им по велению рассудка. Он оторвал штанины до колен и обвязал ими ступни. Ведерко он почему-то не бросил: надо будет выпить кипятку, прежде чем начать путь к кораблю — очень тяжелый, как он предвидел.

Несколько раз он пробовал встать и пополз на четвереньках. Один раз он подполз очень близко к больному волку. Зверь неохотно посторонился и облизнул морду, насилу двигая языком. Человек заметил, что язык был не здорового, красного цвета, а желтовато-бурый, покрытый полусохшей слизью...

Выпив кипятку, он почувствовал, что может подняться на ноги и даже идти, хотя силы его были почти на исходе...

Все утро путник, спотыкаясь и падая, шел к кораблю на блистающем море. Погода стояла прекрасная. Это началось короткое бабье лето северных широт. После полудня он напал на след. Это был след другого человека, который не шел, а тащился на четвереньках. Он подумал, что это, возможно, след Билла, но подумал вяло и равнодушно. Ему было все равно. В сущности, он перестал что-либо чувствовать и волноваться...

Скоро путник увидел конец его пути: обглоданные кости на мокром мху, сохранившем следы волчьих лап. Он увидел туго набитый мешочек из оленьей кожи...

Он засмеялся хриплым, страшным смехом, похожим на карканье ворона, и больной волк вторил ему, уныло подвывая. Человек сразу замолчал. Как же он будет смеяться над Биллом, если это Билл, если эти бело-розовые, чистые кости — все, что осталось от Билла? Он отвернулся. Да, Билл его бросил, но он не возьмет золота и не станет сосать кости Билла. А Билл стал бы, будь Билл на его месте, размышлял он, тащась дальше».

Путник двигался к кораблю четыре дня подряд. С каждым днем он проползал все меньшее расстояние, потому что силы его были на исходе. Он набрел на маленькое озерко, посмотрел в воду. Отражение его было так страшно, что пробудило даже его оступевшую душу.

«Он то полз на четвереньках, то падал без чувств, и по его следам все так же тащился больной волк, кашляя и чихая. Колени человека были содраны до живого мяса, и ступни тоже, и хотя он оторвал две полосы от рубашки, чтобы обмотать их, красный след тянулся за ним по мху и камням. Оглянувшись, он увидел, что волк с жадностью лижет этот кровавый след, и ясно представил себе, каков будет его конец, если он сам не убьет волка. И тогда началась самая жестокая борьба, какая только бывает в жизни: больной человек на четвереньках и больной волк, ковылявший за ним, — оба они, полумертвые, тащились через пустыню, подстерегая друг друга...

Он знал, что не проползет и полумили. И все-таки ему хотелось жить. Было бы глупо умереть

после всего, что он перенес. Судьба требовала от него слишком много. Даже умирая, он не покорялся смерти. Возможно, это было чистое безумие, но и в когтях смерти он бросал ей вызов и боролся с ней...

Волк был терпелив, но и человек был терпелив не меньше. Полдня он лежал неподвижно, борясь с забытием и сторожа волка, который хотел его съесть и которого он съел бы сам, если бы мог...

Он проснулся оттого, что шершавый язык коснулся его руки. Человек ждал. Клыки слегка сдавили его руку, потом давление стало сильнее — волк из последних сил старался вонзить зубы в добычу, которую так долго подстерегал. Но и человек ждал долго, и его искусанная рука сжала волчью челюсть. И в то время как волк слабо отбивался, а рука так же слабо сжимала его челюсть, другая рука протянулась и схватила волка. Еще пять минут, и человек придавил волка всей своей тяжестью. Его рукам не хватало силы, чтобы задушить волка, но человек прижался лицом к волчьей шее, и его рот был полон шерсти. Прошло полчаса, и человек почувствовал, что в горло ему сочится теплая струйка».

Человек победил. Но до корабля оставалось еще значительное расстояние.

«На китобойном судне «Бедфорд» ехало несколько человек из научной экспедиции. С палубы они заметили какое-то странное существо на берегу...

Ученые ... сели в шлюпку и поплыли к берегу. Они увидели живое существо, но вряд ли его можно было назвать человеком. Оно ничего не слышало, ничего не понимало и корчилось на песке,

словно гигантский червяк. Ему почти не удавалось продвинуться вперед, но оно не отступало и, корчась и извиваясь, продвигалось вперед шагов на двадцать в час...

Через три недели, лежа на койке китобойного судна «Бедфорд», человек со слезами рассказывал, кто он такой и что ему пришлось вынести.

Прошло несколько дней, Он радовался изобилию пищи, тревожно провожал взглядом каждый кусок, исчезающий в чужом рту, и его лицо выражало глубокое сожаление. Он был в здравом уме, но чувствовал ненависть ко всем сидевшим за столом. Его мучил страх, что еды не хватит...

Стали замечать, что он поправляется. Он толстел с каждым днем. Ученые качали головой и строили разные теории. Стали ограничивать его в еде, но он все раздавался в ширину, особенно в поясе...

Ученые осмотрели потихоньку его койку. Она была набита сухарями. Матрац был полон сухарей.

Во всех углах были сухари. Однако человек был в здравом уме. Он только принимал меры на случай голодовки — вот и все. Ученые сказали, что это должно пройти. И это действительно произошло, прежде чем «Бедфорд» стал на якорь в гавани Сан-Франциско».

Мексиканец

Однажды в штаб мексиканской Хунты (общественно-политическая организация) приходит мальчик лет восемнадцати. Он представляется Фелипе Риверой, заявляет, что хочет работать для революции. Вначале все подозревают в нем шпиона, настолько неблагоприятное впечатление произ-

водит этот замкнутый, ничего о себе не рассказывающий юноша. Один из членов Хунты, Паулино Вэра потом признался, что при виде Риверы содрогнулся. Вэра холодно заявляет, что, раз тот хочет работать для революции, пусть вымоет пол и окна в помещении Хунты. Ривера выполняет грязную работу молча и безропотно изо дня в день. Денег за свой труд он не берет, объясняя свою позицию тем, что он работает для революции.

Чтобы поддержать революцию, требуется много денег, и Хунта находится в весьма стесненных обстоятельствах. Однажды, когда «плата за помещение не была внесена в течение двух месяцев и хозяин пригрозил выселением, не кто иной, как Фелипе Ривера, поломойка в жалкой, дешевой, изношенной одежде вложил в кассу Хунты шестьдесят золотых долларов». Такие взносы повторяются периодически. Другие патриоты продают свои вещи, немудреные драгоценности, но положение становится отчаянным. Каждый раз на выручку приходит Фелипе Ривера.

Но, несмотря на все это, члены Хунты не могут полюбить его. Он отклоняет все попытки вызвать его на разговор, и у них не хватает смелости расспрашивать его. Ареллано называет его великим и одиноким духом, Рамос отмечает, что в Ривере есть что-то нечеловеческое, что он «мертвец, и вместе с тем в нем чувствуешь какую-то страшную жизненную силу». Паулино Вэра со знанием дела утверждает, что Ривера прошел ад, несмотря на свой юный возраст.

Именно Вэра дает Ривере первое ответственное поручение. Юноша блестяще с ним справляется, убивает предателя.

Ривера нередко приходит с рассеченной губой, распухшим ухом, синяками на скулах. Товарищи, не добившись от него никаких комментариев, решают, что все дело просто в дурном характере Риверы. Случается, что Ривера так избит, что не в состоянии набирать маленький революционный листок, который издает Хунта, потому что руки его бессильно висят вдоль тела, а лицо искажает мучительная боль.

Нужда в деньгах ощущается все острее. Решительный час приближается. Тысячи повстанцев ждут сигнала Хунты, но сигнала все нет, потому что повстанцам не хватает винтовок. Однажды Вэра восклицает: «Подумать только, что свобода Мексики зависит от нескольких несчастных тысяч долларов!» Ривера, который скребет в углу пол, велит товарищам заказывать винтовки и обещает в скором времени принести Хунте пять тысяч долларов.

Келли, организатор матчей по боксу, в отчаянии. Боксер Карти сломал руку, а билеты на его бой с нью-йоркской знаменитостью Дэнни Уордом давно проданы. Келли срочно пытается подыскать Карти замену. Робертс, спортивный менеджер, рекомендует ему Риверу, «человека без нервов, одинаково хорошо работающего обеими руками».

Робертс рассказывает, как он открыл этого «маленького мексиканца». Года два назад ему попался на глаза голодный парнишка, выносливый и решительный. Долгое время он дрался с признанными мастерами за полдоллара и сытный обед, со временем здорово окреп. Робертс называ-

ет Риверу прирожденным бойцом, словно нарочно созданным для бокса, бессердечным и хладнокровным. Он всему научился у знаменитых боксеров, с которыми дрался, и многих мог бы побить, но его сердце не лежит к боксу. В последнее время он успешно выступал по мелким клубам и всегда выходил победителем. Для чего Ривере это было нужно, Робертс не имеет понятия: скорее всего, парню были нужны деньги, хотя по его одежде не заметно, чтобы он тратил гонорары на себя.

Прибывает Дэнни Уорд, «вырывается, как всепобеждающий вихрь добродушия и веселья». Это его манера — правда, не совсем искренняя. Ривера сидит молча, забившись в угол, глаза его пылают ненавистью.

Менеджеры начинают обсуждать условия поединка. Для всех совершенно очевидно, что Дэнни побьет Риверу. Неожиданно последний предлагает странное решение: победитель получает все. Над Риверой смеются, уговаривают пойти на условия Дэнни, при которых Ривере перепадет хоть что-то. Но Ривера непреклонен: он уверен, что победит знаменитого боксера. В результате он выводит из себя внешне добродушного Дэнни, тот обещает до смерти исколотить противника на ринге, требует поместить условия поединка в газетах и написать, что у Дэнни с Риверой личные счеты.

Зал битком набит в день поединка. Появление Риверы на ринге остается незамеченным — в него никто не верит, все считают, что он — ягненок, отданный на заклание великому Дэнни. Последний долго не появляется — известный психологический прием, призванный накрутить нервы

противнику, лишить его бодрости духа. Но на Риверу это не действует. Он презирает бокс, презирает зрителей, менеджеров, своих секундантов, ненавидит Дэнни. Для него бокс — просто заработок. Он твердо знает, что любым путем должен выиграть этот бой. Дэнни стремится к победе, потому что ему нужны деньги для легкой жизни, полной удовольствий. Ривера хочет приза, потому что за ним стоит вся Мексика, от него зависит судьба революции. Поэтому такие мелочи, как нечестная игра, попустительство судьи, невнимание к нему секундантов и тотальное недоверие зрителей, которые все, как один, на стороне Дэнни, Риверу не смущают.

Перед внутренним взором Риверы пылают видения. Забастовка рабочих, в которой принимали участие его родители; голод, с которым была сопряжена забастовка; солдаты Диаса (реакционного правителя Мексики, свергнутого в 1911 г.), которые расстреливали рабочих; горы трупов, которые громоздились на улицах, — и он сам, маленький ребенок, ползающий среди трупов, в поисках своих изуродованных, растерзанных родителей...

Секунданты передают Ривере инструкцию Келли — держаться до последнего, не падать на пол, доставлять максимум удовольствия публике.

Дэнни начинает бой вполсилы, самоуверенно, спокойно. Однако очень скоро выясняется, что Ривера не такой «щенок», каким представлял его себе признанный мастер. Глаза его горят обычным холодным огнем, грудь совершенно не волнуется. Нанеся страшную серию комбинированных ударов, в первом же раунде Ривера отправляет

Дэнни на пол. Пристрастный судья изо всех сил подыгрывает Дэнни, оттесняя Ривера, грубо нарушает правила, и Дэнни успевает подняться, чтобы продолжить бой.

В последующих раундах Дэнни упорно пытается взять реванш за поражение в начале боя. Но Ривера бьется не на жизнь, а на смерть. Дэнни то становится жертвой своего же собственного приема, то использует все мыслимые трюки и подвохи, которые есть в арсенале опытного бойца. Но Ривера, которого, кажется, со всех сторон окружает предательство, в четырнадцатом раунде снова кладет противника на обе лопатки.

Келли и Робертс пытаются надуть мексиканца, предлагают Ривере сделку — если сейчас он поддается Дэнни, то Келли «устроит его будущее», даст побить Дэнни в следующий раз. Они шепчут, что судья все равно не даст Ривере победы. Но судья ничего не может поделать. Ривера притворяется, что сгибается под тяжестью удара Дэнни, бессильно опускает руки, шатается. Дэнни обрадованно решает, что настал момент для решительного удара. Но Ривера этим маневром только усыпляет бдительность противника и сам наносит ему сокрушительный удар. Трижды Дэнни поднимается, прежде чем судья закончит считать до десяти, и трижды Ривера повторяет удар. Никакой судья не посмел бы назвать его неправильным.

Келли зовет полисмена. Судья и полисмен бросаются к Ривере как раз в тот момент, когда он наносит последний удар. Дэнни больше не поднимается. Секунданты оттаскивают поверженного боксера в угол.

Судья неохотно объявляет Риверу победителем.

Никто не поздравляет Риверу. Он один проходит в тот угол, где секунданты даже не поставили для него стула. Прислонившись спиной к канатам, Ривера с ненавистью смотрит на десять тысяч разочарованных зрителей. В изнеможении он всхлипывает, но вдруг спасительная мысль заставляет его распрямиться. Он получит пять тысяч долларов. Винтовки теперь принадлежат ему. Революция будет продолжаться!

У. Д. Голдинг

Сведения об авторе:

Уильям Джералд Голдинг (1911—1993), знаменитый английский писатель, родился 19 сентября в Сент-Колем Майнор (графство Корнуолл). Образование получил в Оксфордском университете, где два года посвятил естественным наукам, после чего начал заниматься английским языком и литературой. По окончании университета Голдинг работал в Лондонском приюте для бездомных, а в свободное время писал рассказы и повести, играл в театре. Затем преподавал английский язык и философию в школе. Во Вторую мировую войну Голдинг служил в военно-морских силах Великобритании, и этот опыт, по его собственному признанию, лишил его иллюзий относительно природы человека. Первым напечатанным романом Голдинга был «Повелитель мух», приобретший широкую известность.

Романы Голдинга — это своеобразные притчи, вскрывающие те или иные стороны взгляда авто-

ра на природу человека. Среди других произведений Голдинга можно назвать романы «Наследники», «Шпиль», «Пирамида», «Зримый мрак», «Верительная грамота» и многие другие.

В 1983 году Голдинг за выдающиеся литературные достижения был удостоен Нобелевской премии, а в 1988 году даже возведен в рыцарское достоинство.

Повелитель мух

На острове посреди океана в результате катастрофы самолета, который вез их в эвакуацию, оказываются несколько десятков детей разных возрастов. Пилот погибает. Дети, разбросанные в разных частях острова, полностью предоставлены сами себе.

По берегу океана бредет светловолосый мальчик. Это Ральф. Ральф «достаточно большой, двенадцать с лишним, но пока в нем еще не ощущалась неловкость подростка. По ширине и развороту плеч видно было, что он мог бы стать боксером, если бы мягкость взгляда и рта не выдавала его безобидности».

Следом за Ральфом по песку шагает невысокий и очень толстый мальчик в очках с толстыми стеклами. Его речь грешит ошибками, он говорит с акцентом.

Ральф первым делает вывод, что они попали на остров, на котором вообще нет взрослых. И хотя Ральф произносит это мрачно, его тотчас одолевает «восторг сбывшейся мечты».

Толстый мальчик все время пытается обратить на себя внимание Ральфа. Он настойчиво предлагает отыскать остальных детей, узнать имена

всех, кто попал на остров, составить их список и созвать сбор. Ральф воспринимает все предложения не проронив ни слова, так что толстому приходится цепляться за любую тему, лишь бы создать эффект продолжения беседы. В частности, он заявляет, что ему все равно, как его самого будут звать, — «лишь бы опять не обозвали, как в школе». Ральф, наконец, проявляет интерес к своему назойливому собеседнику. Когда он выясняет, что в школе того прозвали Хрюшей, Ральф буквально валится на землю от смеха. Прозвище удивительно подходит толстому мальчику, хотя он умоляет Ральфа никому не сообщать это.

Утомившись, Ральф отправляется купаться и нырять. Остров находится в тропических широтах, поэтому солнце жжет немилосердно, а вода оказывается теплее тела. Ральфу даже кажется, будто он плавает в огромной ванне. Он умеет плавать с пяти лет — научил отец, капитан второго ранга.

Хрюша с завистью и восторгом следит за товарищем. Сам он, конечно, не умеет плавать (из-за астмы ему даже нельзя бегать), и только, пофыркивая, плещется у берега. Ральф уверяет Хрюшу, что как только отпустят его папу-капитана, он приедет и спасет их.

При воспоминании о своих родителях Хрюша вдруг краснеет и скороговоркой лепечет, что его отец умер. О судьбе же матери, по всей видимости, мальчик предпочитает не распространяться. Хрюшу вырастила тетя, у которой была собственная кондитерская, где Хрюша мог без ограничения лакомиться сладким.

Хрюша принимается объяснять Ральфу, что их надежда на спасение призрачна. Летчик, который

вел их самолет, говорил, что в результате взрыва атомной бомбы все население города погибло. Поскольку самолет разбился и летчик не успел об этом никуда сообщить, то теперь никто не знает о местонахождении ребят.

Однако все это не очень занимает Ральфа. Ему гораздо интереснее пожить без взрослых, «своим умом», без правил и цивилизации. «Наконец-то нашлось, воплотилось столько раз, но не до конца рисовавшееся воображению место. Рот у Ральфа расплылся в восхищенной улыбке, а Хрюша отнес эту улыбку на свой счет, как знак признанья, и радостно захохотал».

Ральф замечает, как что-то кремовое мерцает среди водорослей на дне. Это необыкновенной красоты раковина. Хрюше удастся ее выловить. Мальчики понимают, что теперь, протрубив в раковину, как в рог, они смогут устроить общий сбор — другие дети услышат сигнал и непременно прибегут на звук.

«Густой, резкий гул поплыл под пальмами, хлынул сквозь лесные пущи и эхом откатился от розового гранита горы. Собственный голос показался Ральфу шепотом после оглушающих звуков рога.

Среди пальм показался ребенок. Это был светлый крепыш лет шести, Джонни, одежда на нем была порвана, а личико перемазано фруктовой жижей. Он спустил штаны с очевидной целью и не успел как следует натянуть.

Берег ожил. Дрожа в горячих струях воздуха, он укрывал вдалеке множество фигурок; мальчики пробирались к площадке по каленому глухому песку. Трое малышей не старше Джонни

оказались удивительно близко — объедались в лесу фруктами. Шли еще и еще.

Хрюша обходил толпу, спрашивал, как кого зовут, и морщился, запоминая. Двое круглоголовых мальчиков повалились ничком и, улыбаясь и тяжело дыша, как два пса, смотрели на Ральфа. Они были близнецы и до того одинаковы, что в это забавное тождество просто не верилось. Дышали в лад, улыбались в лад, оба здоровые и коренастые — Эрик и Сэм». Среди малышей особенно запоминается один — с багровым родимым пятном в пол-лица.

Скоро Ральф замечает вдали отряд мальчиков, «шагавших в ногу в две шеренги и странно, дико одетых. Шорты, рубашки и прочий скарб они несли под мышкой; но всех украшали черные квадратные шапочки с серебряными кокардами. От подбородка до щиколоток каждого укрывал черный плащ с длинным серебряным крестом. Вожаком отряда был облачен точно так же, только кокарда золотая.

Мальчик подошел к Ральфу вплотную, сверху глянул на него и скроил недовольную мину. Вид светловолосого мальчишки с кремовой раковиной на коленях его, кажется, не впечатлил. Он сразу отвернулся, взмахнув черными полами».

Это Джек Меридью, староста хора. Один из его хористов, щуплый мальчик, падает от безумной жары в обморок. Меридью не обращает на это внимания.

Ральф представляется Джеку и остальным мальчикам, представляет и своего толстого спутника. Джек пытается поддразнить того, назвав Жирняем. Разобидевшись, Ральф кричит, что его истин-

ное имя — Хрюша. «Тут раздался настоящий взрыв хохота, хохотали все, даже самые маленькие. Смех вдруг сплотил мальчиков, и только Хрюша остался вне этого тесного дружеского кружка. Он залился краской, насутился и опять занялся очками.

Наконец смех замер и продолжалась перекличка. Был тут Морис, второй в хоре по росту после Джека; он все время улыбался. Был тощий дичок, которого никто не знал; погруженный в себя, он скрытно держался в сторонке. Пробормотал, что зовут его Роджер, и снова умолк. Билл, Роберт, Харольд, Генри; мальчик из хора, который упал в обморок, теперь сел, прислонясь к пальмовому стволу, бледно улыбнулся Ральфу и назвался Саймоном».

Джек предлагает решить, как спастись с острова. Встает необходимость «выбрать главного». Джек без обиняков заявляет, что он сам будет главным, «потому что он староста и он запеваает в церкви и до-диез может взять».

Однако толпа мальчиков придерживается другого мнения. «Выборы оказались забавой не хуже рога. Джек было начал спорить, но кругом уже не просто хотели главного, но кричали о выборах и чуть не все предлагали Ральфа. Никто не знал, почему именно его; что касается смекалки, то уж скорей ее проявил Хрюша, и роль вожака больше подходила Джеку. Но Ральф был такой спокойный, и еще высокий, и такое хорошее было у него лицо; но непостижимее всего и всего сильнее их убеждал рог».

Заметив на лице Джека недовольное выражение, Ральф объявляет его главным среди хорис-

тов, которых теперь будут именовать, по желанию их предводителя, охотниками. Джек и Ральф улыбаются друг другу с робкой симпатией. Ральф объявляет, что вместе с Джеком пойдет на разведку по острову. Он также берет с собой Саймона.

Хрюша увязывается следом. Он обижен на Ральфа за то, что тот обнародовал его нелепое прозвище. Хрюша пытается восстановить справедливость, держаться ближе к Ральфу, потому что пока он рядом с главным, его никто не тронет. Под предлогом заботы о его здоровье (при астме противопоказаны большие физические нагрузки, с которыми сопряжена разведка) Ральф заставляет Хрюшу вернуться и составить список, по которому впоследствии можно было бы делать переключку.

Трое мальчиков продолжают путь. «Какие-то чары опутали берег, опутали их, и, опутанные чарами, они ликовали. То и дело переглядывались, хохотали, говорили, не слушали. Все сияло кругом. Головы кружила высота, кружила дружба».

Ребята определяют, поднявшись на гору, что находятся на острове, рядом с которым расположен коралловый риф. Саймон заявляет, что хочет есть, и двое его товарищей сразу воображают, что тоже жестоко проголодались. Однако, кроме надоевших и вызывающих расстройство желудка фруктов, им нечем утолить голод.

Вдруг Ральф, Джек и Саймон совсем близко слышат визг и частый стук копыт. Мальчики обнаруживают застрявшего в занавесе лиан поросенка, который рвется из упругих пут. Джек выхватывает сверкающий нож и заносит руку.

«Но тут наступила пауза, заминка, только свинья все визжала, и лианы тряслись, и все сверкал

в тощей руке нож. Свинья вырвалась и метнулась в чащу. Они смотрели друг на друга и на то страшное место. Лицо у Джека побелело под веснушками. Он спохватился, что все еще держит поднятый нож, опустил руку и сунул его в ножны. Все трое сконфуженно рассмеялись и стали подниматься обратно на тропку».

Никто не упрекает Джека за то, что тот не смог убить свинью и упустил сытный обед. Мальчики прекрасно понимают, что ни один из них не смог бы совершить это первое в своей жизни убийство.

Мальчики возвращаются на берег опять созывать собрание. «Это собрание было не похоже на утреннее. Заходящее солнце косо падало теперь с другой стороны, и мальчики, слишком поздно ощутив боль от ожогов, натянули одежду».

Ральф объявляет ребятам, что они находятся на необитаемом острове, и больше здесь никого нет. Он рассказывает, что на острове водятся свиньи, которых Джек и его охотники сумеют поймать, и тогда у них будет мясо. Ральф объясняет, что в отсутствие взрослых они все должны решать сами. Выступать на собрании можно только, если держишь в руках рог. Нельзя всем говорить сразу. Надо сначала поднять руку, как в школе. И тому, кто поднимет руку, Ральф даст рог. У ребят будет много всяких правил, которые они сами учредят и которым будут следовать добровольно. А кто их будет нарушать, понесет наказание от своих же товарищей.

Хрюша, взяв рог, пытается втолковать собравшимся, что никто на аэродроме не знает, где они находятся, так что мальчикам придется рассчитывать только на случайное спасение и предпринять какие-то меры, чтобы спасение нашло их.

Прочие, включая Ральфа, пока предпочитают не озабочиваться этой проблемой. Общая идея — «пока нас спасут, мы тут отлично проведем время» — не способствует разработке детальных планов спасения.

Слова просит малыш лет шести. Однако, оробев перед большим скоплением народа, он не в силах сформулировать свою мысль. Хрюша, встав перед ним на колени, принимается «озвучивать» речь малыша. Тот спрашивает старших, что они собираются делать не то со зверем, не то со змеем, который водится на острове и которого ночью видели многие малыши.

Джек дает малышу достойный ответ. Он будет охотиться на свиней и для всех добывать мясо, а заодно и насчет змей проверит. Напрасно Ральф пытается убедить собравшихся, что на острове не водятся ни змеи, ни крупные хищники.

Ральфу приходит в голову гениальная мысль. Раз никто не знает, где они, надо постараться, чтобы их обнаружили случайно, чтоб издалека над островом был виден дымок. Для этого Ральф распоряжается разжечь на горе костер. Тогда их рано или поздно спасет проходящий мимо корабль. «Он сказал что хотел и умолк. Он их успокоил. Он им сразу понравился, и вот теперь они поверили в него».

Ребята, включая малышей, дружно бросаются разводить костер. «Каждая группка вносила свою лепту, и понемногу костер вырастал. Даже самые маленькие, если не отвлекались фруктами, несли щепочки и подбрасывали в огонь».

Однако тут перед Ральфом встает новая проблема. Естественно, ни у кого из детей нет спи-

чек. По очереди те, кто постарше, неуверенно предлагают различные оригинальные способы разведения огня, вроде трения кусков дерева друг о друга. Но тут Джек догадывается, что надо использовать Хрюшины очки как зажигательные стекла. Хрюша не успевает возразить. Его обступают, Джек силой срывает с толстяка очки.

Сухое дерево сразу же начинает дымиться, потом показывается язычок пламени. Ральф сует очки в беспомощно шарившую Хрюшину руку. Но костер быстро гаснет. Хрюша, вцепившись в рог, пытается заставить ребят слушать его, чтобы подсказать способ, как поддерживать огонь (подложить зеленых веток). Однако Джек, которого Хрюша по непонятной причине сильно раздражает, в ярости приказывает ему замолчать.

Ральф назначает дежурных, которые обязаны следить за костром днем и ночью, потому что корабль может пройти мимо острова в любой момент. Джек вызывается разделить своих охотников на смены, и отвечать за то, чтоб костер всегда горел.

Однако вскоре ребята замечают, что их подстерегает новая опасность. При разведении огня они не соблюдали никаких предосторожностей, и теперь «лес на четверть мили кругом бесновался в дыму и пламени. Треск огня дружно ударял в уши барабанным боем, и гору от него будто бросало в дрожь».

Один за другим мальчики стихают, охваченные жутью перед разбушевавшейся у них на глазах стихией. Потом дети бегут прочь, подальше от пожара, потому что огонь распространяется стремительно. Неизвестно, всем ли удастся спастись.

Собрание стихийно продолжается. Хрюша, вновь овладев рогом, кричит, что в первую очередь надо построить на берегу шалаши, чтобы укрываться от непогоды. Затем необходимо назначить человека, который присматривал бы за малышами, потому что никому не известно, ни сколько их, ни как их зовут, а они все время разбредаются и действительно могут угодить в неприятную переделку. В частности, Хрюша твердит, что нигде не видит малыша с родимым пятном на лице и малыша, который говорил про змея.

Проходит несколько дней. Джек целиком поглощен охотой на свиней. Он днями напролет ходит по лесу, набредает на следы животных, выслеживает свиной лаз. Однако убить свинью ему никак не удается.

Несолоно хлебавши Джек возвращается на берег, где Ральф с близнецами и Саймоном строят шалаши. Остальные мальчики, на словах согласившись принимать участие в постройке укрытий, разбежались играть кто куда. Ральф жалуется Джеку, что все очень любят собрания — хоть по два раза в день. Ребята без конца болтают, а потом разбегаются или идут охотиться. «Ему хотелось объяснить, как все всегда оказываются не такими, как от них ждешь».

Джека неприятно задевает, что Ральф подспудно и его обвиняет в бездеятельности. Джек решительно заявляет, что занят гораздо более важным, чем все остальные, делом — добычей мяса. Джека не смущает прохладное отношение Ральфа к его увлечению (несмотря на непрерывную охоту, Джек еще не добыл ни куска мяса). «Враждебность звенела уже открыто. Джек рвался пе-

редать, что гнало его выследить, настигнуть, убить... Снова метнулось в глазах безумие».

Но Ральфа удручает не только бездействие и безответственность его товарищей. По лагерю ползут разговоры про зверя, который является мальчикам во сне. Малыши кричат по ночам. «Малыш Персиваль не вылезал из шалаша два дня, говорил сам с собой, пел, плакал — они даже подумали, что он тронулся, и это им показалось забавно. Вышел он из шалаша осунувшийся, с красными глазами, несчастный: с тех пор этот малыш мало играл и часто плакал.

Несомненные малыши — шестилетки — вели особую, независимую и напряженную жизнь. Весь день они жевали, обрывая без разбора все фрукты. У них вечно болели животы и был понос. Они невыразимо боялись темноты и в ужасе жались друг к другу. И все же они долгие часы проводили в белом песочке у слепящей воды, играя нехитро и бесцельно. Куда реже, чем следовало ожидать, они плакали и просились к маме. Они редко лезли к большим и держались особняком».

Старшие мальчишки отмечают, что «странные вещи творились в полдень. Слепящее море вздымалось, слоилось на пласты сущей немыслимости; коралловый риф и торчавшие кое-где по его возвышеньям чахоточные пальмы взмывали в небо, их трясло, срывало с места, они растекались, как капли дождя по проводу, множились, как во встречных зеркалах. А то земля вдруг вставала там, где никакой земли не было, и тут же на глазах у детей исчезала, как мыльный пузырь. Хрюша поученому развенчал все это и назвал миражом».

Морис бежит купаться, разоряя песочные замки, построенные малышами. «Персиваль захныкал, потому что ему в глаз попал песок, и Морис поспешил прочь. В прежней жизни Морису случилось претерпеть нагоняй за то, что засорил песком глаз младшего. И теперь, хоть рядом не было карающей родительской руки, Мориса все же тяготило сознание греха. В мыслях невнятно пробивалось подобие извинения».

Малыш Генри, опустившись на песок, наблюдает, как «мелкие прозрачные существа взбегали с волной пошарить в сухом песке. Он тыкал в песок палочкой и старался направить по-своему усилия маленьких мусорщиков. Замирая от счастья, он наслаждался господством над живыми тварями...

Роджер набрал горстку камешков и стал швырять. Но вокруг Генри оставалось пространство ярдов в десять диаметром, куда Роджер не дерзал метить. Здесь, невидимый, но строгий, витал запрет прежней жизни. Ребенка на корточках осеняла защита родителей, школы, полицейских, закона. Роджера удерживала за руку цивилизация, которая знать о нем не знала и рушилась».

Джек раскрашивает себе лицо «для охоты, как на войне», чтобы свиньи не замечали его среди деревьев. Его «маска завораживала и подчиняла». Он уводит дежуривших у костра близнецов с собой на охоту под предлогом того, что ему нужна подмога.

Ральф считает Хрюшу занудой. «Его пузо и практические идеи надоели Ральфу, но ужасно весело было его дурачить, даже когда это выходило не нарочно. Старшие не сговариваясь сошлись на том, что Хрюша чужак, не только из-за

акцента и ошибок, но из-за пуза, астмы, стекляшек и известного отвращения к физическому труду». Однако именно с Хрюшей Ральф общается чаще других, именно к его советам прислушивается охотнее, именно его идеи кажутся главному наиболее разумными.

Хрюша с Ральфом замечают дымок над горизонтом. Это корабль. Но их собственный костер погас, потому что Джек увел с собой на охоту Сэма и Эрика. Ральф бросается на гору, к потухшему костру. В бессильной злобе он замечает, как странная «процессия двигалась далеко вниз. Шли почти нагишом. Что-то пели, что-то насчет груза, который очень осторожно несли заблудшие близнецы.

Кровавая свиная туша свисала с жерди и грузно качалась, когда близнецы спотыкались на неровной дороге. Голова моталась под зияющим горлом и будто вынюхивала дорогу. Вот уже над черным палом забили обрывки песни: «Бей свинью! Глотку режь! Выпусти кровь!»

Охотники с добычей подходят к погасшему костру. Ральф упрекает Джека и близнецов за то, что они бросили костер, рассказывает, что мимо острова проходил корабль.

«Джек осекся от такой бестактности, но она не могла омрачить его счастья». Он гордо сообщает, что наконец-то, с помощью товарищей, ему удалось перерезать свинье глотку. Притихшие охотники снова оживляются. Джек, хоть и чувствует свою вину, но не желает ее признавать. Он выпрямляется. С ножа капает кровь. Они с Ральфом стоят лицом к лицу. «Сверкающий мир охоты, следопытства, ловкости и злого буйства. И мир настойчивой тоски и недоумевающего рассудка».

Поскольку оспаривать авторитет Ральфа Джек пока не смеет, он срывает свою злобу на Хрюше. Когда Хрюша принимается причитать по поводу того, что они упустили единственную возможность поехать домой, и кое-кто из охотников начинает всхлипывать, в синих глазах Джека сверкает ярость. Он «с облегчением размахнулся и ткнул Хрюшу в живот кулаком. Тот хрюкнул и сел. Джек съездил Хрюшу по голове. Очки упали, звякнули об камни. Хрюша заорал в ужасе. Одно стекло разбилось».

Ральф заявляет Джеку, что тот совершил подлость. Джек решает, что благоразумнее будет извиниться и просит прощения — за то, что оставил костер без присмотра и сманил близнецов на охоту. Этим шагом он моментально возвращает себе уважение товарищей.

Джек заставляет всех разжигать костер заново. «Джек очень шумел. Отдавал приказы, пел, свистел, бросал фразы молчащему Ральфу, фразы, не требовавшие ответа и потому не приглашавшие к перепалке; а Ральф все молчал. Никто, даже Джек, не рискнул попросить, чтоб он сдвинулся, и в конце концов костер стали складывать на куда менее удобном месте. Так Ральф утвердил свое главенство. К тому времени, когда костер сложили, их разделял высокий барьер».

Чтобы разжечь костер, Ральф подходит к Хрюше и отбирает у него очки. «Ральф и сам не заметил, как между ним и Джеком вновь закрепилась треснувшая было нить. Скоро все побежали за валежником, а Джек разделявал тушу.

У Ральфа текли слюнки. Он думал отказаться от мяса, но долгая диета из фруктов, орехов да кое-когда то рыбы, то краба сломила его выдерж-

ку. Он схватил кусок недожаренного мяса и накиннулся на него, как волк.

У Хрюши тоже текли слюнки, и он попросил мяса. Джек собирался потомить его неизвестностью, чтоб показать свою власть; невыдержанный Хрюша сам нарывался на жестокость. Саймон сунул свой кусок Хрюше за камень, и тот его схватил. Близнецы фыркнули, а Саймон потупился от стыда.

Джек закружился в центре кружка ошарашенных мальчиков. Вся досада, все несчетные стыдные обиды вылились в первозданной пугающей вспышке. Скоро и остальные плясали, все визжали в подражание издыхающей свинье, кричали... Морис с визгом вбежал в центр круга, изображая свинью; охотники, продолжая кружить, изображали убийство. Они танцевали, они пели.

Ральф смотрел на них, ему было и завидно, и противно. Он выждал, пока они утомонились, пока замолкли последние отзвуки песни, и только тогда объявил, что созывает собрание».

Ральф спускается на берег. «Бредя вдоль воды, он изумился. Он вдруг понял, как утомительна жизнь, когда приходится заново прокладывать каждую тропку. Итак, это собрание не для глупостей, с этим пора покончить, сейчас вообще не до выдумок. Надо думать...

«Только вот, — решил Ральф, — думать-то я не умею. Не то что Хрюша».

Второй раз за вечер Ральф пересматривал ценности. Хрюша думать умеет».

Во время собрания Ральф устанавливает несколько простейших правил — приносить в лагерь воду в кокосовых скорлупках, в уборную

ходить подальше от лагеря и во что бы то ни стало поддерживать костер — и категорически требует неукоснительно их выполнять.

«И — последнее. Не получается у нас как-то. Так хорошо начинали. Весело было. И вот все начали бояться. Надо поговорить насчет этого страха, ведь бояться-то нечего».

Джек берет рог. Он обвиняет беспомощных малышей в нелепом страхе, ругает их за то, что они не строят, не охотятся, толку от них нет, называет их «мамочкиными сыночками, неженками». Единственным разумным доводом в обвинительной речи Джека служит его свидетельство о том, что он лично прочесал весь остров в поисках свиней, и никакого зверя не обнаружил.

Хрюша взывает к разуму собравшихся. «Неужели ж вы думаете, так и можно все время неизвестно чего бояться? В жизни, — сказал убежденно Хрюша, — в жизни — все научно, вот. Года через два, как кончится война, можно будет летать на Марс, туда и сюда. Я знаю — нету тут никакого зверя, ну, с когтями и вообще — но я и про страх тоже знаю, что нету его. Если только друг дружку не пугать».

В центр выталкивают малыша Персиваля, чтобы он рассказал о том, какие кошмары мучают его по ночам. «Ральфу представилось, как точно так же стоял другой карапуз, и он поскорей отогнал эту картинку. Он старался больше ее не видеть, вытравил ее, загнал далеко, глубоко... Малышей так и не созывали на перекличку, отчасти потому, что по крайней мере на один из вопросов, которые задавал тогда на горе Хрюша, Ральф знал ответ твердо. Были вокруг малыши светлые, тем-

ные, были веснушчатые, и все до единого грязные, но на всех лицах — и тут никуда уж не денешься — была кожа как кожа. Никто никогда больше не видел той багровой отметины».

Персиваль, очутившись перед многочисленным собранием, говорит, что зверь по ночам выходит из моря. Мальчик горько плачет. «И других малышей проняло. Каждый вспомнил о своем горе; а возможно, они осознали свое соучастие в горе вселенском. Они расплакались.

Ральф, не вставая с места, смотрел, и ему казалось, что все с ума посходили. Плетут про зверя, про страх, а того не могут взять в толк, что важней всего — костер. А как только станешь им объяснять, начинают спорить и до разных ужасов добалтываются».

Необходимость толкает выступить Саймона, но стоять и говорить перед собранием для него пытка. По его мнению, зверь существует, он гнездится внутри самих ребят. Но «Саймон растерял все слова в попытках определить главную немощь рода человеческого. Мир — удобопонятный и упорядоченный — ускользал куда-то». Пристыженный общим смехом, Саймон садится на свое место, так ничего и не сказав.

Хрюша в отчаянии пытается достучаться до товарищей.

«— Кто мы? Люди? Или зверье? Или дикари? Что про нас взрослые скажут? Разбегаемся, свиней убиваем, костер бросаем...

На него надвинулась грозная тень.

— А ну, заткнись, слизняк жирный!

Завязалась мгновенная стычка. Ральф вскочил. На него наплывало лицо Джека. Джек уже орал ему в лицо:

— Катись ты со своими правилами! Мы сильные! Мы охотники! Если зверь этот есть, мы его выследим! Зажмем в кольцо и будем бить, бить, бить!

И с диким воем выбежал на бледный берег. Тотчас площадка наполнилась бегом, сутолокой, воплями, хохотом. Собрание кончилось. Все кинулись врассыпную, к воде, по берегу, во тьму».

На берегу остаются только Ральф и Хрюша. Трубить в рог уже нет никакого смысла. Никто не придет на собрание. Мальчики не желают подчиняться правилам. Они сами становятся похожими на зверей. Хрюша в ужасе говорит, что если Джек будет главным, «будет одна охота и никакой не костер. И все перемрут». Хрюша отмечает, что Джек ненавидит не только его самого, но и Ральфа.

Толстяк говорит Ральфу, что «болел много, лежал в постели и думал». Он научился разбираться в людях. Он чувствует, что вряд ли Джек пальцем тронет самого Ральфа, но если тот «ему мешать больше не будет, он на того, кто рядом, накинется», т. е. на Хрюшу.

Из темноты появляется Саймон. Трое мальчиков стоят во тьме, «безуспешно пытаюсь определить признаки великолепия взрослой жизни». Впервые они понимают, что ограничения, которые налагала на них цивилизация, вели только к порядку и процветанию.

Ночью над островом сбрасывают парашютиста — «взрослые все же послали детям сигнал, хотя те уже спали и его не заметили». Однако он приземляется неудачно и гибнет. Утром на горе, где горел костер, просыпаются Сэм и Эрик. Они пытаются раздуть огонь, погасший ночью, когда

они спали (вопреки распоряжению Ральфа спать по очереди). Близнецы замечают совсем близко хлопающую ткань парашюта и опрометью бросаются бежать в лагерь. На собрании они объявляют о том, где и при каких обстоятельствах они воочию видели зверя.

Узнав о местонахождении зверя, Джек объявляет на него охоту. Ральф пытается убедить его, что у них фактически нет оружия, вместо копий — деревянные палки. Джек называет Ральфа трусом. Задетый за живое Ральф оставляет малышей на берегу на попечении Хрюши (который все равно никакой помощи с одним глазом не окажет на охоте), а сам решает отправиться на охоту вместе с Джеком.

Джек постоянно перебивает Ральфа и намекает на то, что Ральф не умеет и не достоин распоряжаться. Ральф, взяв себя в руки, не поддается на провокации, старается убедить Джека, приводя разумные доводы. Накопившаяся злость «выручила его, подхлестнула, придала духу, он перешел в атаку». Он еще и еще раз напоминает своим товарищам, что главное — костер.

От перенапряжения и страха у Хрюши начинается приступ астмы. «Он привалился к бревну, разевая рот, и к его губам подбирались синие тени. На него не обращали внимания».

Уже на более спокойной ноте Ральф и Джек принимаются обсуждать план охоты на гипотетического зверя. Ральф ведет за собой старших мальчиков вдоль берега. Хрюшу оставляют валяться на площадке. Ральф предоставляет Джеку идти впереди, а сам, радуясь тому, что на время избавился от ответственности, замыкает шествие.

Саймон идет впереди Ральфа, и его одолевают сомнения — «страшный зверь, с когтями, сидит на вершине горы и не оставляет следов, а за близнецами не мог угнаться? Сколько бы Саймон ни думал про этого зверя, его воображенью явственно рисовался человек — героический и больной».

Джек приводит процессию к «замку». В этом месте узкая каменная коса, продолжая остров, уходит в море. Стена замка, отвесная скала футов в сто высотой, кажется ребятам розовым бастионом. Перед ним мальчики в испуге останавливаются. «И тогда что-то, очень изглубока, заставило Ральфа вымолвить:

— Я главный. Я сам пойду.

Он повернулся к остальным:

— А вы спрячьтесь. И ждите меня.

Он принудил свои непослушные ноги вынести его на перешеек. Он заметил, что ладони ему холодит застывающий пот; и с изумлением сообразил, что не рассчитывал, в общем-то, повстречаться со зверем и не знает, что ему делать, если зверь окажется тут.

Он обернулся на стук. Джек карабкался по уступу.

— Не мог же я тебя бросить.

Ральф молчал. Он пробрался по скалам, осмотрел пещерку, не обнаружил там ничего злобешего — всего несколько тухлых яиц».

Ральф и Джек с радостной вестью об отсутствии зверя в замке возвращаются к товарищам. Поиски продолжаются. Разведка очень увлекает мальчиков. Ральф, развалившись на прибрежном песке, всматривается в море. Он накидывает на плечи рубашку и задумывается, «не пора ли ему

наконец решиться ее выстирать. Жара показалась ему сегодня особенно несносной, редкая жара даже для этого острова. Было бы хорошо привести себя в порядок, сделать прическу ежиком. Хорошо бы вымыться, по-настоящему, поваляться бы в пенной ванне. И зубная щетка бы не помешала...

Остальные мальчишки были грязны; одежды драные, задубели от пота; и кожа на теле шелушится от соли.

Вдруг он понял, что привык ко всему этому, притерпелся, и у него екнуло сердце.

Ральф следил за раскатами, волна за волной, соловоя от далекости отрешенного моря. И вдруг смысл этой беспредельности вломился в его сознание. Это же все, конец. Там, на другой стороне, за кисеей миражей, за надежным щитом лагуны, еще можно мечтать о спасении; но здесь, лицом к лицу с тупым безразличием вод, от всего на мили и мили вдали, ты отрезан, пропал, обречен...»

Ральф вспоминает, как «давно, когда еще они переехали вместе с папой из Чатема в Девонпорт, они жили в доме на краю вересковой пустоши. Из всех домов, где они жили, этот больше всего запомнился Ральфу, потому что сразу потом его отослали в школу. Тогда еще с ними была мама, и папа каждый день возвращался домой... Все было хорошо; все были добрые и его любили».

Саймон неожиданно, чуть не над самым ухом Ральфа, говорит, что Ральф еще обязательно вернется домой, в нормальный мир. «Оба примолкли. И вдруг улыбнулись друг другу».

Ральф в числе охотников Джека продолжает обыскивать остров в поисках зверя. Навстречу

охотникам выскакивает свинья. «Ральф, как ни странно, холодно прикинул расстояние и прицелился. Кабан был уже всего в пяти ярдах, и тут он метнул свою дурацкую палку, и она попала прямо в огромное рыло и на секунду там застряла. Кабан взвизгнул и бросился в заросли. Ральфа распирала гордость, и страх, и предчувствия».

Другие мальчишки, одушевленные «запахом крови» принимают исполнять ритуальный танец и изображать охоту. Джек руководит ими, команды его раз от разу становятся все более жестокими, словно он не понимает, что перед ним — живые дети, а не звери.

«Роберт зарычал. Ральф вступил в игру, и все захохотали. И вот уже все стали пинать Роберта, а тот комически уклонялся. Вокруг Роберта сомкнулось кольцо. Роберт завизжал, сначала в притворном ужасе, потом уже от действительной боли. Он неудачно увернулся и получил тупым концом копья по спине. Его схватили за ноги, за руки. Ральф тоже совсем зашелся, выхватил у Эрика копье, стукнул Роберта. Роберт забился и взвыл, отчаянно, как безумный. Джек вцепился ему в волосы и занес над ним нож. Роджер теснил его сзади, пробивался к Роберту. И — как в последний миг танца или охоты — взмыл ритуальный напев:

— Бей свинью! Глотку режь! Бей свинью! Добивай!

Ральф тоже пробивался поближе — заполучить, ухватить, потрогать беззащитного, темного, он не мог совладать с желанием ударить, ранить.

Вот Джек опустил руку. Прокатился ликующий клич, и хор изобразил визг подышающей сви-

нии. А потом все повалились на землю и, задыхаясь, слушали, как перепугано всхлипывает Роберт. Он утер лицо грязной рукой и попытался вновь обрести собственное достоинство».

Темнеет. Ральф понимает, что им не успеть до ночи вернуться на берег — туда, где они оставили малышей под присмотром Хрюши. Ральф просит позволения обдумать ситуацию (он теперь уже не стесняется думать при всех, он разрабатывает решения, словно играет в шахматы). Ральф распоряжается, что кому-то надо пересечь остров и предупредить Хрюшу. Саймон вызывается это сделать и скрывается в сумерках.

Джек настаивает на том, чтобы продолжать искать зверя. Ведет он себя по отношению к Ральфу вызывающе, держит копьё так, будто хочет ударить Ральфа. Тот «безнадежно, вспомнив уроки Хрюши» спрашивает, за что Джек его ненавидит. Тот только злобно отвечает, что отправится на гору один. Ральф понимает, что идти в темноте за зверем — полная глупость, его трясёт от обиды, но Джек называет его трусом и пускается в путь. Ральф и Роджер нагоняют его. На полпути к вершине горы Джек снова ссорится с Ральфом и, оставив его с Роджером позади, все же лезет вверх один.

Однако скоро Джек несется вниз бегом и таким дрожащим голосом, что ребята еле его узнают, хрипит, что видел наверху зверя.

«Ральф даже сам удивился — не столько своему голосу, голос был ровный, сколько смелости предложенья:

— Пошли — посмотрим?

Впервые с тех пор, как он познакомился с Джеком, Ральф почувствовал, что Джек растерялся.

Ральф слышал какой-то тихий стук — кажется, это у него у самого стучали зубы. Он взял себя в руки, весь свой ужас обратил в ненависть и встал. И сделал два натужных шага вперед.

Впереди кто-то, вроде огромной обезьяны, спал сидя, уткнув в колени голову. Потом ветер взвыл в лесу, всколыхнул тьму, и существо подняло голову и обратило к ним бывшее лицо.

Ноги сами понесли Ральфа по пеплу, сзади он слышал топот, крик и сломя голову, не разбирая дороги бросился вниз, в темноту; на вершине остались только три брошенные палки и то, что сидело и кланялось». Ральф не успевает сообразить, что перед ним — труп парашютиста.

Внизу, на берегу, Ральф обсуждает ситуацию с Джеком и Хрюшей. Он в отчаянии, потому что зверь засел там, где они разводили костер, и теперь мальчишки остались без всякой надежды на спасение. Ральф, заламывая руки, твердит о беспомощности охотников — мальчишек, вооруженных палками. Джек вскакивает на ноги и, весь красный, шагает прочь. Рядом с Ральфом остается только верный Хрюша.

Их разговор обрывают неумело извлекаемые звуки рога. Джек созвал собрание, на котором он провозглашает себя главным, публично называет Ральфа трусом, приспешником Хрюши, неспособным принимать решения и командовать. Джек заявляет, что сам он больше не слуга Ральфу и просит поднять руки тех, кто, как и он, больше не признает власти Ральфа.

«Длилось молчанье — тяжелое, стыдное, густое. Щеки Джека постепенно бледнели, потом, вдруг, в них снова ударила краска. Он облизнул губы и

так повернул голову, чтоб ни с кем не встречаться взглядом». Джек демонстративно уходит, пригласив желающих охотиться с ним присоединиться к нему и бросить Ральфа.

Хрюша спокойно уверяет Ральфа, что они смогут обойтись и без Джека Меридью. «У кого соображения нету, те только всем жизнь отравляют». Только у Хрюши хватает «дерзости ума на то, чтоб предложить новый костер — на берегу».

Несмотря на то, что почти все старшие мальчики потихоньку скрываются и пускаются вслед за Джеком, «Хрюша так ликовал, так наслаждался освобождением от Джека, так гордился своим вкладом в общее дело, что даже помог таскать топливо. Близнецы сообразили, что костер теперь будет совсем рядышком и не так страшно будет ночью, и малыши пустились в пляс от этого открытия.

Впервые Хрюша сам снял очки, стал на коленки и лично собрал лучи в пучок. И вот под дымным навесом расцвел желтый куст пламени».

Саймон потихоньку от всех тоже направляется к лесу. Забравшись в укрытие из лиан, он видит, как Джек собирает вокруг себя группу мальчиков. Теперь он спокойно и уверенно провозглашает себя главным. Джек распоряжается от каждой добычи оставлять часть зверю — тогда он их не тронет.

Охотники Джека вылеживают свиноматку. Их переполняет азарт охоты. «День шел к вечеру, мутный, страшный, набрякший сырым жаром; свинья, шатаясь, затравленно кровоточа, пробиралась сквозь заросли, и охотники гнались за ней, прикованные к ней страстью, задыхаясь от азарта, от запаха крови.

Все смешалось — пот, крик, страх, кровь. Роджер метался вокруг общей свалки, тыча копьем в мелькавшее то тут, то там свиное мясо. Джек оседлал свинью и добивал ее ножом. Роджер наконец нашел, куда воткнуть копье, и вдавливал, навалясь на него всем телом. Копье дюйм за дюймом входило все глубже, и перепуганный визг превратился в пронзительный вопль. Джек добрался до горла, и на руки ему брызнула горячая кровь. Свинья обмякла под ними, и они лежали на ней, тяжелые, удовлетворенные. А в центре лужайки все еще плясали ничего не заметившие бабочки».

Роджер впервые уважительно называет Джека Вождем. Вождь приказывает пригласить Ральфа и компанию на пир. Но у охотников нет огня, чтобы приготовить мясо, и Джек решает украсть горящую головню у костра Ральфа.

Джек отрезает свиную голову и насаживает ее на кол. Это — его дар зверю. Из укрытия Саймона прекрасно видно, как Джек втыкает кол в землю и уходит с заветной поляны.

Саймон жмурится, «но и тогда свиная голова все равно стояла перед ним. Прикрытые глаза были заволочены безмерным цинизмом взрослой жизни. Они убеждали Саймона, что все омерзительно.

Саймон поймал себя на том, что говорит вслух. Он поскорей открыл глаза, и свиная голова тут как тут усмехалась, довольная, облитая странным светом, не замечая бабочек, вынутых кишок, не замечая того, что она позорно торчит на палке.

Над черным комом кишок, как пила, жужжали мухи. Вот они обнаружили Саймона. Сытые,

они обсели струйки пота у него на лице и стали пить. Черные, радужно-зеленые, несчетные; а прямо против Саймона ухмылялся насаженный на кол Повелитель мух.

Наконец Саймон не выдержал и посмотрел; увидел белые зубы, кровь, мутные глаза — и уже не смог отвести взгляда от этих издревле неотвратимо узнающих глаз. В правом виске у Саймона больно застучало. На горячем ветру заколотились сухие листья пальм.

— Глупый маленький мальчик, — говорил Повелитель мух, — глупый, глупый, и ничего-то ты не знаешь. — И что тебе одному тут делать? Неужели ты меня не боишься? Никто тебе не поможет. Только я. А я — Зверь.

Губы Саймона с трудом вытолкнули вслух:

— Свиная голова на палке.

— И вы вообразили, будто меня можно выследить, убить? — сказала голова. Несколько мгновений лес и все другие смутно угадываемые места в ответ сотрясались от мерзкого хохота. — Но ты же знал, правда? Что я — часть тебя самого? Неотделимая часть! Что это из-за меня ничего у вас не вышло? Что все получилось из-за меня?

Голова у Саймона качалась. Глаза прикрылись, словно в подражание этой пакости на палке. Он уже знал, что сейчас на него найдет. Повелитель мух взбухал, как воздушный шар.

— Просто смешно. Сам же прекрасно знаешь, что там, внизу, ты со мною встретишься, — так чего же ты?

Тело Саймона выгнулось и застыло.

— Мы тебя прикончим. Ясно? Джек, и Роджер, и Морис, и Роберт, и Билл, и Хрюша, и Ральф.

Прикончим тебя. Ясно? — говорил Повелитель мух.

Пасть проглотила Саймона. Он упал и потерял сознание. Кровь носом принесла облегчение, припадок Саймона перешел в истомный сон.

Очнувшись, он пошел дальше с унылой сосредоточенностью, как старик. Вдруг Саймон увидел, как кто-то скорченный на вершине выпрямился и посмотрел на него. Синяя ткань парашюта опала, сидящий вздыхал, тяжело кланялся, и мухи снова облепляли его голову.

Скоро Саймон все понял. Путаница веревок открыла ему механику зловещего действия; он увидел белую носовую кость, зубы, цвета тления. Он увидел, как ремни и брезент держат без жалости бедное тело, не давая ему распасться. Потом снова подул ветер, и тело вскинулось, поклонилось, смрадно дохнуло на Саймона. Саймон снова упал на четвереньки, и его вырвало, вывернуло наизнанку. Потом он взял в руки стропы, высвободил из-под камней и избавил тело от надругательств ветра.

Зверь был безвреден и жуток; об этом надо было скорей сообщить всем. Саймон бросился вниз».

Ральф и Хрюша на берегу обсуждают, как им теперь быть. Ральф с сожалением отмечает, что костер они не смогут поддерживать, а охотникам на это наплевать. И даже самому Ральфу иногда все равно. Но Хрюша спокойно отвечает, что «надо держаться, и точка. Взрослые бы держались».

Ральф, начав облегчать душу, уже не может остановиться. Он спрашивает Хрюшу, за что все так ополчились против него. Он хотел, как луч-

ше. Он старался навести порядок. «Хрюша долго тер очки и думал. Когда он понял всю степень доверия Ральфа, он вспыхнул от гордости».

Пока Хрюша обдумывал ответ, «лес разразился ревом; бесноватые с красно-бело-зелеными лицами выскочили из кустов, голося так, что малыши с воплями разбежались. Краешком глаза Ральф увидел, как спасается Хрюша. Двое бросились к костру. Ральф приготовился защищаться, но они схватили полуобгоревшие ветки и помчались по берегу. Трое других остались, стояли и смотрели на Ральфа; и он понял, что самый высокий, весь голый, только краска да пояс, — Джек». Он приглашает Ральфа на пир по поводу забитой свиньи.

Джек «умолк и огляделся. Маска спасала от стыда и неловкости. Он каждому заглянул в лицо. Дикари переглянулись, разом подняли копья и хором сказали:

— Вы слушали Вождя».

Когда дикари исчезают, Хрюша признается, что вначале подумал, что Джек пришел за рогом. Но тому не был нужен этот незатейливый символ порядка. Ральф снова, словно в бреду, повторяет одно и то же: «Костер — это главное. Без костра нас не могут спасти. Я и сам бы с удовольствием размалевался и стал дикарем. Но нам надо поддерживать костер».

Близнецы предлагают идти ни пир и объяснить, что одним им с костром не справиться. Ральф решает последовать их совету.

В замке, который Вождь избрал своей резиденцией, идет пир. Туда «приволокли большое бревно, и Джек, размалеванный, в венке, теперь сидел

на нем, как идол. Хрюша с Ральфом подошли к краю травянистой лужайки; замечая их, мальчики один за другим умолкали, пока не остался только тот, что стоял рядом с Джеком.

Тут мальчики, жарившие мясо, как раз отделили большой кусок и побежали к лужайке. Они наткнулись на Хрюшу, обожгли, и Хрюша взвыл и стал приплясывать. Тотчас Ральфа и всю толпу объединил взрыв веселья. Снова Хрюша сделался общим посмешищем, и, чувствуя себя нормальными, все радостно хохотали.

Джек встал и взмахнул копьем.

— Дать им мяса.

В тоне была угроза, гордость собственника. Те, кто держали вертел, дали Ральфу и Хрюше по сочному куску. Они приняли дар, истекая слюной.

Джек их не замечал и, склонившись маской к сидящим, ткнул в них копьем:

— Кто желает вступить в мое племя?»

Ральф пытается восстановить свои права, созвать собрание, но «в этой части острова рог не считается». На небе сгущаются тучи, приближается гроза. Джек отдает команду начать ритуальный танец охотников.

«Между вспышками молний было темно и страшно; все, голося, побежали за Джеком. Роджер стал свиньей, хрюкнул, напал на Джека, тот увернулся. Небо нависало такой жутью, что Хрюше и Ральфу захотелось влиться в эту обезумевшую компанию.

— Зверя — бей! Глотку — режь! Выпусти — кровь!

Снова вымеился наверху бело-голубой шрам и грянул желтый взрыв. Малыши визжа неслись

с опушки, один, не помня себя, проломил кольцо старших:

— Это он! Он!

Круг стал подковой. Из лесу ползло что-то неясное, темное. Впереди зверя катился надсадный вопль.

Зверь ввалился, почти упал в центр подковы.

— Зверя бей! Глотку режь! Выпусти кровь!

Голубой шрам уже не сходил с неба, грохот был непереносим. Саймон кричал что-то про мертвое тело на горе.

Зверь стоял на коленях в центре круга, зверь закрывал лицо руками. Пытаясь перекрыть дерущий омерзительный шум, зверь кричал что-то насчет мертвеца на горе. Вот зверь пробился, вырвался за круг и рухнул с крутого края скалы на песок, к воде. Толпа хлынула за ним, стекла со скалы, на зверя налетели, его били, кусали, рвали. Слов не было, и не было других движений — только рвущие когти и зубы.

Потом тучи разверзлись, и водопадом обрушился дождь. Вода неслась с вершины, срывала листья и ветки с деревьев, холодным душем стегала бьющуюся в песке груду. Потом груды распалась, и от нее отделились ковыляющие фигурки. Только зверь остался лежать — в нескольких ярдах от моря. Даже сквозь стену дождя стало видно, какой же он маленький, этот зверь; а на песке уже расплывались кровавые пятна.

Поднялся сильный ветер. На вершине горы парашют вздулся, стронулся с места; тот, кто сидел на горе, скользнул, поднялся на ноги, закружился, закачался в отсырелом просторе и, нелепо загребая мотающимися ногами по высоким вер-

хушкам деревьев, двинулся вниз, вниз, вниз, и на берег, и мальчики, голоса, разбежались во тьме. Парашют потащил тело и, вспахав воды лагуны, швырнул через риф, в открытое море.

Луна облила Саймона своим светом. Высеребрился овал лица, и мрамором статуи засверкало плечо. Потом тело мягко качнулось и сползло в воду. Мертвое тело Саймона поплыло в открытое море».

Ральф с Хрюшей возвращаются на берег в свой шалаш. Ральф потрясен происшедшим. Он отчетливо понимает, что все вместе они совершили убийство.

«— Я не перепугался, — медленно выговорил Ральф. — Я... я даже не знаю, что со мной было. Я боюсь. Я нас самих боюсь. Я хочу домой.

— Это несчастный случай, — вдруг выпалил Хрюша. — Вот это что. Мы рядом стояли. Мы ничего не делали, мы ничего не видели».

Появляются близнецы. Они с той же горячностью уверяют, что не участвовали в танце, что не видели, как убили Саймона. «От воспоминания о танце, при котором ни один из них не присутствовал, затрясло всех четверых».

Наверху, в замке Вождь наслаждается своей властью — он «рассердился и приказал связать Уилфреда» и избить его. По поводу ночного убийства Джек объявляет, что ночью зверь «пришел под чужой личиной... Если он явится, мы опять... опять станцуем наш танец».

Хрюша с Ральфом пытаются разжечь костер. Но после ночной грозы дрова отсырели. Ральф чувствует, что нормальные мысли ускользают у него из головы. Осталась только одна — во

что бы то ни стало поддерживать костер, дым, ждать спасения извне. Хрюша шепчет, что если их не спасут в ближайшее время, то все они сойдут с ума.

Около шалаша хрустит сучок. Это зверь. Страшным шепотом зверь зовет Хрюшу. У Хрюши начинается приступ астмы. У входа слышится страшный рев. Какие-то люди врываются в темноте в шалаш. Начинается яростная драка. Ральф отчаянно сопротивляется. Шалаш разрушен. Это сделал Джек со своими охотниками. Ральф с горечью понимает, что они приходили не за рогом. Они украли у них возможность поддерживать костер.

Джек стал настоящим, всесильным вождем. В левой руке у него болтаются разбитые Хрюшины очки.

Теперь Хрюша ничего не видит. Он настойчиво требует, чтобы Ральф принял какое-то волевое решение. Жить без очков Хрюша не сможет. Хрюша повторяет, что ситуация на острове вышла из-под контроля — уже есть, как минимум, двое убитых. Он просит помочь ему дойти до замка. У него не осталось другого выхода, кроме как требовать от Джека справедливости.

«Я скажу ему — так, мол, и так, скажу, ты, конечно, сильнее меня, у тебя нету астмы. И ты видишь прекрасно, скажу, ты обоими глазами видишь. Но я у тебя не прошу мои очки, я у тебя их не клянчу. И я не стану тебя упрашивать, мол, будь человеком. Потому что неважно, сильный ты или нет, а честность есть честность! Так что отдавай мне мои очки, скажу, ты обязан отдать!»

Близнецы предлагают отправляться в замок всем вместе и раскрасить лица по примеру Джека. «Они хорошо понимали, какое чувство дикости и свободы дарила защитная краска». Но Ральф отвергает это предложение, потому что не причисляет себя и товарищей к дикарям.

«Тесная группка двигалась по песку, четыре сплюснутые тени плясали и путались у них под ногами. Ральф поднес рог к губам и стал трубить. Дикари, раскрашенные до неузнаваемости, спускались по выступу на перешеек. В руках у них были копья, и они изготовлялись защищать подступы к бастиону».

Ральф объявляет, что созывает собрание. Охраняющие перешеек дикари перешептываются, но не трогаются с места. Роджер с вершины скалы бросает камнем в близнецов, целясь мимо. «В теле Роджера уже бил темный источник силы».

Ральф объясняет, что пришел в замок из-за Хрюшиных очков. «Группка перед ним сомкнулась, и над ней задрожал смех, легкий, радостный смех». Джек прогоняет Ральфа, потому что тот вторгся на его территорию, в его племя. Ральф бросает ему в лицо обвинение в воровстве.

Хрюша в ужасе напоминает Ральфу, ради чего они пришли. Если что-то случится с Ральфом, Хрюше конец.

Джек приказывает схватить Эрика и Сэма. «Раскрашенные суетливо, неловко окружили близнецов. Снова задрожал серебряный смех. Сама цивилизация взывала возмущенными голосами Эрика и Сэма... Раскрашенные уже чувствовали, что Эрик и Сэм не то что они сами, они уже чув-

ствовали силу в своих руках. Неуклюже и рьяно они повалили близнецов...

Ральф с Джеком сшиблись, отлетели в разные стороны. Джек наотмашь ударил Ральфа кулаком в ухо, Ральф стукнул его в живот, Джек охнул. Они снова стояли лицом к лицу, яростно задыхаясь. Каждого обескураживала ярость противника».

Роджер продолжает бросать камушки. Ральф замечает, что он может, орудуя большим рычагом, выпустить из своей катапульты и достаточно крупные глыбы.

Хрюша в последний раз пытается воззвать к разуму своих товарищей. Он называет их малыми детьми, спрашивает, «что лучше — быть бандой раскрашенных черномазых или же быть разумными людьми, как Ральф? Что лучше — жить по правилам и дружно, или же охотиться и убивать? Что лучше — закон и чтоб нас спасли или охотиться и погубить всех?

Они стояли грозной стеной, оцетинясь копьями. Они решались, готовились. Еще немного — и они бросятся очищать перешеек. Ральф стоял перед ними, посреди перешейка, чуть ближе к краю, копье наготове. Рядом стоял Хрюша, все еще поднимая талисман — хрупкую, сверкающую красавицу раковину.

Высоко наверху Роджер в исступленном забытьи всей тяжестью налегал на рычаг. Ральф слышал огромный камень гораздо раньше, чем его увидел. Что-то красное, страшное запрыгало по перешейку, он бросился плашмя, дикари завизжали. Камень прошелся по Хрюше с головы до

колен; рог разлетелся на тысячу белых осколков и перестал существовать. Хрюша без слова, без звука полетел боком с обрыва, переворачиваясь, на лету. Камень дважды подпрыгнул и скрылся в лесу. Хрюша пролетел сорок футов и упал спиной на глыбу в море. Голова раскрылась, и содержимое вывалилось и стало красным. Руки и ноги Хрюши немного подергались, как у свиньи, когда ее только убьют. Потом море снова медленно, тяжело вздохнуло, вскипело над глыбой белой розовой пеной; а когда оно снова отхлынуло, Хрюши уже не было».

В наступившей мертвой тишине Джек кричит, что следующим будет Ральф, у которого больше нет ни племени, ни рога. Старательно целясь, он запускает в Ральфа копьем. Острие до мяса прорывает кожу у Ральфа на боку. «Другое копье просвистело у самой его головы, и еще одно упало с высоты, где стоял Роджер. Смерть смотрела из его глаз. Близнецы лежали, скрытые за толпой, и безликие бесы запрудили перешеек. Ральф повернулся и побежал. По инстинкту, которого он сам в себе не знал, Ральф петлял на открытом пространстве, и копыта летели мимо...

Ральф затаился в зарослях и обдумывал, как ему быть со своими ранами. Одного из раскрашенных он даже увидел близко и узнал Билла. Да нет, тут же подумал Ральф, какой же он Билл. Образ этого дикаря никак не хотел сливаться с прежним портретом мальчика в рубашке и шортах...

Он старался уговорить себя, что его оставят в покое. Но никуда не мог деться от нерассуждающей, страшной уверенности.

Гибель рога, смерть Хрюши и Саймона нависли над островом, как туман. Раскрашенные дикари ни перед чем не остановятся. И еще эта странная ниточка между ним и Джеком. Джек не уймется никогда, он не оставит его в покое».

Бродя по лесу, подальше от Джека и его дикарей, Ральф натывается на свиную голову, торчащую на палке. «Череп смотрел на Ральфа с таким видом, будто знает ответы на все вопросы, только не хочет сказать. Тошный страх и бешенство накатили на Ральфа, он ударил эту пакость, а она качнулась, вернулась на место, как игрушка, и не переставала ухмыляться ему в лицо...

Ральф снова пошел к зарослям перед замком. Ральф стоял на коленках среди теней, и сердце у него сжималось от одиночества. Ну, да, они дикари, и пусть, но как-никак они — люди. Он хотел смело пойти прямо в крепость, сказать: «Чур, не трогать меня!» — засмеяться как ни в чем не бывало и заснуть рядом со всеми. Притвориться, будто они все еще мальчики. Он лежал во тьме и знал, что он отщепенец».

Ральф понимает, что он — отверженный, потому, что «еще хоть что-то соображает».

Ночью Ральф пробирается к посту часового и видит Эрика и Сэма. Оба они советуют ему уходить подальше. Близнецы делятся с Ральфом мясом и рассказывают, что на следующий день Джек объявил на него облаву. Мальчики советуют Ральфу не обижаться на Джека и не искать «тут смысла. Этого ничего уже нет». И Джек и Роджер люто ненавидят Ральфа. Роджер, по словам близнецов, еще более жуткий человек, чем Вождь.

Ральф решает спрятаться рядом с замком, полагая, что как раз там его вряд ли будут искать. Он отсидится, и облава пройдет мимо, «прочешут весь остров, пробегут, прокричат, а он останется на свободе».

Утром Ральф просыпается от улюлюканья дикарей. Джек и Роджер допросили близнецов, избили их и заставили рассказать, что ночью приходил Ральф и что он решил спрятаться неподалеку от замка.

По команде Джека дикари принимаются сбрасывать сверху при помощи рычага огромные камни. Если такая глыба попадет на Ральфа, его постигнет участь Хрюши. Дикари проверяют заросли, в которых прячется Ральф, тыча копьями. Ральф в ужасе тоже выбрасывает вперед свою палку, и ранит одного из дикарей.

Тогда подручные Джека разводят огонь, чтобы выкурить Ральфа из зарослей. Начинается лесной пожар. Густой дым вьется вокруг, столбом поднимаясь к небу.

Ральф бросается вон из своего убежища. Затаившись, он обдумывает, что ему предпринять — прорваться и убежать, залезть на дерево или спрятаться так, чтоб его не заметили и прошли мимо. Наконец он выбирает последний вариант и находит подходящее место.

Сидя в укрытии, Ральф не перестает удивляться идиотизму дикарей. Они подпалили остров, чтобы насладиться нелепой и бессмысленной местью Джека Ральфу, даже не подумав о реальной опасности, которая теперь угрожает всем. Огонь распространяется быстро. Если фруктовые деревья сгорят, то завтра им нечего будет есть.

Полосатый дикарь подходит к его укрытию. Он вглядывается во тьму. В голове у Ральфа пульсирует одна мысль — не крикнуть. Перед его глазами, как живое, возникает лицо Саймона. Ральф вспоминает его слова о том, что он непременно еще вернется домой.

Дикарь проверяет укрытие Ральфа заостренной палкой. Ральф вскрикивает — от страха, отчаянья, злости. «Он метнулся вперед, в чащобу, вылетел на прогалину, он кричал, он рычал, а кровь капала. Он ударил колом, дикарь покатился; но на него уже неслись другие, орали. Он увернулся от летящего копья, дальше побежал уже молча. Ральф забыл раны, голод, жажду, он весь обратился в страх.

Страх на летящих ногах мчался лесом к открытому берегу. Он споткнулся о корень, настаивающий крик взвился еще выше. Потом он встал, качаясь, весь натянулся, приготовился к новому ужасу, поднял глаза и увидел огромную фуражку».

Перед Ральфом стоит морской офицер и настороженно, удивленно разглядывает мальчика. На берегу виден катер, в катере матрос держит в руках автомат.

Крик охотников обрывается.

Офицер рассказывает, что на их корабле увидели дым над островом и отправились на разведку. Он спрашивает, сколько трупов принесла детям их война, до чего они «доигрались». Выслушав ответ, офицер, кажется, не верит своим ушам.

Он с недоумением стыдит размалеванных детей, интересуется, почему они, англичане, не могли выглядеть попристойнее. Запнувшись, Ральф

объясняет, что пока они были все вместе, все было пристойно, а потом умерли Саймон и Хрюша.

Ральф заходится в рыданиях. «Он дал себе волю, спазмы горя, отчаянные, неудержимые, казалось, сейчас вывернут его наизнанку. Голос поднялся под черным дымом, заставшим гибнущий остров. Заразившись от него, другие дети тоже зашлись от плача. Ральф рыдал над прежней невинностью, над тем, как темна человеческая душа, над тем, как переворачивался тогда на лету верный мудрый друг по прозвищу Хрюша.

Офицер был тронут и немного смущен. Он отвернулся, давая им время овладеть собой, и ждал, отдыхая взглядом на четком силуэте крейсера в отдаленье».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ, РЕКОМЕНДУЕМОЙ ДЛЯ ПРОЧТЕНИЯ

Т. Майн Рид, «Всадник без головы», «Белый вождь», «Оцеола, вождь семинолов».

Томас Майн Рид (1818—1883) был сыном и внуком священника и должен был последовать семейной традиции. Однако Томаса совсем не привлекала церковная карьера. Ему хотелось ощутить вкус «настоящей» жизни — постранствовать по свету и самому стать героем романтических приключений. Оставив учебу, двадцатидвухлетний Майн Рид купил билет на пароход и отплыл на нем «покорять» Америку. За несколько лет Томас успел побывать актером, учителем, торговцем, журналистом и даже надсмотрщиком на плантации. Он исколесил американский материк с крайнего севера до крайнего юга, пересек его от океана до океана.

Когда началась война США с Мексикой, Томас первым оказался в рядах добровольцев.

В бою за Чапультепек Майн Рид поднял за собой в атаку растерявшихся солдат, но был ранен. Товарищи решили, что он погиб, и в газетах даже появились сообщения о его смерти.

Сам же капитан Майн Рид в это время лечился в усадьбе одного из своих товарищей и писал свою первую книгу — «Вольные стрелки» (посвященную событиям мексиканской войны).

В 1848 году, едва услышав о начавшейся в Европе революции (Парижская коммуна), Майн Рид собрался в дорогу. Однако принять участие в революции он, к своему сожалению, не успел. В Лон-

доне, вспоминая о далеких южных странах, писал свои замечательные книги. Но молодого писателя преследовали неудачи. Решив построить близ Лондона настоящее мексиканское поместье, а также полагая, что оно должно быть построено из особых, «мексиканских» кирпичей, бывший капитан храбро взялся за их производство. Однако ничего не смыслящий в коммерческих делах, Майн Рид вскоре разорился окончательно. Он потерял все те деньги, которые смог заработать литературным трудом.

Тогда Майн Рид решил снова отправиться в Америку. Однако основанный им в Нью-Йорке журнал «Вперед» быстро прогорел. Вдобавок обострилась болезнь, которая преследовала писателя после полученного им ранения. В конце концов, Майн Рид возвратился в Англию, совершенно расстроив здоровье. Однако это не сломило его дух. Чем хуже становилось здоровье капитана, тем авантюرنее и головокружительней выглядели сюжеты его романов.

Знаменитый роман «Всадник без головы» посвящен времени освоения Дикого Запада. Писатель рисует быт и нравы Техаса. Головокружительный, захватывающий сюжет сделал этот роман одним из самых знаменитых произведений приключенческого жанра.

Романы «Белый вождь» и «Оцеола, вождь семинолов» описывают жизнь североамериканских индейцев, их борьбу за свою независимость и принадлежавшие им издревле территории. Романтические герои, защищающие слабых и восстанавливающие справедливость, — всегда находятся в центре повествования в произведениях Майн Рида.

По многим произведениям Майн Рида сняты художественные фильмы (напр., «Всадник без головы», «Оцеола, вождь Семинолов».

Э. Р. Берроуз, три романа о Пеллюсидаре («В сердце Земли», «Пеллюсидар», «Танар из Пеллюсидара»), романы о Марсе («Принцесса Марса», «Боги Марса», «Владыка Марса», «Синтетические люди Марса»), романы о Тарзане («Тарзан из племени обезьян», «Возвращение Тарзана»), романы о Венере («Пираты с Венеры» и др.).

Пожалуй, вряд ли найдется много людей, которые бы не знали знаменитого Тарзана, героя многочисленных романов (и фильмов, снятых по ним) Эдгара Раиса Берроуза (1875—1950). А тем не менее, Берроуз вовсе не собирался становиться писателем. По настоянию своих родных, он окончил Военную академию штата Мичиган и два года служил в кавалерии. Затем вышел в отставку и целых пятнадцать лет скитался по Америке. Он был ковбоем, золотоискателем, полицейским, репортером, клерком. Лишь в 37 лет Берроуз (под псевдонимом Норман Бин) выпустил в свет фантастический роман «Принцесса Марса», положивший начало целой серии романов о будущей колонизации этой планеты.

В том же году был напечатан «Тарзан из племени обезьян», который имел ошеломляющий успех и также положил начало целой большой серии.

Книги о Пеллюсидаре рассказывают о путешествии к центру Земли, где и находится позабытая страна, получившая название «Пеллюсидар».

О событиях на Венере повествуют романы Берроуза «венерианского цикла».

Всего Берроузом было написано около 70-ти романов. Это детективы, фантастика, вестерны, триллеры. В романах Берроуза нет лишних научно-технических описаний, а потому они читаются легко. Главное в них — захватывающие приключения: сражения с врагами, скитания по неизведанным землям, тайны заброшенных городов.

Ж. Верн, «Путешествие к центру Земли», «Дети капитана Гранта», «Вокруг света в 80 дней», «Пятнадцатилетний капитан», «20 000 лье под водой», «Таинственный остров», «Властелин мира».

Жюль Верн (1828—1905) заслуженно считается одним из создателей жанра научно-фантастического романа. Как это часто случается, родители не могли и предположить, кем станет в действительности их сын. Отец Жюля был преуспевающим адвокатом и хотел, чтобы со временем его практика перешла к сыну. Однако у Жюля на этот счет были иные планы. Втайне от взрослых он проводил свободное время среди матросов нантского порта. Вместе со своим младшим братом он часами бродил по набережной, наблюдая за швартовкой и выгрузкой судов, а потом бежал в библиотеку за книгами Купера, Вальтера Скотта и капитана Марриета.

В конце концов одиннадцатилетний Жюль ударал из дома в Индию. Правда, добраться до цели ему не удалось, так как отец в последний момент

успел извлечь новоявленного юнгу с борта шхуны «Корали». Не желая ссориться с отцом, юный Верн закончил Королевский лицей и отправился в Париж сдавать экзамены на степень лиценциата прав. Однако пересилить себя он все же не смог. В одном из писем отцу он честно признался, что способен лишь погубить семейное дело и что в мечтах он давно уже видит себя известным во Франции литератором.

И Жюль погрузился в литературную жизнь. Он писал пьесы, либретто к музыкальным постановкам, однако они не пользовались популярностью.

Обрести себя в новом жанре Верну помог случай — он познакомился с воздухоплавателем Нодаром. Именно это знакомство побудило Жюля написать «Пять недель на воздушном шаре».

Издатель, которому никому не известный автор показал свое произведение, пришел в восторг от книги и предложил заключить договор, по которому месье Верн за солидную плату (не уступающую гонорарам знаменитых в то время литераторов Ж. Санд и А. Дюма) должен был ежегодно приносить в издательство по три романа «нового образца».

И скоро на читателей обрушилась целая лавина книг, которые моментально становились знаменитыми. Верн помногу работал. Он поставил перед собой грандиозную задачу — описать в своих книгах весь земной шар. Для этого, по мнению автора, требовалось написать 100 романов.

Несмотря на тяжелую болезнь и надвигающуюся слепоту, он писал уже не по три, а по четыре книги в год.

По многим книгам Верна сняты художественные фильмы, его именем даже назван кратер на обратной стороне Луны.

Д. Ф. Купер, пенталогия о Кожаном Чулке («Пионеры», «Зверобой», «Следопыт», «Прерия», «Последний из могикан»).

Знаменитый американский писатель Джеймс Фенимор Купер (1789—1851) был младшим сыном обеспеченных родителей. Его отец основал на южной оконечности озера Отсего, где берет начало река Саскуиханна, поселок, который был назван его именем. Через некоторое время отец Купера стал судьей и самым уважаемым в поселке человеком. Отец надеялся, что сын, получив достойное образование, станет продолжать его дело. Однако сам Джеймс вовсе не стремился к такому будущему. Его больше привлекала свобода, романтика диких просторов, легенды о покорителях Запада. Отправленный в знаменитый Йельский колледж, Джеймс очень скоро был оттуда исключен. Причиной послужило то, что он, предварительно насыпав в замочную скважину порошу, поджег его и устроил достаточно громкий взрыв...

Чтоб хоть как-то приучить сына к дисциплине, отец определил юношу во флот. Четыре года, вначале матросом, потом офицером, Джеймс проплавал на кораблях. Выйдя в отставку, он женился, купил небольшой участок земли недалеко от поместья отца и... неожиданно для окружающих начал писать исторические романы. Из-под его пера выходят такие романы, как «Шпион», знамени-

тая пенталогия (цикл из пяти романов) об индейском вожде Чингачгуке и его «бледнолицем брате» Натти Бампо по прозвищу Кожаный Чулок: «Пионеры», «Зверобой», «Следопыт», «Прерия», «Последний из могикан». Эти романы сделали имя Купера знаменитым на весь мир. Когда через несколько лет он поехал с семьей во Францию, в госиницу, где он остановился, приехал сам Вальтер Скотт. Это была огромная честь. Всемирно известный писатель специально приехал из Лондона, чтобы встретиться с тем, кого критики называли «американским Вальтером Скоттом».

Последняя толстая книга Купера вышла всего за несколько месяцев до его смерти и называлась «История Нью-Йорка».

В. П. Авенариус, «Бироновщина», «Два регенства», «Опальные».

Василий (Вильгельм) Петрович Авенариус (1839—1923) был одним из пятнадцати детей лютеранского пастора, выходца из Германии. Все мужчины из рода Авенариусов обычно становились профессорами или проповедниками. Василий нарушил семейную традицию и избрал для себя карьеру чиновника. После окончания Петербургского университета он поступил на службу (вначале — в Министерство внутренних дел, затем — в Министерство народного просвещения). Он добросовестно относился к своим обязанностям и постепенно достиг высокого положения (должность тайного советника). Однако главным делом для Авенариуса все же стала не служба, а литература.

Начинал он и как прозаик, и как поэт, но первые литературные опыты не принесли ему известности. Популярность пришла к Авенариусу, когда он начал пересказывать для детей сказки разных народов, а позже и сам писать книги для малышей. Две из них («Сказка о пчеле Мохнатке» и «Что комната говорит») даже получили престижную награду педагогического общества. Ободренный успехом, Авенариус начал писать и другие, толстые книги. В основном это были исторические повести и биографии знаменитых ученых, путешественников, писателей.

Исторические романы Авенариуса были посвящены в основном переломным моментам в развитии России. Среди них можно назвать и романы «Два регенства», «Бироновщина», «Опальные».

Дж. Р. Толкиен, трилогия «Властелин колец» («Братство кольца», «Две твердыни», «Возвращение государя»).

Джон Роналд Руэл Толкиен (1892—1973) — один из самых известных писателей, автор знаменитого «Хоббита» и трехтомного «Властелина колец», повествующих о сказочной стране Средиземье, где живут эльфы, хоббиты, маги, чародеи, злобные орки и другие фантастические существа. Толкиен создал особый, «другой» мир, положив начало целому направлению в литературе, которое получило название «фэнтези».

Толкиен был очень образованным человеком — университетским профессором, лингвистом и знатоком литературы. Он в совершенстве знал множество языков, в том числе и языки древние.

Первая сказка, которую он написал, называлась «Хоббит, или Туда и Обратно» (с ней вы уже знакомы по курсу 5 класса). Первыми читателями, а точнее, слушателями «Хоббита» стали сыновья писателя Джон, Майкл и Кристофер, которым он пересказывал его «вечерами, после чая». Только потом книга была напечатана. Она моментально стала знаменитой.

Именно из «Хоббита» затем вырастет величественный эпос, который получит название «Властелин Колец», история зловещего Кольца Всевластия, состоящая из шести частей (в трех томах).

Кир Булычев, «Девочка, с которой ничего не случится», «Остров ржавого лейтенанта», «Сто лет тому вперед», «Пленники астероида», «Лиловый шар».

Настоящее имя знаменитого писателя Кира Булычева (родился в 1934 году) — Игорь Всеволодович Можейко и писателем Киром Булычевым он стал совсем не сразу.

Вначале он окончил Московский институт иностранных языков и попал на работу в далекую азиатскую страну Бирму. А вернувшись на родину, защитил диссертацию и стал настоящим ученым. Впереди его ждала полная очень серьезных и важных исследований жизнь.

Но вот однажды... редакции альманаха «Искатель», с которым сотрудничал Можейко, срочно понадобилось вставить в номер фантастический рассказ. В работе приняло участие несколько человек, но лучшим оказался рассказ ученого-востоковеда Игоря Можейко. Именно под этим

«случайным» рассказом впервые и появилась подпись «Кир Булычев» — псевдоним, составленный из имени жены и девичьей фамилии матери. Вскоре под этим псевдонимом из печати стало выходить множество повестей и рассказов, сразу же ставших необычайно популярными... Именно так серьезный историк Можейко начал писать «несерьезную» фантастику. Про девочку Алису из XXII века, про захолустный городок Великий Гусляр, про космического доктора Владислава Павлыша и про многое-многое другое...

Книги «Девочка, с которой ничего не случится», «Остров ржавого лейтенанта», «Сто лет тому вперед», «Пленники астероида» и «Лиловый шар» рассказывают о новых приключениях Алисы, девочки из XXII века, с которой вы уже знакомы по книгам «Девочка с Земли» и «Миллион приключений».

Р. Д. Брэбери, «451° по Фаренгейту», «Марсианские хроники», рассказы.

Рэймонд Дуглас Брэбери (род. в 1920 году) — один из классиков современной научной фантастики. Еще в детстве он зачитывался, наряду с Шекспиром и Диккенсом, произведениями Э. Берроуза и Ж. Верна. Высшего образования он так и не получил. Зато свой первый фантастический рассказ он написал в возрасте всего 16 лет, а с 23 лет Брэбери уже работал как профессиональный писатель. Разнообразие жанров и тем произведений Брэбери поразительно. Он писал и романы «ужасов», и детективы, и книги для детей, и публицистику, и критические статьи. Однако прежде всего Брэбери известен как фантаст.

В книгу «Марсианские хроники» вошли связанные между собой новеллы о завоевании Марса. Это книга о столкновении двух культур, о трагической гибели обитателей Марса в результате занесенной землянами эпидемии, о гибели в результате ядерной войны Земной цивилизации и о новом старте этой цивилизации на опустевшей планете-соседке. Книга неоднократно экранизировалась, была переведена на многие языки мира.

Другое знаменитое произведение Брэдбери — роман «451° по Фаренгейту». В нем описывается кошмарное будущее, где погоня за пользой доведена до абсурда, а культура отрицается: в мире будущего пожарные-каратели сжигают книги, все до единой признанные вредными и замененные в повседневном обиходе «говорящими стенами».

Брэдбери написал множество рассказов, объединенных в такие сборники, как «Золотые яблоки Солнца», «Р — значит ракета», «Машины счастья», «К — значит космос», «Я пою тело электрическое», «Заполночь», «Рассказы о динозаврах» и другие.

Многие произведения Брэдбери были экранизированы (напр., «Марсианские хроники», «451° по Фаренгейту»), а сам писатель удостоен многочисленных литературных премий.

А. Азимов, романы из серии о Лакки Старре («Счастливчик Старр, космический рейнджер», «Счастливчик Старр и пираты астероидов», «Счастливчик Старр и Большое Солнце Меркурия», «Счастливчик Старр и океаны Венеры», «Счастливчик Старр и луны Юпитера», «Счастливчик Старр и кольца Сатурна»), рассказы.

Как ни странно, Айзек (Исаак) Азимов (1920—1992), один из самых знаменитых фантастов Америки и всего мира, родился в России, в Смоленской губернии, в местечке Петровици. Когда ему было всего 3 года, семья эмигрировала из СССР в США, где, приняв американское гражданство, Азимов окончил Колумбийский университет. После аспирантуры и службы в армии он защитил диссертацию и получил степень доктора философии. При этом Азимов слыл вундеркиндом — школу он окончил в 11 лет, колледж — в 15, университет — в 19, степень магистра получил — в 21, а доктора — в 28.

Первые же публикации Азимова принесли ему известность. За свою творческую жизнь он написал множество книг (их насчитывается более 400). Среди них были и научные работы, и критические статьи, и энциклопедии, и научно-популярные книги. Но первенство популярности, безусловно, принадлежит научно-фантастическим произведениям.

Один из наиболее популярных циклов писателя — это повести о Лакки Старре (Счастливишке Старре), космическом рейнджере. Среди этих повестей: «Счастливишка Старр, космический рейнджер», «Счастливишка Старр и пираты астероидов», «Счастливишка Старр и Большое Солнце Меркурия», «Счастливишка Старр и океаны Венеры», «Счастливишка Старр и луны Юпитера», «Счастливишка Старр и кольца Сатурна».

Многие рассказы Азимова были посвящены роботам и — шире — искусственному интеллекту. Позже они были объединены в сборник «Я, робот». Следом за первым сборником рассказов о

роботах последовали и другие: «Остальное о роботах», «Человек Двухсотлетия», «Все о роботах», «Сны роботов» и «Видения роботов». Позднее вместе с женой Азимов написал серию книг детской научной фантастики о роботе Норби («Норби — необыкновенный робот», «Другой секрет Норби», «Норби и пропавшая принцесса», «Норби и захватчики»).

Среди других сборников рассказов можно назвать: «Путь марсиан», «Вполне достаточно Земли», «Девять завтра».

А. Р. Беляев, «Голова профессора Доуэля», «Ариель», «Властелин мира», «Человек-амфибия».

Александр Романович Беляев (1884—1942) — один из основателей жанра русской научной фантастики. Родился он в Смоленске семье священника в которой царила атмосфера крайней набожности. Однако Александр рос непоседой, любил всевозможные розыгрыши, шутки. В играх и увлечениях мальчик был необуздан, поэтому родители старались приучить его к порядку и серьезному отношению к делам. По желанию отца Александра отдали учиться в духовную семинарию. С детства Беляев интересовался достижениями науки и техники. В стенах семинарии он не прекратил физических экспериментов и чтения естественнонаучных книг. Семинарию Беляев закончил в 1901 году, однако продолжать религиозное образование отказался и поступил в Демидовский лицей в Ярославле, собираясь стать юристом. Одновременно он получил музыкальное образо-

вание. Вскоре отец умер, средства семьи оказались ограничены, на обучение денег не хватало. Пришлось искать возможность заработать — Александр давал уроки, рисовал декорации для театра, играл на скрипке в оркестре цирка, занимался журналистикой, печатал в «Смоленском вестнике» театральные рецензии, отчеты о концертах. Работая адвокатом, Беляев начинает писать пьесы для театра, даже выступает в качестве режиссера. Но скоро тяжелая болезнь позвоночника приковывает его к постели. Шесть лет Беляев провел в неподвижности, не вставая с постели, в гипсовом корсете. Находясь в Ялте на лечении, он начал писать стихи. Когда наступило улучшение, Беляев смог вернуться к активной жизни: он работал инспектором по делам несовершеннолетних в Ялтинском уголовном розыске, воспитателем в детском доме, библиотекарем, а переехав в Москву — работником Народного комиссариата почт и телеграфа, затем — юрисконсультom в Народном комиссариате просвещения.

Дебютом писателя в научной фантастике был роман «Голова профессора Доуэля», принесший ему известность. Начав заниматься литературой профессионально, Беляев создает романы, составившие впоследствии классику русской научной фантастики: «Человек-амфибия», «Властелин мира», «Ариэль», «Последний человек из Атлантиды», «Продавец воздуха», «Подводные земледельцы», «Звезда КЭЦ» и многие другие. Все годы своей творческой биографии писатель боролся с преследовавшим его недугом. Незадолго до войны он перенес очередную операцию, поэтому на предложение эвакуироваться, когда началась вой-

на, он ответил отказом. Город Пушкин (пригород Ленинграда), где жил в последние годы А. Беляев с семьей был оккупирован. В 1942 году писатель умер от голода в осажденном фашистами Пушкине. Все произведения Беляева прославляют торжество человеческого разума и духа над косной природой, преодоление им «земного притяжения», достижениям грядущих эпох.

Д. Р. Киплинг, «Книги джунглей», «Ким».

Джозеф Редьярд Киплинг (1865—1936) родился в Индии, в городе Бомбее, куда его отец отправился в качестве преподавателя художественной школы. Индия навсегда останется в произведениях Киплинга одним из главных мотивов, именно в Индии будут разворачиваться события многих его романов и рассказов. Проведя шесть лет в частном пансионе в Англии, а затем окончив колледж, который готовил офицеров и чиновников колониальной службы, поступил на должность редактора в военную газету. Начинается активная литературная деятельность. Киплинг пишет стихи и рассказы, романы и сказки, которые становятся необычайно популярными. Его «Книги джунглей», в которых рассказывалась история мальчика Маугли, воспитанного в джунглях в волчьей стае, сделались не только известны на весь мир, но и породили множество подражаний (среди них и знаменитый «Тарзан» Э. Берроуза).

«Кима» вполне можно назвать «шпионским» романом. В нем действует мальчик по имени Ким, который становится агентом английских спецслужб и с честью выполняет возложенные на него

задания, преодолевая множество трудностей и преград.

За большой вклад в литературу Кипплингу была присуждена Нобелевская премия. До сих пор он остается одним из самых известных английских писателей.

Г. Дж. Уэллс, «Машина времени», «Остров доктора Моро», «Человек-невидимка», «Война миров», «Когда спящий проснется», «Первые люди на Луне».

Герберт Джордж Уэллс (1866—1946), пожалуй, может быть назван самым знаменитым писателем-фантастом. На протяжении всей жизни вокруг творчества Уэллса не утихали споры. Каждая его книга заставляла говорить о себе. Его произведения поистине обрели мировую славу. Тем не менее семья, в которой родился Уэллс, никак не ожидала, что один из ее членов станет всемирно известным писателем. Родители Герберта владели небольшой посудной лавкой. Поэтому не было ничего удивительного в том, что Герберт был отдан в коммерческую школу. В четырнадцать лет он уже работал в мануфактурной лавке, учась на торговца тканями, затем — в аптеке, позже снова в мануфактурной лавке... В конце концов он оттуда сбежал и устроился помощником учителя в городской школе. Этому помогли необыкновенное усердие и самообразование, которому Герберт отдавал много сил и времени. Вскоре он поступает в Лондонский университет, начинает заниматься журналистикой. Первым фантастическим произведением, сразу же принес-

шим автору успех, был роман «Машина времени». Вслед за первым романом последовали и другие: «Остров доктора Моро», «Человек-невидимка», «Война миров», «Когда спящий проснется», «Первые люди на Луне».

В ту пору в научной фантастике безраздельно «царствовал» Жюль Верн. Многие Уэллса так и называли: «английский Жюль Верн». Однако романы Уэллса мало чем походили на произведения его французского собрата по перу. Уэллс первым в фантастике стал писать не о научных изобретениях и судьбах отдельных людей, но о судьбе всего человечества. Больше всего его интересовало, каким образом научно-технический прогресс может изменить поведение, мысли, жизнь людей, населяющих нашу планету.

Всю свою жизнь Уэллс много работал как литератор, критик, публицист, а во время войны и как пропагандист. Он написал множество романов, которые до сих пор входят в золотой фонд научной фантастики.

Г. Р. Хаггард, «Копи царя Соломона», «Дочь Монтесумы».

Генри Райдер Хаггард (1856—1925) — один из самых известных и плодовитых писателей приключенческого жанра. И это несмотря на то, что в детстве его отец считал, что его сын (Райдер был восьмым ребенком в семье) обделен способностями. По этой причине мальчик, единственный из всей семьи, не получил систематического образования, а затем был отослан в Африку, в провинцию Наталь, где работал секретарем мест-

ного губернатора. Здесь Хаггард охотился и путешествовал, а затем стал общаться с местным населением — зулусами — и изучать язык аборигенов. Туземцы дали Райдеру прозвище «Инданда», что означало «человек высокого роста и доброго нрава». Они охотно знакомили его с местными легендами и историями из далекого прошлого африканских племен, даже показывали ритуальные пляски колдунов.

Африканские впечатления переполняли Хаггарда, и он начал писать свой первый роман. Вскоре из-за осложнившейся обстановки Хаггард был вынужден вернуться на родину. Там, после первых попыток заняться адвокатурой, Райдер понял, что его призвание — быть писателем. Однако первые книги не принесли ему успеха. И лишь после появления романа «Копи царя Соломона» о Хаггарде заговорили. На долю романа выпал ошеломляющий успех.

За этим романом последовали и другие. Пользовавшиеся столь же громкой славой: «Она» (история любви англичанина и бессмертной женщины Айши, правительницы африканской страны Кер), «Эрик Светлоокый» (созданный по мотивам скандинавских саг), «Дочь Монтесумы» (посвященный история гибели цивилизации ацтеков) и многие другие.

Занимался Хаггард и политикой. Он был активным участником и консультантом правительственных комиссий по сельскому хозяйству и делам колоний, а однажды даже баллотировался на выборах в парламент. В 1911 году король за большие заслуги пожаловал ему рыцарское звание.

К. С. Льюис, «Хроники Нарнии».

Клайв Стейплз Льюис (1898—1963), как и его собрат по перу и одновременно друг Р. Р. Толкин, является создателем жанра, получившего название «фэнтези». Родившись в семье судейского чиновника, Клайв окончил закрытую школу и собирался поступать в университет. Однако шла Первая мировая война, и его, девятнадцатилетнего, призвали в армию. На фронте ему довелось увидеть и испытать многое... И все же несмотря ни на что он стал студентом, а затем преподавателем в Оксфорде, знатоком классической и средневековой литературы. Начал он писать и художественные произведения, самыми известными из которых стали «Космическая трилогия» и «Хроники Нарнии».

«Космической трилогии» предшествовала примечательная история. Толкин и Льюис поспорили, кто лучше напишет роман. Толкин должен был написать про путешествие во времени, а Льюис — про путешествие в пространстве. Толкин не закончил работу, зато Льюис в итоге написал целых три романа: «За пределы Безмолвной Планеты», «Переландра» и «Мерзейшая мощь». Это действительно были романы о путешествии в пространстве, где силы Добра и Зла ведут грандиозную битву за человеческую душу.

Другим грандиозным произведением Льюиса стали «Хроники Нарнии», объединившие в себе целых семь книг («Племянник чародея», «Лев, колдунья и платяной шкаф», «Конь и его мальчик», «Принц Каспиан», «“Покоритель зари” или Плавание на край света», «Серебряное кресло», «Последняя битва»).

В. А. Обручев, «Плутония», «Земля Санникова».

Владимир Афанасьевич Обручев (1863—1956) был знаменитым путешественником, ученым-геологом и естествоиспытателем, академиком.

Обручев был потомком нескольких поколений военных: внуком генерала, сыном полковника. Однако Владимир не пошел служить в армию, его увлекала геология. Окончив Горную академию, Обручев участвовал в экспедициях в пустыню Кара-Кум, в Сибирь, два года провел, исследуя Китай, потом исследовал Забайкалье... Он открывал месторождения угля, нефти, золота, преподавал в университетах Томска, Симферополя, Москвы...

Литературная деятельность Обручева, как это часто бывает, началась почти случайно. Еще в детстве он зачитывался сочинениями Жюль Верна, Майн Рида, Фенимора Купера, и сочинения эти казались ему прекрасными. Но, став ученым, Обручев посмотрел на дело иначе: он обнаружил, например, в романе Жюль Верна «Путешествие к центру Земли» массу геологических ошибок и неточностей. И тогда Обручев написал свою «Плутонию» — свободную фантазию, основанную на строгих научных фактах, рассказ о неизвестной земле, находящейся в недрах планеты.

Через несколько лет точно таким же образом появилась «Земля Санникова». Владимира Афанасьевича огорчила книга чешского писателя Глоуха «Заколдованная земля», но, вместо того чтобы критиковать и возмущаться, он написал другую — свою книгу.

Романы Обручева — это приключения ученых: геолога, ботаника, зоолога... В своих увлекательных экспедициях эти люди попадают в неведомый мир, далекое прошлое нашей планеты.

Обручев написал более 600 научных трудов, 2500 рецензий, 323 научно-популярные работы, 17 художественных произведений, создал более 160-ти геологических карт и схем. Среди приключенческих романов Обручева можно назвать «Записки кладоискателя», «Золотоискатели в пустыне» и другие.

А. И. Мирер, «Дом скитальцев».

Александр Исакович Мирер (1927—2001) был одним из оригинальнейших писателей-фантастов.

По основной специальности Мирер был инженером и работал главным конструктором во Всесоюзном НИИ электротермического оборудования, а затем — редактором в издательстве. Помимо научно-фантастических произведений, писал он и литературоведческие статьи (под псевдонимом «А. Зеркалов»), статьи о творчестве братьев Стругацких, других отечественных и зарубежных авторов, даже выпустил отдельную книгу о творчестве Михаила Булгакова.

В фантастику Мирер пришел в 35 лет, после прочтения романа С. Лема «Солярис». Он написал несколько рассказов — по определению самого автора, «очень плохих». Однако вскоре выходят два произведения, которые поставили Мирера в ряд наиболее известных российских фантастов. Это романы «У меня девять жизней» и «Дом скитальцев», по мотивам которого в 1990 году

был поставлен художественный фильм «Посредник». Роман «У меня девять жизней» описывает приключения героев в параллельном мире, цивилизацией которого руководит искусственный разум. Роман «Дом скитальцев» рассказывает о вторжении высокоразвитой цивилизации инопланетян на Землю и о том, как обыкновенные дети, учащиеся школы, смогли этому помешать.

А. П. Казанцев, «Фазты».

Александр Петрович Казанцев (1906—2002) — выдающийся российский писатель-фантаст, конструктор и ученый.

Окончив Томский технологический институт, Казанцев работал главным механиком на металлургическом комбинате, там же сделал свои первые изобретения. С одним из них он приехал в Москву, добился встречи с наркомом тяжелой промышленности Г. К. Орджоникидзе. Тот, заинтересовавшись работами Казанцева, принял решение о переводе его в Москву для продолжения работы над изобретением. Спустя три года сухопутная электроторпеда военинженера 3 ранга Казанцева представляла собой переделанную из старого вездехода танкетку, начиненную взрывчаткой и направляемую к вражеским позициям прямо из окопа. Успешно пройдя испытания, «сухопутная торпеда» была принята на вооружение. С их помощью взрывали доты при прорыве Ленинградской блокады. То, что не под силу было авиации, артиллерии и пехоте, делали «торпеды» Казанцева (в настоящее время они выставлены в Москве в музее на Поклонной горе). А. П. Казан-

цев прошел Великую Отечественную войну от солдата до полковника, создал НИИ (научно-исследовательский институт) электромеханики. После войны он посвятил себя литературе. Научно-фантастические романы Казанцева остаются чрезвычайно популярны и по сей день. Написанные со строго научных позиций, они поднимают проблему контакта с внеземными цивилизациями, излагают в популярной форме смелые научные гипотезы. Среди романов Казанцева можно назвать «Пылающий остров», «Арктический мост», «Сильнее времени», «Купол Надежды» и другие. По мотивам повести «Внуки Марса» был поставлен художественный фильм «Планета бурь». Казанцев выступал и как активный пропагандист жанра научной фантастики, он был инициатором создания знаменитого альманаха фантастической и приключенческой прозы «Искатель».

Роман «Фаэты» посвящен гипотезе о существовании в Солнечной системе планеты Фаэтон (на месте нынешнего пояса астероидов), на которой существовала высокоразвитая цивилизация, уничтожившая себя в результате глобальной войны. О том, как фаэты в отдаленные исторические времена «посещали» Землю, как способствовали развитию цивилизаций и культур, повествует эта книга.

Э. Сетон-Томпсон, рассказы о животных

Книги канадского писателя Эрнеста Сетона-Томпсона (1860—1949) известны во всем мире. Семья Сетонов происходила из Шотландии и имела древнюю родословную. Один из ее пред-

ков когда-то давно не слишком удачно ввязался в политику и, чтобы спасти свою жизнь, ему пришлось не только бежать из родной Шотландии, но даже сменить древнюю фамилию «Сетон» на «Томпсон».

Когда коммерческие дела семьи Томпсонов пришли в упадок, они перебрались в Северную Америку начинать новую жизнь. С ними был и их младший сын, Эрнест. Семья вначале пыталась заниматься фермерством, затем переехала в город Торонто.

Эрнест с детства испытывал тягу к естествознанию. Он изучал птиц и животных, интересовался книгами на эти темы. Кроме того, у него были способности к рисованию, и отец, видевший младшего сына преуспевающим художником, отправил его в Лондон учиться живописи. Там Эрнест поступил не куда-нибудь, а в Королевскую академию. Однако средств на обучение не хватало, и через два года Эрнест вернулся домой, в Канаду. После недолгой жизни на ферме он прихватил с собой краски, несколько долларов и отправился покорять Нью-Йорк. Там ему удалось устроиться в издательство художником-иллюстратором. А рассказы о животных, которые Эрнест вскоре начал публиковать на страницах журналов, были замечены и критиками, и читателями. Вскоре Сетон-Томпсон стал известным в Америке человеком. Он познакомился с Марком Твеном и даже президентом Теодором Рузвельтом. Его картины висели в престижных галереях мира, а его четырехтомная «Жизнь диких зверей» была удостоена высшей награды, которую можно получить в США за научный труд.

Рассказы о животных Сетона-Томпсона переведены на многие языки мира, их читают во всех уголках планеты. Истории о мустанге-иноходце, о лисе по имени Домино, о кошке Королевской Аналостанке и многих других зверях полюбились многим поколениям читателей.

Г. Э. Бичер-Стоу, «Хижина дяди Тома».

Гарриет Элизабет Бичер-Стоу (1811—1896), будущая знаменитая американская писательница, появилась на свет в большой семье деревенского пастора. Родители Гарриет были людьми глубоко религиозными. Они воспитывали детей в суровых традициях, и Гарриет росла не по годам серьезной и умной девочкой. Когда она выросла, то стала учительницей в школе, открытой ее старшей сестрой Кэтрин. Вскоре Гарриет вышла замуж и целиком посвятила себя семье — нянчила детей, шила, готовила, приводила в порядок дом. А чтобы помочь мужу — писала рассказы для местных газет.

Но вот в один прекрасный день конгресс США принял закон о беглых рабах. Теперь плантаторы получали право преследовать своих негров не только в южных, рабовладельческих штатах, но и на севере страны, где рабство было запрещено. Этот закон о беглых рабах настолько возмутил Гарриет, что она решила написать книгу, которая заставила бы людей осознать всю жестокость и омерзительность рабства. Эта идея пришла к Гарриет во время богослужения в церкви. Именно там перед ее глазами возникла сцена смерти старого негра. Как вспоминали люди, знавшие Гарриет,

«она была так потрясена, что едва сдержала рыдания. Придя домой, она немедленно взяла ручку и бумагу и записала видение...» И после этого начала создавать главную книгу своей жизни.

Успех «Хижины дяди Тома» превзошел все ожидания. Она стала расходиться огромными тиражами, а сама Бичер-Стоу сделалась всемирно известной писательницей.

Книгу до сих пор любят читатели многих стран, даже несмотря на то, что рабство уже давно повсюду отменено. Вероятно, это происходит потому, что книга талантлива и говорит с людьми на очень важные, вечные темы — о доброте, милосердии и борьбе человека за собственное достоинство.

СОДЕРЖАНИЕ

МИФЫ НАРОДОВ МИРА

Славянские мифы

Славянский пантеон	4
Божества календарной обрядности	13
Дополнительные сведения из славянской мифологии, представления о «рае», языческие праздники	15

Греческие мифы

Гомер

Сведения об авторе	18
История странствий Одиссея (по поэме Гомера «Одиссея»)	19

Китайские мифы

Инь и ян	40
Хуньдунь — воплощение первобытного хаоса	41
Паньгу — творец мира	42
Богиня Нюйва лепит людей из глины	44
Нюйва — богиня любви и брака	45
Нюйва спасает мир от гибели	46
Удивительные жители неведомых стран	47
Мифы и легенды о драконах	53

Мифы Мезоамерики

Общие сведения	58
<i>Из книги майя-киче «Пополь-Вух»</i>	
Боги решают сотворить мир	58
Боги создают землю и животных	60
Первая попытка создать человека: боги лепят глиняных людей	62
Вторая попытка создать человека: боги вырезают людей из дерева	62

Боги уничтожают людей из дерева	64
Происхождение братьев	
Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу	66
Братья играют в мяч. Владыки	
царства мертвых Шибальбы	
слышат их игру	66
Совет владык Шибальбы	67
Посланцы Шибальбы отправляются	
к Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу	68
Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу	
спускаются в Шибальбу	69
Места испытаний в Шибальбе.	
Владыки Шибальбы приносят	
в жертву Хун-Хун-Ахпу	
и Вукуб-Хун-Ахпу	71
<i>Мифы североамериканских индейцев</i>	
<i>Г. Лонгфелло</i>	
Из «Песни о Гайавате»	73

ЛЕТОПИСАНИЕ

О русском летописании и о «Повести	
временных лет»	77
Отрывки из «Повести временных лет»	
Поход Олега на Византию	79
О крещении Руси	82

ИЗ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX—XX ВЕКОВ

<i>К. Н. Батюшков</i>	
Сведения об авторе	86
«Песнь Гаральда Смелого»	87
<i>А. И. Одоевский</i>	
Сведения об авторе	88
«Луна»	89
«Бал»	90

А. С. Пушкин	
Сведения об авторе	91
«Дубровский»	92
Н. В. Гоголь	
Сведения об авторе	98
«Вечер накануне Ивана Купала»	99
«Ночь перед Рождеством»	101
«Страшная месть»	105
«Вий»	110
Н. С. Лесков	
Сведения об авторе	117
«Левша»	119
Л. Н. Андреев	
Сведения об авторе	128
«Баргамот и Гараська»	129
«Петька на даче»	130
М. М. Пришвин	
Сведения об авторе	131
«Кладовая солнца»	133
В. Г. Распутин	
Сведения об авторе	137
«Уроки французского»	138
В. П. Астафьев	
Сведения об авторе	144
«Конь с розовой гривой»	145
Ю. М. Нагибин	
Сведения об авторе	148
«Мой первый друг, мой друг бесценный»	149

РУССКИЕ ПОЭТЫ О РОДИНЕ И РОДНОЙ ПРИРОДЕ

А. А. Фет	
Сведения об авторе	157
«Я пришел к тебе с приветом...»	158

«Шепот, робкое дыханье...»	158
«На заре ты ее не буди...»	159
«Я жду... Соловьиное эхо...»	159
«Еще весны душистой нега...»	160
«На стоге сена ночью южной...»	160
«Учись у них — у дуба, у березы...»	161
А. К. Толстой	
Сведения об авторе	161
«Колокольчики мои»	162
«Вот уж снег последний в поле тает...»	163
«Острою секирой ранена береза...»	163
«Дробится, и плещет...»	164
Ф. И. Тютчев	
Сведения об авторе	164
«Весенняя гроза»	165
«Полдень»	165
«Осенний вечер»	166
«Эти бедные селенья...»	166
«Природа — сфинкс...»	167
Вл. С. Соловьев	
Сведения об авторе	167
«Осеннею дорогой»	168
И. А. Бунин	
Сведения об авторе	168
«Не видно птиц. Покорно чахнет...»	169
«Родина»	170
«Еще и холоден и сыр...»	170
С. А. Есенин	
Сведения об авторе	171
«Гой ты, Русь моя родная...»	172
«Гляну в поле, гляну в небо...»	172
«Вот оно, глупое счастье...»	173
«Весенний вечер»	173

«Ночь»	174
«С добрым утром!»	174
«Буря»	175
«За рекой горят огни...»	175

ИЗ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В. Скотт

Сведения об авторе	176
«Айвенго»	178

М. Твен

Сведения об авторе	251
«Приключения Гекльберри Финна»	253

Р. Л. Стивенсон

Сведения об авторе	291
«Остров сокровищ»	293

Д. Лондон

Сведения об авторе	320
«Белое безмолвие»	322
«Любовь к жизни»	328
«Мексиканец»	338

У. Д. Голдинг

Сведения об авторе	344
«Повелитель мух»	345

Список литературы, рекомендуемой для прочтения	385
---	------------

Учебное издание

**Родин Игорь Олегович,
Пименова Татьяна Михайловна**

**ВСЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ШКОЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ
В КРАТКОМ ИЗЛОЖЕНИИ
6 класс**

Редакция «Образовательные проекты»

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953005 — литература учебная

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.003857.05.06 от 05.05.2006 г.

ООО «Издательство АСТ»
170002, РФ, г. Тверь, пр-т Чайковского, д. 27/32

ООО «Издательство Астрель»
129085, Москва, пр-д Ольминского, д. 3а

Наши электронные адреса: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

По вопросам приобретения книг обращаться по адресу:
129085, Москва, Звездный бульвар, дом 21, 7 этаж
Отдел реализации учебной литературы
«Издательской группы АСТ»
Справки по телефону: (495)615-53-10, факс 232-17-04

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ООО «Типография ИПО профсоюзов «Профиздат»
144003, г. Электросталь, Московская область, ул. Тевосяна, д. 25

- В книгу вошли все произведения школьной программы по литературе за 6 класс.
- Пособие включает краткое содержание самих произведений (как отечественных, так и зарубежных авторов), отрывки из критических статей, библиографические сведения об авторах, анализ текста и справочные материалы по теории литературы.
- Книга будет незаменимым помощником при изучении курса литературы, повторении пройденного материала, а также при подготовке и сдаче экзаменов.

